

Неизвестная революция 1917-1921.

Книга вторая

Большевизм и анархия

Всеволод Волин

Оглавление

Часть 1. Две идеи Революции	4
Глава I. Две противоположных концепции Социальной Революции	5
Глава II. Причины и следствия большевистской концепции	10
Часть 2. Вокруг Октябрьской Революции	27
Глава I. Деятельность большевиков и анархистов накануне Октября	28
Глава II. Позиция анархистов по отношению к октябрьской Революции	33
Глава III. Другие разногласия	34
Глава IV. Некоторые замечания	36
Часть 3. После Октября	40
Глава I. Большевики у власти. Различия между ними и анархистами	41
Глава II. По наклонной плоскости	50
Глава III. Анархистские организации	63
Глава IV. Неизвестная (анархистская) печать в русской Революции: ее голос, ее борьба, ее конец	66
Глава V. Несколько случаев из жизни	78
Часть 4. Репрессии	87
Глава I. Подготовка	88
Глава II. Начало	90
Глава III. Пароксизм	92
Глава IV. Лев Черный и Фанни Барон	96

Глава V. Лефевр, Вержа и Лепти	98
Глава VI. Случай из жизни	100
Глава VII. Финальный аккорд	105
Глава VIII. Ложь и клевета	107
Глава IX. Трюк с «делегациями»	110
Глава X. Большевистское «правосудие»	113
Часть 5. Большевистское государство	117
Глава I. Характер государства	119
Глава II. Положение рабочих	122
Глава III. Положение крестьян	127
Глава IV. Положение функционеров	134
Глава V. Политическая структура	137
Глава VI. Общая картина	141
Глава VII. «Достижения»	143
Глава VIII. Контрреволюция	163

Часть 1. Две идеи Революции

Глава I. Две противоположных концепции Социальной Революции

Нашей основной задачей является определить и рассмотреть, по мере возможности, то, что в русской Революции остается *неизвестным* или *малоизвестным*.

Подчеркнем один момент, которому на Западе не придается большого значения или, скорее, рассматривается он весьма поверхностно.

Начиная с октября 1917 года русская Революция вступает в совершенно новую область: великой Социальной Революции. Она идет по особому, неведомому пути.

Отсюда следует, что развитие Революции приобретает новый, необычный характер.

(С этого момента наш рассказ будет отличаться от всего, что было написано выше. Сама тема диктует нам изменение его общей направленности, составных частей, самого языка повествования. Это не должно удивлять читателя.)

Перейдем к другому, менее известному аспекту, который для многих окажется неожиданным. Ранее мы, однако, уже затрагивали эту проблему.

В пору кризисов, предшествовавших октябрьской Революции 1917 года, *лишь большевизм предлагал как руководство к действию концепцию Социальной Революции. Если не говорить о доктрине левых эсеров, по своему политическому, авторитарному, государственническому и централистскому характеру близкой к большевизму, а также о некоторых других подобных незначительных объединениях, в революционных кругах и в среде трудящихся масс оформилась и распространилась другая фундаментальная и последовательная идея подлинной Социальной Революции: анархистская идея.*

Ее влияние, поначалу очень слабое, в ходе событий возрастало. В конце 1918 года оно достигло таких масштабов, что большевики, не допуская никакой критики — и, тем более, противоречий или оппозиции, — серьезно обеспокоились. *С 1919 до 1921 года им пришлось вести жестокую борьбу против этой идеи — не менее длительную и напряженную, чем борьба против реакции.*

Здесь необходимо подчеркнуть еще один момент, не получивший достаточной известности: находившийся у власти большевизм боролся против анархистской и анархо-синдикалистской идеи и движения не в сфере идеологии, не честными и законными средствами — он использовал те же репрессивные методы, открытое насилие, что и в своей борьбе с силами реакции. В начале у либертарных организаций бесцеремонно отобрали штаб-квартиры, пропаганда и другая деятельность анархистов оказались под запретом. Большевики лишили народные массы возможности услышать голос анархистов, вызвали к ним недоверие. Но поскольку, несмотря на все запреты, идея продолжала завоевывать массы, большевики быстро перешли к более решительным действиям: арестам, объявлениям вне закона, смертной казни.

Тогда началась неравная борьба двух течений — одно стояло у власти, другое противостояло ей, — вылившаяся в некоторых регионах страны в настоящую гражданскую войну. На Украине, в частности, эта война продлилась более двух лет и вынудила большевиков мобилизовать все силы для удушения анархистской идеи и подавления вдохновлявшегося ей народного движения.

Таким образом, борьба между двумя концепциями Социальной Революции, между Властью большевиков и отдельными движениями трудящихся масс заняла очень важное место в событиях периода 1919–1921 гг.

Однако по понятным причинам все авторы без исключения, от крайне правых до крайне левых — мы не говорим о либертарной литературе — обходят этот факт молчанием. Это обязывает нас рассмотреть его с максимальной точностью и обратить на него особое внимание читателя.

С другой стороны, возникают два вопроса:

1. Если накануне октябрьской Революции большевизм одобряло подавляющее большинство населения, то почему анархистские идеи столь быстро завоевали массы?
2. Какова была в точности позиция анархистов по отношению к большевикам и почему последние повели борьбу — и борьбу жестокую — против либертарной идеи и движения?

Ответ на эти вопросы во многом поможет нам показать читателю истинное лицо большевизма.

Сравнение обеих идей и обоих движений в действии позволит лучше узнать их, дать им справедливую оценку, понять причины войны между двумя лагерями и, наконец, «прощупать пульс» Революции после большевистского октябрьского переворота.

Сравним в общих чертах обе идеи.

Большевистская идея заключалась в том, чтобы на развалинах буржуазного государства построить новое «рабочее государство», создать «рабоче-крестьянское правительство», установить «диктатуру пролетариата».

Анархисты предлагали трансформировать экономические и социальные основы общества, не прибегая к какому бы то ни было политическому государству, правительству, «диктатуре», то есть осуществить Революцию и решить поставленные ей проблемы не политическими и государственными средствами, а в процессе естественной и свободной экономической и социальной деятельности объединений трудящихся, свергнувших последнее капиталистическое правительство.

Для координации действий первая концепция предусматривала центральную политическую власть, организующую государственную жизнь при помощи правительства и его уполномоченных, а также формальных указаний «центра».

Другая концепция предполагала: безусловный отказ от политической и государственной организации; прямые договоренности и сотрудничество на федералистской основе между экономическими, социальными, техническими и другими объединениями (профсоюзами, кооперативами, разного рода ассоциациями и пр.) на местном,

региональном, национальном и международном уровнях; то есть централизацию не *политическую* и *государственную*, исходящую от *полновластного* центрального правительства сверху вниз, а *экономическую* и *техническую*, идущую снизу вверх, учитывающую реальные потребности и интересы, установленную естественным и логичным путем в соответствии с конкретной необходимостью, без господства и власти.

Необходимо отметить, насколько абсурдным — или пристрастным — является обвинение анархистов в том, что они готовы «все разрушить», не имеют никакой «позитивной», созидательной программы, особенно если обвинение это исходит от «левых». Дискуссии между крайне левыми политическими партиями и анархистами всегда касались *позитивных и конструктивных задач* после разрушения буржуазного государства (с чем были согласны все). Каковы пути строительства нового общества: государственнический, централистский и политический или же федералистский, аполитичный и социальный? Вот постоянная тема их споров: это неопровержимо доказывает, что анархистов всегда заботило главным образом *строительство* будущего общества.

Позиции партий: необходимости политического и централизованного «переходного» государства, анархисты противопоставляли свою: поступательный, *но немедленный* переход к подлинному экономическому и федеративному сообществу людей. Политические партии опираются на социальную структуру, проверенную столетиями существования политических режимов, и утверждают, что модель эта конструктивна. Анархисты считают, что строительство нового общества *с самого начала* должно вестись новыми способами, и *эти способы отстаивают*. Правы они или нет, но это свидетельствует, во всяком случае, о том, что они прекрасно знают, чего хотят, и имеют четкие конструктивные позиции.

Согласно расхожему ошибочному — или умышленно неточному — толкованию, либертарная концепция не предусматривает никакой организации. Это в корне неверно. Речь идет не об «организации» или ее отсутствии, а о *двух различных принципах организации*.

Всякая революция обязательно начинается более или менее стихийно, то есть неупорядоченно, хаотично. Само собой — и анархисты понимают это не хуже других, — что если революция не выйдет за пределы этой первоначальной стадии, то потерпит поражение. После первого стихийного подъема в революцию, как и во все другие сферы человеческой деятельности, необходимо внести организационный принцип. И тогда возникает важный вопрос: каковы должны быть формы и основы этой организации?

Одни утверждают, что следует сформировать центральную руководящую группу — «элиту», — призванную управлять происходящим в соответствии со своими идеями, навязать их всему обществу, создать правительство и организовать государство, диктовать населению свою волю, силой устанавливать свои «законы», бороться против тех, кто с ней не согласен, до полного их уничтожения.

Другие считают, что подобная концепция абсурдна, противоречит основным тенденциям развития человечества и, в конечном итоге, абсолютно бесплодна, то есть гибельна для дела Революции. Разумеется, утверждают анархисты, общество должно быть организовано. Но эта новая, естественная и отныне возможная организация

должна осуществляться в обществе свободно и, главное, снизу. Организационный принцип должен исходить не из заранее созданного центра, навязывающего свою волю всему обществу, а — отличие именно в этом — отовсюду и завершиться образованием координационных органов, естественных центров, призванных служить всему народу. Безусловно, необходимо участие в этом процессе способных организаторов — той же «элиты». Но повсюду и при любых обстоятельствах они должны быть свободными, полноправными участниками общего дела, а не диктаторами. Они призваны подавать пример и способствовать добровольному объединению, координации, организации граждан с их инициативами, знаниями, способностями и склонностями, не господствуя над ними, не подчиняя их себе и не угнетая. Такие люди стали бы подлинными организаторами, а их дело — подлинной организацией, плодотворной и основательной, ибо является естественной, гуманной, действительно прогрессивной. А другой способ «организации», позаимствованный у прежнего общества угнетения и эксплуатации и предназначенный служить именно таким целям, был бы бесплодным и неустойчивым, несоответствующим новым задачам и поэтому совершенно непрогрессивным. Действительно, в подобной организации нет ничего от нового общества; напротив, она довела бы до пароксизма все пороки общества прежнего, поскольку изменила бы лишь их личину. Принадлежа отжившему свое общественному устройству, а значит, невозможная в качестве основы естественного, свободного и подлинно человеческого общества, она сможет существовать лишь при помощи новых уловок, обмана, насилия, угнетения и эксплуатации. Что неизбежно извратит и погубит всю революцию. Очевидно, что подобная организация в качестве движущей силы Социальной Революции непродуктивна. Она никоим образом не может служить «переходному обществу» (как то утверждают «коммунисты»), ибо в подобном обществе должны иметься хотя бы зародыши того, во что ему предстоит эволюционировать; но в обществе авторитарном и этатистском нет ничего, кроме того, что оно позаимствовало у свергнутого предшественника.

Согласно либертарной точке зрения, сами трудящиеся массы посредством своих классовых организаций (заводских комитетов, промышленных и сельских профсоюзов, кооперативов и т. д.), централизованных на основе принципа федерализма, в соответствии с реальными нуждами должны на местах решать конструктивные задачи Революции. Свободно и сознательно, а значит, успешно и плодотворно должны они координировать свои усилия по всей стране. Роль «элиты» анархисты видят в помощи народным массам: в их просвещении, обучении, необходимых советах; они призваны побуждать к тем или иным делам, подавать пример, поддерживать народ в его действиях, но не руководить им на манер правительства.

По мнению анархистов, удачное решение поставленных Социальной Революцией задач может быть лишь свободным и сознательным, коллективным и солидарным делом миллионов людей, гармонично учитывающим все разнообразие их потребностей и интересов, их идей, их сил и способностей, склонностей, знаний, умений и пр. Используя свои естественные экономические, технические и социальные организации, при помощи «элиты» и под защитой, в случае необходимости, своих свободно организованных вооруженных сил трудящиеся массы, как считают анархисты, будут реально двигать вперед Социальную Революцию и неуклонно реализовать на практике все ее задачи.

Взгляды большевиков диаметрально противоположны. По мнению большевиков, именно *элита* — их элита, — образовав правительство («рабочее», осуществляющее так называемую «диктатуру пролетариата»), должна проводить социальные преобразования и решать все проблемы. Массы призваны помогать этой элите (анархисты же, наоборот, считают, что элита должна помогать массам), верно, слепо, «механически» исполняя ее предначертания, решения, приказы и «законы». А вооруженная сила, подобие армий капиталистических стран, также должна слепо повиноваться «элите».

Таково было — и остается — основное различие двух концепций.

Обе эти идеи Социальной революции противостояли друг другу и во время потрясений в России в 1917 году.

Большевики, как мы говорили, не желали даже прислушаться к анархистам и тем более дать им возможность нести свои идеи в массы. Веря, что обладают абсолютной, бесспорной, «научной» истиной, считая, что должны немедленно обеспечить ее торжество, они повели борьбу и *силой* уничтожили либертарное движение, как только последнее начало привлекать к себе народные массы: обычная практика всех властителей, эксплуататоров и инквизиторов.

После октября 1917 года обе концепции вступили в острый и бескомпромиссный конфликт.

Четыре года этот конфликт держал в напряжении большевистскую власть, играя все более заметную роль в событиях Революции, пока либертарное движение не было окончательно подавлено вооруженной силой (конец 1921 года).

Мы уже говорили, что вопреки, или, вернее, по причине важности этого факта и его уроков, он тщательно замалчивался всей «политической» печатью.

Глава II. Причины и следствия большевистской концепции

Известно, что верх одержала политическая, государственническая и централистская концепция.

Здесь возникает предварительный вопрос, на который необходимо ответить, прежде чем перейти к рассмотрению событий и других вопросов.

¹ Здесь во избежание разного рода путаницы необходимо сделать некоторые уточнения.

Я использую термин «государство» в его нынешнем, обыкновенном и конкретном смысле: смысле, приобретенном в процессе длительной исторической эволюции, который полностью признается всеми; наконец, в смысле, *который по праву представляет собой предмет всей дискуссии.*

Государство означает устойчивый политический институт, «автоматически» централизованный или руководимый политическим Правительством, опирающийся на совокупность законов и механизмов принуждения.

Некоторые буржуазные, социалистические и коммунистические авторы и оппоненты понимают термин «государство» в ином, широком и общем смысле и утверждают, что это — вся организованная социальная система в целом. Отсюда они заключают, что всякое новое Общественное устройство, каким бы оно ни было, «обязательно» будет «государством». По их мнению, мы лишь спорим о словах.

Мы же считаем, что *они играют* словами. Конкретное, общепринятое и историческое определение они подменяют другим и используют его для борьбы против антигосударственной (либертарной, анархистской) идеи. Более того, они путают — сознательно или нет — два по сути своей различных понятия: «Государство» и «Общество».

Само собой, подлинное общество будущего будет именно «обществом». Пусть «общественники» его назовут «государством» или как-то иначе, это не важно. Речь идет не о слове, а о *сути*. (Можно предположить, что они откажутся от термина, обозначающего определенную и отжившую форму общества. Во всяком случае, если будущее — лучшее — общество будет названо «государством», то в совсем ином смысле, не в том, о котором мы говорим.) Важно — и это утверждают анархисты, — чтобы это будущее общество не имело ничего общего с тем, что называют «государством» в настоящий момент.

Пользуясь случаем заметить, что многочисленные авторы ошибочно признают только две возможности: либо *государство* (которое путают с обществом), либо ничем не упорядоченное соперничество и хаотичная борьба между личностями и группами людей. Сознательно или нет, но они отмечают *третью возможность*, которая не будет ни государством (в указанном выше конкретном смысле), ни случайным скоплением индивидуумов, но *обществом, основанном на свободных и естественных отношениях между различными объединениями и федерациями (потребителей, производителей...).*

Таким образом, существует не одна, а *две по сути своей различных антигосударственных концепции*: одна, неразумная и легко уязвимая, где за основу берутся якобы «свободные капризы индивидуумов» (кто выступает за подобную глупость? Уж не чистая ли это выдумка, служащая определенным целям?); другая неполитическая, в основе которой лежит явление хорошо организованное — отношения кооперации между различными объединениями. Во имя *последней* антигосударственной концепции и борются с государством анархисты.

То же самое относится и к термину «правительство». Многие заявляют: «Никогда нельзя будет обойтись без тех, кто организует, управляет, руководит и т. д.». Что ж, те, кто делает это в организованной социальной системе — в «государстве» — формируют «правительство», хотя того «общественники» или нет. И они еще утверждают, что спор ведется о словах! Здесь они совершают ту же ошибку: политическое правительство как орган принуждения политического государства — это одно; собрание инициативных

Каковы были основные причины победы большевизма над анархизмом в русской Революции? Как оценить эту победу?

Численное преимущество большевиков и плохая организация анархистов не служат достаточным объяснением неудачи последних: в ходе событий их число могло возрасти и организация улучшиться.

Насилие само по себе также не объясняет всего: если бы анархистские идеи вовремя завоевали широкие народные массы, без него можно было бы обойтись.

С другой стороны, мы увидим, что вину за поражение нельзя возлагать ни на либертарную идею, ни на действия анархистов: оно стало практически неизбежным следствием ряда факторов, не зависевших от их воли.

Попытаемся же установить основные причины поражения анархистской идеи. Их немало. Перечислим их в порядке значимости и попытаемся дать им справедливую оценку.

1. *Менталитет народных масс* (и образованных слоев населения).

В России, как и повсюду в мире, государство и правительство представлялось народным массам элементом необходимым, естественным, возникшим в истории раз и навсегда. Люди даже не задавались вопросом, являются ли Государство, Правительство¹ «нормальными», полезными, приемлемыми институтами. Это просто не приходило им в голову. И если кто-нибудь задавал такой вопрос, то встречал непонимание — и на этом все заканчивалось.

(В ходе Революции народные массы интуитивно начинали постепенно вставать на анархистские позиции. Но им не хватало сознательности и знаний об анархизме. И времени для их осмысления.)

2. Этот государственный предрассудок, почти врожденный, сформированный тысячелетней историей и ставший «второй натурой», поддерживался *всей печатью*, включая издания социалистических партий — особенно в России, где анархистской литературы практически не было, за исключением нескольких нелегальных брошюр и листовок.

Не следует забывать, что передовая российская молодежь читала литературу, в которой социализм неизменно был представлен в свете *государственном*. Марксисты и антимарксисты спорили между собой, но и те, и другие видели в *государстве* бесспорную основу всякого современного общества.

Для российской молодежи социализм всегда был неотделим от государства. За редкими, индивидуальными исключениями, она практически не имела представления об анархической концепции вплоть до событий 1917 года. Во все времена не только печать, но и *просвещение* в целом носило государственный характер.

3. По вышеизложенным причинам уже с самого начала Революции социалистические партии, включая большевиков, располагали значительным числом активистов, готовых к действию.

Уже в то время умеренные социалистические партии были достаточно многочисленными, что послужило одной из причин успеха меньшевиков и правых эсеров.

людей, организаторов, управленцев или технических, профессиональных, каких-либо еще директоров, необходимых для слаженной работы объединений, федераций и т. д. — другое.

Не будем же играть словами, чтобы не показалось, что о лишь словах мы спорим! Будет честными и откровенными. Допускаете ли вы, что политическое «государство», руководимое представительным,

Что касается большевиков, почти все они тогда находились за границей. Но быстро возвратились на родину и решительно взялись за дело.

По сравнению с социалистами и большевиками, которые с самого начала Революции выступали как массовые, организованные и сплоченные силы, *анархисты представляли собой лишь незначительную горстку активистов.*

(Дело было не только в их численности. Отвергая *политические* цели и средства, анархисты, следуя логике, не образовывали дисциплинированную политическую партию, стремившуюся захватить власть. Они организовывались в пропагандистские группы, занимавшиеся общественной деятельностью, а затем объединялись в ассоциации или федерации на основе добровольной дисциплины. Этот способ организации привел к тому, что временно они оказались слабее политических партий. Это, впрочем, ничуть их не обескураживало, ибо они работали ради того дня, когда широкие массы осознают — в силу вещей и не без помощи их разъяснительной и просветительской работы — жизненную правду анархической концепции.)

Помню, вернувшись из-за границы в Петроград в первых числах июля 1917 года, я был поражен огромным числом большевистских плакатов, извещавших о митингах и собраниях во всех уголках столицы и пригородов, в конференц-залах, на заводах и пр. Я не увидел ни одного анархистского плаката. Также мне стало известно, что партия большевиков издает ежедневные многотиражные газеты в столице, других городах и почти повсюду — на заводах, в хозяйственных службах, в армии — имеет массовые и влиятельные ячейки. И одновременно я с горьким разочарованием убедился в отсутствии в Петрограде анархической газеты и пропаганды вообще. Разумеется, имелось несколько либертарных группок в зачаточном состоянии. Кроме того, в Кронштадте (см. кн. III, гл. 1) было несколько активных анархистов, чье влияние уже начинало ощущаться. Но этих «кадров» оказалось недостаточно для ведения **эффективной пропаганды, призванной не только проповедовать практически неизвестные идеи, но и противостоять мощной агитационной**

политическим или каким-либо другим «правительством», сможет служить рамками общественного устройства будущего? Если да, вы не анархист. Если нет, вы уже во многом им являетесь. Допускаете ли вы, что политическое «государство» и т. п. может быть свойственно «переходному» к подлинному социализму общественному устройству? Если да, вы не анархист. Если нет — анархист.

² Волин, по его собственным словам, приехал в Петроград в начале июля 1917, т. е. после знаменитой «демонстрации» (точнее говоря, восстания) 3–4 июля 1917, в момент, когда анархическое движение в Петрограде было разбито репрессиями Временного правительства. До этого, с марта 1917, в столице действовала Федерация Анархистов-Коммунистов, имевшая к лету значительное влияние на некоторые полки (например, 1-й пулеметный) и предприятия, издававшая газету «Коммуна» (правда, небольшим тиражом). После 5 июля 1917 г. штаб-квартира Федерации на бывшей даче Дурново была очищена от анархистов, газета запрещена, революционные воинские части выведены, а активисты анархо-коммунистических групп либо сидели в тюрьме (П. Калабушкин, А. Железняков, И. Блейхман и др.), либо скрылись из города, бежав в провинцию (А. Федоров, М. Никифорова и др.) Другое дело, что петроградские большевики действительно обладали намного большими ресурсами и влиянием, чем анархисты.

³ «Голос Труда» — газета «Союза анархо-синдикалистской пропаганды», издавалась с 11 августа 1917 до начала июля 1918 в Петрограде, с апреля 1918 в Москве. Начиналась как еженедельник, с ноября 1917 выходила ежедневно. К началу 1918 года тираж достигал 10–15 тысяч экз. Закрывалась ЧК 12 апреля и — окончательно — 9 июля 1918 г.

Газета под тем же названием и практически с тем же составом редакции в марте 1911 — мае 1917 издавалась «Союзом русских рабочих» в Нью-Йорке, США (первое время ежемесячно, с сентября 1914 еженедельно); в июне 1917 редакция выехала в Россию.

деятельности большевиков. **На пятом месяце грандиозной революции в столице не был слышен голос анархистов! И это на фоне развязанной большевиками активности**². Вот к какому выводу я пришел. Только в августе, с большим трудом маленькой анархо-синдикалистской группе, состоявшей в основном из товарищей, прибывших из-за рубежа, удалось начать издание **еженедельной газеты («Голос Труда»)**³. А что касается устной пропаганды, в Петрограде ее способны были вести лишь три или четыре товарища. **В Москве ситуация оказалась лучше, там уже выходила ежедневная либертарная газета «Анархия», издававшаяся относительно многочисленной Федерацией**⁴. **В провинции пропагандистские ресурсы анархистов были незначительны**⁵.

Вызывает удивление, что, несмотря на столь неблагоприятную ситуацию и собственную малочисленность, анархисты позднее — и почти повсюду — сумели завоевать определенное влияние, вынудив большевиков вести против них вооруженную, временами весьма длительную борьбу. *Этот быстрый и спонтанный успех анархических идей очень показателен.* (Далее мы увидим, чем он объяснялся.)

Когда после моего возвращения в Россию товарищи поинтересовались моими первыми впечатлениями, я сказал им: «Наше отставание непоправимо. Как будто мы должны пешком догнать поезд большевиков, опередивший нас на 100 километров и едущий со скоростью 100 километров в час. Нам же предстоит не только догнать его, но и вскочить в него на полном ходу, выбить оттуда большевиков и, наконец, не только захватить поезд, но — что гораздо сложнее — предоставить его в распоряжение народных масс, помогая им двигать его вперед. Чтобы это удалось, необходимо чудо. Мы должны верить в него и делать все, чтобы оно произошло».

Добавлю, что «чудо» это за время Революции дважды было близко к осуществлению: первый раз в Кронштадте во время восстания в марте 1921 года; второй — на Украине, в момент подъема массового «махновского» движения.

Оба эти события, как мы уже говорили, замалчиваются или извращаются в работах некомпетентных или пристрастных авторов и остаются практически неизвестными широкой публике. Мы детально рассмотрим их в последней части нашей книги.

4. Некоторые события Революции (см. ниже) подтверждают, что, вопреки неблагоприятной ситуации и малочисленности анархистов, идея смогла бы проложить себе дорогу и даже восторжествовать *там, где российские трудящиеся массы в момент Революции имели давние, опытные, испытанные классовые организации, готовые осуществить эту идею на практике.* Однако на деле все обстояло иначе. Рабочие организации возникли лишь в ходе Революции. Конечно, численность их необычайно быстро возросла. Вскоре вся страна покрылась сетью профсоюзов, заводских комите-

⁴ «Анархия, общественно-литературная анархическая газета» — орган «Федерации Анархических Групп Москвы», издавалась с 13 сентября 1917 до 2 июля 1918, сначала как еженедельник, с ноября 1917 — ежедневник. Тираж (с ноября 1917) — 20 тысяч экз. Издано 99 номеров. Закрывалась ЧК 12 апреля и 9 июля 1918 г.

⁵ До Октябрьского восстания 1917 г., в провинции издавались следующие анархические газеты: «Анархист» (1917–1918, Ростов-на-Дону), «Бюллетень» (1917, Одесса), «Бюллетень» (1917–1918, Харьков), «Вольный Кронштадт» (1917–1918, Кронштадт), «Голос Анархии» (1917–1918, Саратов), «Мысли самых свободных людей» (1917–1918, Астрахань), «Рабочая мысль» (1917–1918, Харьков), «Свобода внутри нас» (1917, Киев), «Хлеб и Воля» (1917–1918, Харьков). Почти все эти издания основаны в сентябре-октябре 1917.

тов, Советов и пр. Но эти организации, возникли без первоначальной подготовки, не имели опыта работы, четкой идеологии, не проявляли самостоятельной инициативы. Они никогда не участвовали в идейной или какой-либо другой борьбе. Они не имели никакой исторической традиции, никаких знаний, не осознавали свою роль, задачу, подлинную миссию. Либертарные идеи были им неизвестны. В таких условиях эти организации с самого начала были вынуждены плестись в хвосте политических партий. (И как следствие — *не без участия большевиков* — им не хватило времени для того, чтобы слабые силы анархистов смогли в достаточной степени просветить их.)

Сами по себе либертарные группы могли служить лишь «передатчиками» идей. Чтобы провести эти идеи в жизнь, необходимы были «приемники»: рабочие организации, готовые «уловить» идеи-радиоволны и реализовать их. (Если такие организации существуют, анархисты соответствующих профессий вступают в них, оказывают им помощь советами, примером и т. д.) Но в России подобных «приемников» не было, возникшие в революции организации не могли *сразу же* выполнить эту задачу. Анархические идеи, энергично посылаемые несколькими «передатчиками» — впрочем, немногочисленными, — «терялись в пространстве», не «улавливались», то есть не приводили к практическим результатам, не имели эффективного резонанса. Чтобы в таких условиях анархическая идея смогла проложить себе дорогу и торжествовать, понадобилось бы либо отсутствие большевизма (или большевиков, действующих как анархисты), либо чтобы Революция дала рабочим организациям время «уловить» идею и способность осуществить ее на практике, пока их не интегрировало большевистское государство. Последней возможности не представилось, большевики (преградив путь анархистам) захватили рабочие организации, прежде чем последние смогли ознакомиться с анархической идеей, воспротивиться диктату и повести Революцию по либертарному пути.

Отсутствие «приемников», то есть классовых организаций, *изначально* готовых принять и реализовать анархическую идею (а также отсутствие времени, необходимого на формирование таких организаций), явилось, по моему мнению, одной из основных причин поражения анархизма в русской Революции 1917 года.

5. К этому следует добавить другой фактор не меньшей значимости, несмотря на его субъективный характер. Он усугубил то, о чем говорилось выше, и *стал фатальным для Революции*.

Существовало простое средство в короткие сроки преодолеть отсталость народных масс, наверстать упущенное время, восполнить недостающее: предоставить полную свободу либертарной пропаганде и движению после падения правительства Керенского. Революция навсегда завоевала бы свободу слова, организации и деятельности.

Отсутствие классовой организации, широкомасштабной либертарной пропаганды и знаний об анархизме до Революции объясняло, почему массы доверили ее судьбу политической партии и Власти, повторив таким образом основную ошибку предшествующих революций. В тех условиях было *объективно* неизбежным подобное начало событий. *Но не последствия.*

Поясню.

Подлинная революция не может идти вперед, развиваться, достигнуть своих целей без свободы революционной дискуссии о путях ее развития. Эта свобода необходима

революции как воздух⁶. Вот почему, в числе прочего, однопартийная диктатура, неизбежно ведущая к подавлению *всякой* свободы слова, печати, организации и действия — даже для революционных течений, за исключением партии власти, — *смертельна* для подлинной Революции. Никто в обществе не может обладать абсолютной истиной, быть застрахованным от ошибок. Те же, кто утверждает обратное — будь они «социалистами», «коммунистами», «анархистами» или кем-либо еще — и кто, став у власти, подавляет, в силу этой своей претензии, другие идеи, неизбежно приходит к установлению своего рода *социальной инквизиции*, которая, как и всякая инквизиция, удушает свободу, справедливость, прогресс, жизнь, человека, само дыхание Революции. Только свободный обмен революционными идеями, многообразие коллективного мышления, подчиняющееся закону естественного отбора, могут помочь нам избежать ошибок и не сбиться с пути. Те, кто не признает этого, — просто *дурные индивидуалисты*, как бы они себя ни называли: «социалистами», «коллективистами», «коммунистами» и т. п. В наши дни эти истины столь ясны, естественны — скажу даже, очевидны — что нет смысла даже обосновывать их. Чтобы не знать их, нужно быть глухим, слепым — или неискренним. И тем не менее Ленин и его соратники, люди бесспорно искренние, отреклись от них. Человеку свойственно ошибаться! А те, кто слепо следовал за «вождями», слишком поздно поняли свою ошибку: инквизиция работала вовсю, у нее был свой «аппарат» и средства принуждения; массы по привычке «подчинялись» или же не могли изменить ситуацию. Революция была опорочена, сошла с истинного пути. «Сцены бывают таковы, что после многократных испытаний я говорю, что я когда-нибудь после одного из наших заседаний утоплюсь», — признался однажды Ленин своим товарищам, видя, что происходит вокруг. Понял ли он?

Если бы, придя к власти, партия большевиков даже не поощрила (это значило бы слишком многого от нее требовать), но хотя бы допустила свободу либертарной пропаганды и движения, отставание было бы вскоре преодолено и упущенное восполнено. Факты, как мы увидим, неопровержимо подтверждают это. Одна только длительная и напряженная борьба, которую большевикам пришлось вести против анархизма, несмотря на всю его слабость, позволяет понять, какого успеха добился бы последний, имея свободу слова и деятельности.

Но именно из-за первых успехов либертарного движения, а также потому, что свободная деятельность анархистов показала бы бесполезность (по меньшей мере!) *всякой* политической партии и Власти и неизбежно привела бы к их исчезновению, большевистское правительство не могло допустить этой свободы. Допущение анархистской пропаганды означало для него самоубийство. Оно *сделало все возможное, чтобы сначала воспрепятствовать, затем запретить, а в итоге подавить грубой силой всякое проявление либертарных идей.*

Часто можно слышать утверждение, будто *трудящиеся массы не способны самостоятельно и свободно совершить революцию.* Это утверждение особенно дорого «ком-

⁶ Некоторые утверждают, что идейная свобода *опасна* для Революции. Но с того момента, как вооруженные силы *присоединяются к революционному народу* (а иначе Революция невозможна) и сам народ их контролирует, какую опасность может представлять собой мнение? И потом, если сами трудящиеся стоят на страже Революции, они смогут противостоять *всякой реальной опасности* лучше, чем какой бы то ни было орган подавления.

мунистам», ибо позволяет им ссылаться на «объективную» ситуацию, неизбежно ведущую к репрессиям против «гибельных анархических утопий». (С неспособностью масс, говорят они, «анархическая революция» означала бы гибель Революции.) Но это утверждение абсолютно ничего не стоит. Пусть *докажут* эту так называемую неспособность масс! В истории не найти ни одного примера, *когда трудящимся массам предоставили бы свободу действия* (помогая им, естественно), чтобы явилось бы единственным средством *доказать* их неспособность. По понятным причинам, подобного опыта никогда не допустят. (А это было бы нетрудно.) Ибо прекрасно знают, что утверждение ложно и что опыт этот положит конец не только эксплуатации народа, но и власти, основанных, какие бы формы они ни принимали, не на неспособности масс, а лишь на силе и хитрости. И именно поэтому рано или поздно трудящиеся массы самым ходом истории вынуждены будут *отвоевать* себе свободу деятельности в *подлинной* Революции; поскольку *никогда* правители (а они всегда являются эксплуататорами или служат последним), какими бы ярлыками они ни прикрывались, ее не «предоставят».

Тот факт, что народ до настоящего времени доверяет свою судьбу партиям, правительствам и «вождям» — факт, который правители и эксплуататоры используют для *подчинения* масс — объясняется рядом причин, которые мы не можем здесь разбирать и которые не имеют ничего общего со способностью или неспособностью масс. Этот факт доказывает, если угодно, легковёрность, доверчивость масс, *непонимание* ими своей силы, но вовсе не их неспособность, то есть бессилие. «Неспособность масс»! Какая находка для всех прошлых, настоящих и будущих правителей и особенно для современных кандидатов в рабовладельцы, как бы они ни назывались: «нацисты» или «большевики», «фашисты» или «коммунисты». «Неспособность масс»! Вот в чем реакционеры всех мастей полностью согласны с «коммунистами». Это согласие это весьма показательно.

Пусть же современные кандидаты в вожди, единственные безгрешные и «способные», позволят трудящимся массам после грядущей Революции действовать свободно, лишь помогая им там, где необходимо! Они увидят, так ли уж массы «неспособны» действовать без политических наставников. Можем заверить их, что тогда Революция приведет к иным результатам, чем в 1917 году, который открыл путь «фашизму» и перманентной войне!

Увы, нам заранее известно: они никогда не осмелятся провести подобный опыт. И массам снова предстоит выполнить свою особую задачу: сознательно и в подходящее время уничтожить всех «кандидатов во власть», чтобы взять дело в свои руки и действовать независимо. Будем надеяться, что на сей раз задача будет выполнена до конца.

Таким образом, читателю становится ясно, почему пропаганда анархических идей, стремящаяся положить конец доверчивости масс и вдохнуть в них сознание собственной силы и веру в себя, повсюду и во все времена вызывала опасения. Ее запрещали, а пропагандистов преследовали с исключительной оперативностью и суровостью все реакционные правительства.

В России ожесточенные репрессии сделали распространение либертарных идей — и без того непростое в той ситуации — практически невозможным еще накануне Революции. Конечно, последняя предоставила анархистам определенную свободу

действий. Но, как мы видели, при «временных» правительствах (с февраля по октябрь 1917 года) их движение не могло в полной мере воспользоваться этой свободой. Что касается большевиков, они не стали исключением из общего правила. Едва придя к власти, они задумали *подавить* либертарное движение всеми имевшимися в их распоряжении средствами. Кампании в печати и на митингах, клевета, разного рода козни, запреты, обыски, аресты, акты насилия, разграбления штаб-квартир, убийства — все шло в ход. А почувствовав, что власть их достаточно упрочилась, они перешли в *генеральное и решающее* наступление против анархистов. Репрессии начались в *апреле* 1918 года и не прекращаются до наших дней. (Далее читатели увидят эти «подвиги» большевиков, почти неизвестные за пределами России.)

Таким образом, анархисты пользовались относительной свободой лишь в течение какого-нибудь *полугода*. Нет ничего удивительного в том, что у либертарного движения не оказалось достаточно времени на организацию, развитие, избавление от слабостей и недостатков. По большому счету, ему не хватило времени на то, чтобы о нем узнали массы. До самого конца оно оставалось «под колпаком» и было задушено в зародыше, не успев выйти из изоляции (что объективно являлось возможным).

Такова была вторая основная причина его поражения.

Здесь следует подчеркнуть *основополагающее значение* — для Революции — того, о чем мы говорили выше.

Большевики уничтожили анархизм сознательно. И поспешно. Используя сложившуюся ситуацию, свои преимущества и влияние в массах, они жестоко подавили либертарную идею и движения. Они не допустили не только распространения анархизма в массах, но и самого его *существования*. Позднее, когда потребовалось, они имели наглость утверждать, что анархизм потерпел «идейное» поражение, что «массы поняли и отвергли его антипролетарскую доктрину». За границей все те, кто пожелал быть обманутыми, поверили им на слово. Также «коммунисты» утверждают, что раз анархисты, выступив против большевиков, «объективно» не имели никаких шансов повести Революцию за собой, они подвергали ее опасности и являлись, опять же «объективно», контрреволюционерами, следовательно, их необходимо было беспощадно подавить. (При этом не уточняя, что именно они сами «субъективно» лишили анархистов — и массы — последних шансов, реальных средств и конкретных объективных возможностей добиться успеха.)

Подавив либертарную идею и ее сторонников, *уничтожив независимые массовые движения*, большевики, *ipso facto*, остановили и удушили Революцию.

Не имея возможности достичь подлинного освобождения трудящихся масс, подменив его господством государства, неизбежно бюрократического и эксплуататорского, *подлинная* Революция должна была отступить. *Ибо всякая незавершенная революция* — то есть не добившаяся подлинного и всеобщего освобождения Труда — в той или иной форме *обречена на отступление*. Этому учит История. Это подтверждает русская революция. Но люди, не желающие ничего видеть и слышать, не спешат понять это: одни верят в авторитарную революцию; другие в итоге разочаровываются в революции вообще вместо того, чтобы искать причины ее краха; третьи — к сожалению, наиболее многочисленные, — и дальше *не желают* ничего видеть и слышать: они воображают, что смогут «жить своей жизнью», невзирая на огромные социальные потрясения; они перестают интересоваться общественной жизнью и пытаются

замкнуться в своем узком мирке, не понимая, что своим поведением возводят огромные препятствия на пути прогресса человечества и собственного *подлинного* счастья. Они верят и следуют за кем угодно, лишь бы «их оставили в покое». Таким образом они надеются спастись в катаклизме: вот основная и фатальная ошибка! Истина, тем не менее, проста: пока труд человека не будет освобожден от любой эксплуатации, ни о какой настоящей жизни, прогрессе, личном счастье *не может* идти речь.

Тысячелетиями свободному труду, «братству» и счастью людей мешали три основные причины: 1) уровень *технического развития* (человек не располагал теми возможностями, которые есть у него в настоящее время); 2) вытекавшее из этого положение в *экономике* (нехватка продуктов человеческого труда и, как следствие, «меновое» хозяйство⁷, деньги, прибыль, короче, капиталистическая система производства и распределения, основанная на недостатке производимых продуктов); 3) *нравственный* фактор, обусловленный, в свою очередь, двумя предшествующими (невежество, оупение, подчинение и покорность масс людей). Но несколько десятков лет назад два первые условия подверглись кардинальным изменениям: технически и экономически свободный труд в настоящее время не только возможен, но и *необходим* для нормальной жизни и развития человечества; капиталистическая и авторитарная система не может больше обеспечивать ни того, ни другого; она способна породить лишь войны. Отстает лишь нравственный фактор: привыкнув за тысячелетия к покорности и подчинению, огромное большинство людей пока не видит открывающегося перед ним пути истины; оно не готово к действиям, которых требует от него История. Как и прежде, люди «следуют за руководством» и «терпят», растрчивая силы в войнах и безумных разрушениях, не понимая, что в нынешних условиях их свободная творческая активность может увенчаться успехом. Потребуется, чтобы *сила вещей* — войны, всякого рода бедствия, цепь прерванных революций, непрерывные потрясения — лишив их всякой возможности жить, открыла им наконец глаза на истину и они все силы посвятили бы подлинному делу человечества: свободному, творческому и благодетельному.

Добавим, что в нашу эпоху Революция и Реакция по своему характеру неизбежно будут мировыми. (Впрочем, уже в 1789 году Революция и последовавшая за ней Реакция вызвали к жизни массовые движения во многих странах.) Если бы русская Революция не остановилась на полпути и стала великой освободительной Революцией, за ней вскоре последовали бы и другие страны. В таком случае она реально, а не только на словах, стала бы мощным факелом, освещающим Человечеству истинный путь. Извращенная, остановленная и повернутая вспять, она, напротив, сослужила прекрасную службу всемирной реакции, которая только и ждала своего часа. (Вожаки реакции гораздо пронизательнее революционеров.) Иллюзия, миф, лозунги, бумажный хлам остались, но *подлинная жизнь*, для которой иллюзии, показуха и бумажки ничего не значат, пошла по иному пути. Отныне Реакция и все ее последствия: «фашизм», новые войны, экономические и социальные катастрофы, — стали практически неизбежными.

В этом смысле весьма любопытна и показательна фундаментальная — и хорошо известная — ошибка Ленина. Как известно, Ленин ожидал быстрой экспансии

⁷ Читателю, желающему подробнее ознакомиться с проблемами экономического развития, советую

«коммунистической» революции на другие страны. Его надежды не оправдались. И однако *по сути* он был прав: *подлинная* Революция «раздует мировой пожар». Дело лишь в том, что «его» революция не была *подлинной*. А этого он не понимал. Вот в чем заключалась его ошибка. Ослепленный своей государственнической доктриной, ободренный одержанной «победой», он не сумел понять, что революция не удалась, сбилась с пути; что она останется бесплодной, не сможет ничего «разжечь», ибо ее собственный огонь угас; что она потеряет свою притягательную силу, свойственную великим делам, так как перестанет быть великим делом. Мог ли он в своем ослеплении предвидеть, что Революция остановится, отступит, переродится, вызовет в других странах победоносную реакцию после нескольких вспышек без будущего? Конечно, нет! И он совершил вторую ошибку: поверил, что дальнейшая судьба русской Революции зависит от того, распространится ли она на другие страны. Верно было как раз обратное: распространение Революции на другие страны зависело от ее результатов в России. Они же были неопределенны, неясны, зарубежные трудящиеся массы колебались, выжидали, беспокоились. Но поступавшие к ним сведения становились все более расплывчатыми и противоречивыми. Попытки разобраться и даже отправка делегаций ничего не давали. Тем временем накапливались негативные свидетельства. Народы Европы выжидали, теряли веру, разочаровывались. Им не доставало подъема для того, чтобы взяться за дело, исход которого отнюдь не был предрешен. Затем начались разногласия и расколы. Все это как нельзя лучше сыграло на руку Реакции. Она подготовилась, организовалась и приступила к действиям.

Последователи Ленина должны были отдавать себе в этом отчет. Не понимая, быть может, подлинной причины произошедшего, они интуитивно осознали, что ситуация предрасполагала не к *экспансии* «коммунистической» Революции, а напротив, к мощному подъему *реакции*. Они поняли, какую опасность представляет для них эта реакция, поскольку их Революция, такая, какой они ее сделали, не могла охватить весь мир. И лихорадочно принялись готовиться к будущим войнам, отныне ставшим неизбежными. Впрочем, ничего иного им не оставалось. И Истории тоже!..

Интересно заметить, что затем «коммунисты» попытались объяснить незавершенность и отступление Революции, ссылаясь на «враждебное окружение», бездеятельность мирового пролетариата и силу всемирной реакции. Они не сомневались — или не признавали — что нерешительность трудящихся других стран и реакция

прежде всего обратиться к работам Жака Дюбуэна.

⁸ Не следует обманываться относительно судьбы грядущей Революции! Перед ней откроются лишь два пути: либо путь подлинной и всеобщей Социальной Революции, которая приведет к *реальному освобождению трудящихся* (что объективно является возможным), либо, еще раз, путь тупиковый, политический, государственнический и авторитарный, который неизбежно породит новую реакцию, войны и всякого рода катастрофы. Развитие человечества не останавливается. Оно пробивает себе дорогу через любые преграды. В наши дни капиталистическое, авторитарное и политическое общественное устройство *не оставляет ему никаких шансов*. Следовательно, *теперь* это общественное устройство должно так или иначе исчезнуть. Если и на этот раз люди не смогут *реально трансформировать его в процессе революции*, неизбежно последует новая реакция, новая война, чудовищные экономическое и социальные катаклизмы, короче, продолжится всеобщее разрушение, вплоть до того момента, когда люди осознают историческую необходимость и начнут действовать соответствующим образом. Ибо у развития человечества нет иного пути. (В связи с этим см. мою работу «Пережитое», первое исследование о русской Революции, «Revue anarchiste», издаваемое Себастьяном Формом, за 1922–1924 гг.)

были в значительной степени обусловлены неправильным путем, на который они сами толкнули Революцию; что, извратив ее, они сами проложили путь реакции, «фашизму» и войне⁸.

Такова трагическая правда большевистской Революции. Таково ее *капитальное значение* для «трудящихся всех стран». По сути все очень просто, ясно, бесспорно. Однако до сих пор об этом даже не говорилось. Для понимания произошедшего необходимо дальнейшее исследование событий русской Революции. Читатель поймет это, когда до конца прочитает мою книгу.

6. Отметим также фактор не столь большой значимости, который, тем не менее, сыграл определенную роль в трагедии. Речь идет о «шумихе», «рекламе», демагогии. Как и все политические партии, большевики («коммунисты») их использовали и злоупотребляли ими. Чтобы произвести впечатление на массы, «завоевать» их, партии необходимы были «шум», «реклама», блеф. Более того, она возвела себя как бы на вершину горы, чтобы толпа могла видеть ее, слышать и восхищаться, что одно время составляло ее силу. Но все это глубоко чуждо либертарному движению, которое по сути своей более безлико, скромно, немногословно. В этом его временная слабость. Отказываясь *вести за собой* массы, стремясь пробудить их сознательность и рассчитывая на их свободное и прямое действие, оно вынуждено отказаться от демагогии, работать в тени, не навязывая себя в качестве лидера.

Так было и в России.

Позвольте мне на время оставить область конкретных фактов и предпринять краткий экскурс в «философскую» сферу, в *суть* проблемы.

Основная идея анархизма проста: никакая партия, политическая или идеологическая группа, ставящая себя над трудящимися массами или вне их и стремящаяся «управлять» или «вести» их, никогда не сможет *освободить* их, даже если искренне желает этого. *Реальное* освобождение может произойти лишь в процессе *непосредственной, широкомасштабной и независимой деятельности самих трудящихся*, объединившихся не под знаменами политической партии или идеологической группы, а в свои собственные *классовые организации* (производственные профсоюзы, заводские комитеты, кооперативы и т. п.) на основе конкретных действий и *самоуправления*, при *помощи*, но не под *руководством* революционеров, которые действуют не *извне*, а в *самых* массовых профессиональных, технических, оборонительных и других органах. Всякая политическая или идеологическая группа, стремящаяся «вести» массы к освобождению политическим или правительственным путем, заблуждается, обречена на провал и неизбежно установит в итоге новую систему экономических и социальных привилегий, возродив в иных формах режим угнетения и эксплуатации трудящихся, то есть очередную *разновидность капитализма*, — вместо того, чтобы помочь Революции направить их по пути освобождения.

Из этого неизбежно вытекает следующее: анархическая идея и подлинная освободительная Революция могут быть осуществлены не *одними анархистами*, а лишь широкими массами; анархисты или, скорее, революционеры вообще призваны исключительно просвещать их и в отдельных случаях оказывать помощь. Если анархисты утверждают, что могут совершить Социальную Революцию, «ведя» за собой массы, подобная претензия безосновательна, по тем же причинам, что и у большевиков.

Это не все. Ввиду *универсального* характера задачи, рабочий класс *сам по себе* тем более не может довести до конца освободительную Социальную Революцию. Если бы он захотел действовать самостоятельно, установив над другими слоями населения диктатуру и силой ведя их за собой, он точно также потерпел бы поражение. Нужно ничего не понимать в социальных явлениях и человеческой природе, чтобы утверждать обратное.

Когда приближается борьба за *подлинное освобождение*, История сворачивает на иной путь.

Согласно идеям анархистов, для успешного *завершения* революции необходимы три основные условия:

1) нужно, чтобы широкие массы — миллионы трудящихся в разных странах — сознательно приняли в ней участие;

2) чтобы наиболее передовые и активные элементы — революционеры, часть рабочего класса и др. — не прибегали к мерам принуждения политического характера;

3) чтобы, по вышеизложенным причинам, широкие «нейтральные» массы, увлеченные (без принуждения) мощным потоком, свободным порывом миллионов людей и первыми положительными результатами этого колоссального движения, приняли подлинную Революцию как свершившийся факт и постепенно перешли на ее сторону.

Таким образом, осуществление подлинной освободительной Революции требует активного участия, тесного, сознательного и безоговорочного сотрудничества миллионов людей различного социального положения, деклассированных, лишенных работы, обезличенных, которых сила вещей подтолкнет к Революции.

Но чтобы вовлечь в нее эти миллионы людей, необходимо прежде всего, чтобы сила эта выбила их из наезженной колеи повседневного существования. А для этого их существование, то есть само нынешнее общество, должно стать невыносимым: *пусть разрушится оно до основания, со своей экономикой, социальным порядком, политикой, нравами, обычаями и предрассудками.*

Таков путь, на который вступает История, когда настает время для *подлинной* Революции, *подлинного* освобождения.

Здесь мы подходим к *суть* проблемы.

Я считаю, что в России это разрушение зашло недостаточно далеко. То есть не была уничтожена политическая идея, что позволило большевикам захватить власть, установить и упрочить свою диктатуру. Сохранились и другие принципы и предрассудки.

Разрушений, предшествовавших Революции 1917 года, оказалось достаточно, чтобы остановить войну и изменить *формы* власти и капитализма. Но *сущность* их не была затронута, что вынудило бы миллионы людей отказаться от *всех* современных ложных социальных принципов (Государства, Политики, Власти, Правительства и т. д.), действовать самостоятельно на абсолютно новых основах и навсегда покончить с капитализмом и Властью *в любых формах*.

Эта недостаточность разрушений была, на мой взгляд, основной причиной приостановки русской Революции и ее деформации большевиками⁹.

⁹ Эти мысли наиболее полно развиты мною в вышеупомянутой работе «Пережитое».

И здесь возникает «философский» вопрос.

Кажется весьма обоснованным рассуждение:

«Если недостаточность предварительных разрушений действительно мешает массам осуществить *свою* Революцию, этот фактор на самом деле является доминирующим и все объясняет. В таком случае, не правы ли были большевики, захватившие власть и ведшие Революцию как можно дальше, преграждая, таким образом, путь Реакции? Разве их действия не являются исторически оправданными со всеми вытекающими последствиями?»

На это я отвечаю:

1. Прежде всего, следует правильно поставить проблему. Были ли трудящиеся массы по существу *способны* продолжать Революцию и строить новое общество *самостоятельно*, посредством своих классовых организаций, созданных Революцией, и с помощью революционеров?

Вот в чем подлинная проблема.

Если *нет*, то можно понять тех, кто оправдывает большевиков¹⁰ (не утверждая, во всяком случае, что сделанная ими революция была подлинной и не оправдывая их подхода там, где массы могли бы действовать самостоятельно). Если *да*, их следует осудить однозначно и «без смягчающих обстоятельств», каковы бы ни были ситуация и временные заблуждения масс.

Говоря о недостаточности разрушений, мы понимаем под этим, главным образом, пагубное сохранение *политической идеи*. Не отвергнув ее заранее, массы, победившие в феврале 1917 года, доверили, как следствие, судьбу Революции и *партии*, то есть новым хозяевам, вместо того, чтобы избавиться ото всех претендентов на власть и взять Революцию целиком в свои руки. Таким образом, они повторили основную ошибку предшествующих революций. Но это заблуждение не имеет никакого отношения к *способности или неспособности масс*. Предположим, что подобной ошибкой никто не воспользуется. Смогут ли в таком случае массы привести Революцию к ее конечной цели: реальному, полному освобождению? На это я решительно отвечаю — *да*. Я утверждаю даже, что *только* сами трудящиеся массы *способны* сделать это. Надеюсь, что в моей книге читатель найдет тому неопровержимые доказательства. И в таком случае нет необходимости в политике, *чтобы воспрепятствовать реакции, продолжить Революцию и завершить ее*.

2. Как мы далее увидим, наш вывод подкрепляется фактом первостепенной важности. В ходе Революции достаточно широкие *массы осознали свою ошибку*. (Политический принцип начинал терять свое значение.) Они захотели исправить ее, действовать самостоятельно, избавиться от требовательной и ненужной опеки правящей партии. То здесь, то там они брали дело в свои руки. Вместо того, чтобы обрадоваться этому, подбодрить их и помочь им, как поступили бы подлинные рево-

¹⁰ Как видит читатель, я не говорю, что в этом случае *действия большевиков оправданны*. Тот, кто вздумает утверждать это, должен будет доказать, что они *не могли действовать иначе*, постепенно готовя массы к совершению свободной и всеобщей революции. Я всего лишь считаю, что они могли бы избрать другие средства. Но не следует задерживаться на этой стороне проблемы: считая тезис о «неспособности масс» абсолютно ложным, что доказывается многочисленными фактами, приведенными в этой работе, я не вижу необходимости рассматривать вариант, который, на мой взгляд, вообще не мог иметь места.

люционеры, большевики воспротивились народному движению с беспрецедентной хитростью, силой, военными и террористическими операциями. Таким образом, *революционные массы, осознав свою ошибку, захотели действовать самостоятельно и ощутили себя способными на это. Большевики силой подавили их стремления.*

3. Из этого следует, что большевики вовсе не «вели Революцию как можно дальше»: захватив власть, используя ее силы и преимущества, они, напротив, *затормозили* ее. А затем, укрепив свое положение, после ожесточенной борьбы против народной и всеобщей Революции, они успешно повернули ситуацию в свою пользу и возобновили, в иных формах, капиталистическую эксплуатацию масс. (Если труд не освобожден, система обязательно является капиталистической. Меняется только форма ее.)

3. Таким образом, становится ясно, что речь идет не об *оправдании*, а об историческом *объяснении* торжества большевизма над либертарной концепцией в русской Революции 1917 года.

5. Из этого следует, что подлинное «историческое значение» большевизма исключительно негативное; еще один наглядный урок, показавший трудящимся массам, *как не надо делать революцию*: урок, выносящий окончательный приговор политической идее. В условиях того времени такой исход был практически неизбежен, но *ничуть не необходим*. Действуя иначе (что теоретически можно допустить), большевики смогли бы избежать его. Так что им нечем гордиться и изображать из себя спасителей революции.

6. Этот урок подчеркивает значение двух важных моментов:

а) *Историческое развитие человечества* достигло того уровня, когда дальнейший прогресс предполагает наличие свободного труда, лишеного всякого принуждения, подчинения, эксплуатации человека человеком. Экономически, технически, социально, даже нравственно такой труд отныне не только возможен, но и исторически необходим. «Рычагом» этой колоссальной социальной трансформации (трагические конвульсии которой мы наблюдаем на протяжении десятков лет) является *Революция*. Чтобы быть действительно прогрессивной и «оправданной», эта Революция должна завершиться установлением системы, при которой человеческий труд будет *реально и полностью освобожден*.

б) Чтобы трудящиеся массы смогли перейти от рабского труда к свободному, они должны с самого начала Революции осуществлять ее самостоятельно, свободно и независимо. Только при этом условии они возьмут непосредственно в свои руки решение проблемы, которую ставит перед ними История: строительство общественного устройства, в основе которого лежит освобожденный труд.

В заключение следует сказать, что в наше время любая революция, не осуществляемая самими народными массами, не достигнет исторически должного результата. Она не будет ни прогрессивной, ни «оправданной», отклонится с верного пути и в итоге потерпит поражение. Под руководством новых хозяев и наставников, лишённые ими возможности всякой свободной инициативы и деятельности, вынужденные, как в прошлом, безропотно следовать за тем или иным «вождем», сумевшим завоевать над ними господство, трудящиеся массы вернутся к своей вековой привычке к «покорности» и останутся подневольным и эксплуатируемым «аморфным стадом». Подлинная Революция просто не произойдет.

7. Мне могут сказать следующее:

«Предположим, что вы кое в чем правы. Но раз, как вы утверждаете, предварительные разрушения оказались недостаточными для подлинной Революции в либертарном понимании, она *объективно* была невозможна. Значит все последующее являлось, по меньшей мере, исторически *неизбежным*, и анархическая идея осталась утопической мечтой. Ее утопизм погубил бы Революцию. Большевики поняли это и действовали соответствующим образом. Это их оправдывает».

Читатель мог заметить, что я всегда говорю: «*почти неизбежно*». Слово «почти» используется мной умышленно. Здесь оно имеет определенное значение.

Естественно, общие и объективные факторы в принципе доминируют над остальными. В нашем случае недостаточность предварительных разрушений — сохранение политического принципа — объективно должна была привести к большевизму. Но в мире людей проблема «факторов» становится весьма деликатной. *Объективные* факторы доминируют не абсолютно, а в некоторой степени, значительную роль играют и факторы *субъективные*. Каковы же эта роль и степень? Мы не знаем, зачаточное состояние наук о человеке не позволяет нам определить ее с достаточной степенью точности. Задача тем более трудна, что ни та, ни другая не заданы раз и навсегда, напротив, они бесконечно изменчивы и разнообразны. (Эта проблема близка к проблеме «свободного выбора». Как и в какой степени «предопределение» доминирует над «свободным выбором» человека? И обратное: в каком смысле и каким образом «свободный выбор» имеет место и выходит за рамки «предопределения»? Несмотря на изыскания многих мыслителей, нам это пока неизвестно.)

Но нам прекрасно известно, что *субъективные* факторы занимают в жизни людей значительное место: такое, что порой они важнее кажущегося «неизбежным» действия объективных факторов, особенно когда определенным образом связаны между собой.

Приведем недавний, поразительный и всем известный пример.

В войне 1914 года Германия *объективно* должна была победить Францию. Действительно, уже через месяц после начала военных действий немецкая армия стояла под стенами Парижа. Французы проигрывали одно сражение за другим. Франция «почти» неизбежно должна была потерпеть поражение. (Если бы так и произошло, можно было бы «с ученым видом» заявлять, что оно являлось «исторически и объективно необходимым».) Тогда в дело вмешался ряд *чисто субъективных* факторов. Они наложились один на другой и преодолели действие факторов объективных.

Уверенный в огромном превосходстве своих сил и увлеченный победоносным движением вперед, генерал фон Клук, командовавший немецкими войсками, пренебрег тем, что правый фланг его армии оказался существенно оголен: первый чисто субъективный фактор. (Другой генерал — или тот же фон Клук в иное время — лучше обеспечил бы положение своих войск.)

Генерал Гальени, военный комендант Парижа, заметил ошибку фон Клука и предложил генералиссимусу Жоффру атаковать этот фланг всеми имевшимися в распоряжении силами, в частности, частями парижского гарнизона: еще один субъективный фактор, ибо надо было обладать проницательностью и умом Гальени, чтобы принять такое ответственное решение. (Другой генерал — или тот же Гальени в иное время — мог оказаться не столь проницательным и решительным.)

Генералиссимус Жоффр одобрил план Гальени и отдал приказ к атаке: третий субъективный фактор, ибо надо было обладать простотой и другими качествами Жоффра, чтобы принять такое предложение. (Другой генералиссимус, более выскомерный и заботящийся о своих прерогативах, мог бы ответить Гальени: «Вы комендант Парижа, занимайтесь своим делом и не вмешивайтесь в то, что вас не касается».)

Наконец, тот странный факт, что переговоры между Гальени и Жоффром остались неизвестными немецкому командованию, обычно хорошо информированному о том, что происходит в стане противника, также наложился на прочие субъективные факторы, которые в своей совокупности принесли французам победу и определили исход войны.

Прекрасно понимая *объективную* невозможность этой победы, французы называли ее «чудом на Марне». Разумеется, она не являлась чудом. Это было лишь редким, непредвиденным и «почти невероятным» следствием совпадения ряда факторов субъективного порядка, взявших верх над факторами объективными.

В том же смысле я говорил в 1917 году своим российским товарищам: «Необходимо «чудо», чтобы в этой Революции либертарная идея взяла верх над большевизмом. Мы должны верить в это чудо и делать все, чтобы оно произошло». Тем самым я хотел сказать, что непредвиденное и почти невероятное совпадение субъективных факторов могло перевесить сильные объективные шансы большевизма. Такого «совпадения» не произошло. Но важно, что оно *могло* произойти. Впрочем, вспомним, что *такая возможность предоставлялась*, по меньшей мере, дважды: во время Кронштадтского восстания в марте 1921 года и в жестокой борьбе между новой Властью и анархическими массами на Украине (1919–1921 гг.).

Так что в мире людей «абсолютной объективной неизбежности» не существует. Чисто человеческие, субъективные факторы могут вмешаться и одержать верх в любой момент.

Анархическая концепция, не менее солидная и «научная», чем большевистская (последнюю противники еще накануне Революции также называли «утопической»), *существует*. В ходе грядущей Революции ее судьба будет зависеть от очень сложной совокупности разного рода факторов, объективных и субъективных, причем последние будут бесконечно разнообразны, изменчивы, непредвиденны и непредсказуемы: и результат их совокупности никогда не является «объективно неизбежным».

В заключение мне хотелось бы подчеркнуть, что недостаточность разрушений явилась основной причиной торжества большевизма над анархизмом в русской Революции 1917 года. *Поскольку совокупность прочих факторов не смогла преодолеть ни само явление, ни его результаты*. Но могло быть и иначе. (Впрочем, кому известно, какой вклад внесли субъективные факторы в победу большевизма?)

Разумеется, *предварительная* дискредитация губительной политической химеры авторитарного «коммунизма» обеспечила, облегчила и ускорила бы реализацию либертарных принципов. Но в целом *недостаточность этой дискредитации в начале Революции вовсе не означала неизбежного поражения анархизма*.

Сложная совокупность различных факторов может привести к непредвиденным результатам. Она способна изменить и причину, и следствие. *Политическая и власт-*

ная идея, государственническая концепция могут быть уничтожены в ходе Революции, и это предоставит полную свободу для осуществления анархической концепции.

Как и перед всякой другой Революцией, перед Революцией 1917 года открывались два пути:

1. Путь *подлинной Революции народных масс*, ведущий к их полному освобождению. В этом случае мощный подъем и *окончательный* результат такой Революции действительно «потрясли бы мир». По всей вероятности, реакция отныне стала бы невозможной; все разногласия в социальном движении были бы заранее сведены на нет в силу свершившегося факта; наконец, волнения в Европе, последовавшие за русской Революцией, по-видимому, закончились бы тем же самым.
2. Путь *незавершенной* Революции. В этом случае возможен только один вариант: откат вплоть до всемирной реакции, мировая катастрофа (война), полное разрушение форм нынешнего общества и, в результате, возобновление Революции самими массами, борющимися за подлинное освобождение.

В принципе, возможны оба пути. Но совокупность существующих факторов делает второй более вероятным.

По *второму* пути пошла Революция 1917 года.

Первый должна избрать грядущая Революция.

А теперь, закрыв наши «философские» скобки, возвратимся к событиям.

Часть 2. Вокруг Октябрьской Революции

Глава I. Деятельность большевиков и анархистов накануне Октября

Деятельность партии большевиков накануне Октябрьской Революции представляется достаточно типичной (в свете того, о чем говорилось в предыдущей части книги).

Необходимо напомнить, что идеология Ленина и позиция партии большевиков после 1900 года претерпела значительные изменения. Понимая, что трудящиеся массы, начав Революцию, пойдут очень далеко и не остановятся на буржуазной ее стадии — особенно в стране, где буржуазия как класс не играла заметной роли, — Ленин и его партия, стремясь упредить массы, чтобы возглавить их и повести за собой, выработали чрезвычайно передовую революционную программу. Теперь они выступали за *социалистическую* революцию. Они сформулировали почти *либертарную* концепцию революции, выдвинули едва ли не *анархические* лозунги, за исключением, разумеется, основных программных пунктов: взятия власти и сохранения государства.

Когда я читал работы Ленина, особенно написанные после 1914 года, я отмечал большое сходство его идей с анархическими, за исключением того, что касалось Государства и Власти. Эта близость в оценках, понимании и предвидении событий уже тогда казалась мне достаточно опасной для *подлинного* дела Революции. Ибо — в этом я не ошибался — в устах большевиков, в их действиях все эти прекрасные идеи были мертвы, не имели будущего. Замечательным идеям, изложенным в их статьях и речах, не суждено воплотиться в жизнь, ибо *действия*, которые за ними последуют, не будут, разумеется, иметь с теориями ничего общего. Таким образом, я пребывал в уверенности, что, с одной стороны, ввиду слабости анархизма народные массы слепо последуют за большевиками, а с другой, последние неизбежно обманут их и толкнут на гибельный путь. Ибо практика государства неизбежно извратит провозглашенные принципы.

Так и произошло.

Чтобы произвести впечатление на народные массы, завоевать их доверие и поддержку, партия большевиков, задействовав весь свой мощный агитационный и пропагандистский аппарат, бросила лозунги, которые до той поры были характерны именно для анархизма:

Да здравствует Социальная Революция!

Долой войну! Да здравствует немедленное заключение мира!

И главное:

Земля крестьянам! Фабрики рабочим!

Трудящиеся массы быстро подхватили эти лозунги, в полной мере отражавшие их подлинные чаяния.

Но в устах анархистов эти призывы были искренни и имели конкретный смысл, потому что соответствовали либертарным принципам и неразрывно связанной с ними деятельности. В то время как для большевиков те же лозунги на практике означали совершенно иное, отнюдь не то, что формально провозглашалось. Они оставались «словами», не более того.

Под «социальной Революцией» анархисты понимали подлинно *социальный акт*: общественное преобразование, не скованное политическими и государственными рамками, отбрасывающее пережитки отжившего общественного устройства — правительство и власть.

Большевики же утверждали, что Социальная Революция невозможна без всемогущего государства, всеильного правительства, диктаторской власти.

Поскольку революция не положила конец государству, правительству и политике, анархисты считали ее не Социальной, а просто политической (в которой, однако, могут присутствовать те или иные социальные элементы.)

Но «коммунистам» было достаточно взятия власти, организации «своего» правительства и государства, чтобы говорить о Социальной Революции.

По мысли анархистов «Социальная Революция» означала: *уничтожение государства и одновременно капитализма* и возникновение общественного устройства, в основе которого лежит иная социальная организация.

Для большевиков «Социальная Революция» значила, напротив, *восстановление* на обломках буржуазного режима *нового сильного государства*, призванного «строить социализм».

Анархисты считали невозможным установление социализма государственным путем.

Большевики утверждали, что без государства при этом обойтись нельзя.

Отличие, как мы видим, фундаментальное.

(Помню расклеенные по стенам во время октябрьской Революции огромные плакаты, возвещавшие о выступлении Троцкого по вопросу *Организации Власти*. «Типичная и роковая ошибка, — говорил я товарищам, — ибо если речь идет о Социальной Революции, нужно заниматься организацией *Революции*, а не организацией *Власти*».)

Призыв к *немедленному заключению мира* также понимался по-разному.

Анархисты подразумевали под этим *прямое действие* вооруженного народа, без участия правителей, политиков и генералов. По их мнению, народные массы должны покинуть фронт и возвратиться домой, заявив таким образом всему миру о своем отказе воевать за интересы капиталистов, о своем отвращении к чудовищной войне. Анархисты полагали, что именно такие действия — честные и решительные — могли бы вызвать горячий отклик у солдат других воюющих стран и привести в итоге к окончанию войны и возможному перерастанию ее в мировую революцию. Они думали, что можно также в случае необходимости завлечь врага на просторы огромной страны, оторвать его тем самым от тылов, рассеять и лишить возможности сражаться.

Большевики опасались такого прямого действия. Будучи политиками и государственниками, они мечтали о заключении мира политическим и дипломатическим путем в результате переговоров с немецкими генералами и «полномочными представителями».

Земля крестьянам! Фабрики рабочим! Анархисты понимали под этим передачу земли всем, кто хочет ее обрабатывать (без права собственности и эксплуатации наемного труда), их объединениям и федерациям. Точно также заводы, фабрики, шахты, станки и т. д. должны перейти в распоряжение всех объединений и федераций рабочих-производителей. Способ этой передачи предстоит определить *самим* объединениям и федерациям по свободному согласию.

Большевики же понимали под этим лозунгом огосударствление. По их мнению, земля, заводы, фабрики, шахты, станки, транспортные средства и т. д. должны стать *собственностью государства*, которое передаст их в пользование трудящимся.

Еще одно фундаментальное различие.

Что касается самих трудящихся масс, они интуитивно понимали эти лозунги скорее в либертарном смысле. Но, как мы уже говорили, голос анархистов был столь слаб, что не доходил до широких масс. Народу казалось, что *лишь большевики* осмеливались провозглашать и отстаивать эти прекрасные и справедливые принципы. Тем более, что партия большевиков на каждом углу кричала, что она — *единственная партия*, борющаяся за интересы рабочих и крестьян; единственная, которая, *придя к власти*, сможет осуществить Социальную Революцию. «*Рабочие и крестьяне! Только партия большевиков отстаивает ваши интересы! Никакая другая партия не сможет привести вас к победе. Рабочие и крестьяне! Партия большевиков — ваша партия, единственная подлинная рабоче-крестьянская партия. Помогите ей взять власть, и вы победите*», — изо дня в день исступленно твердила большевистская пропаганда. Даже партия левых эсеров — политическая партия, располагавшая гораздо большими силами, чем анархисты — не могла соперничать с большевиками. Однако она была достаточно сильна, так что большевикам приходилось считаться с ней и даже временно предоставить ее членам несколько мест в правительстве.

Представляет, наконец, интерес сравнение позиций большевиков и анархистов накануне октябрьской Революции *по вопросу о рабочих Советах*.

Партия большевиков рассчитывала, что Революция произойдет в результате одно-временного восстания Советов, которые потребуют «всей власти» для себя, и армии, которая поддержит их действия (разумеется, под непосредственным и эффективным руководством партии). Рабочим массам следовало решительно поддержать этот акт. Таким образом, большевики выдвинули основной лозунг Революции «*Вся власть Советам!*» в полном соответствии со своими воззрениями и «тактикой».

Что касается анархистов, этот лозунг вызывал у них подозрения, и не без основания; они прекрасно знали, что такая формулировка ничуть не соответствует истинным замыслам партии. Они понимали, что в конечном итоге партия *стремится к крайне централизованной политической власти для себя* (то есть для своего ЦК и, в первую очередь, для ее вождя Ленина, который, как известно, руководил всей подготовкой захвата власти, и его сподвижника Троцкого.)

«*Вся власть Советам!*» — по мнению анархистов, этот лозунг являлся по сути своей всего лишь пустыми словами, призванными прикрыть все что угодно. Кроме того, это была лживая, лицемерная, обманчивая формулировка. «Ибо, — говорили анархисты, — если «*власть*» должна реально принадлежать *Советам*, то причем здесь *партия*; если она должна принадлежать *партии*, как предполагают большевики, то причем здесь *Советы*». Вот почему анархисты, допуская, что Советы могут выпол-

нять некоторые функции в процессе создания нового общественного устройства, не соглашались безоговорочно с этой формулировкой. В их понимании слово «*власть*» делало ее двусмысленной, подозрительной, нелогичной и демагогической. Они знали, что по своей природе политическая власть реально осуществляется лишь очень ограниченной группой, центром. Таким образом власть — *подлинная власть* — не смогла бы принадлежать Советам. На самом деле она находилась бы в руках партии. Но тогда какой смысл имел лозунг «*Вся власть Советам*»?

Вот как анархо-синдикалисты излагали свои сомнения и мысли на этот счет («Голос Труда», еженедельная петроградская анархо-синдикалистская газета, № 11 от 20 октября 1917 г., редакционная статья «*Конец ли это?*»):

«Возможный переход «*всей власти*» (правильнее — «захват» политической власти) в руки «Советов» — *конец ли это? Все ли это?* Завершит ли этот акт разрушительную работу революции и откроет ли он двери к великому социальному строительству, к дальнейшему творческому разбегу ее?

Победа «Советов», если она станет фактом, и дальнейшая новая «организация власти» — будут ли действительно победой *труда*, победой *трудовой организации*, началом социалистического переустройства? *Эта победа и эта новая «власть»* — выведут ли они революцию из тупика? Бросят ли они революции, массам, человечеству новые *творческие* горизонты и откроют ли революции они *истинные* пути к созидательной работе, к разрешению и улажению всех жгучих вопросов, нужд и интересов эпохи?

Все зависит от того, какое содержание вложат победители в лозунг «*власти*», в понятие «организация власти»; от того, как в дальнейшем будет использована победа теми силами, в руках которых окажется, на другой день после победы, эта так называемая «*власть*».

Если под словом «*власть*» понимать переход в руки рабочих и крестьянских организаций, поддерживаемых организациями военными, всей творческой работы и *организации жизни всюду на местах* — работы, в процессе которой созданные на месте организации *естественно и свободно объединятся между собою*, приступят к новому общественно-хозяйственному творчеству и поведут революцию к новым горизонтам мира, экономического равенства и действительной свободы;

Если не подразумевать под лозунгом «*власть Советам*» организацию политически-властных центров на местах, подчиненных общему государственно-политическому властному центру — Совету Петрограда;

Если, наконец, — после победы — *политическая партия*, стремящаяся к господству и власти, отойдет в сторону и *действительно* уступит место свободной самоорганизации трудящихся; если «*власть Советов*» не явится на деле политически-государственной властью новой политической партии, — тогда и только тогда новый кризис сможет стать последним кризисом, началом новой эры.

Но если под «*властью*» разумеет организацию сильных партийно-политических центров, руководимых властным государственно-политическим центром в Петрограде; если «*переход власти в руки Советов*» будет на деле означать захват политической власти в руки новой политической партии с целью сверху, «*из центра*» перестроить при помощи этой власти общественно-хозяйственную и трудовую жизнь

населения и разрешить все сложные вопросы эпохи и момента, — то этот этап революции отнюдь еще не будет окончательным.

Для нас не подлежит никакому сомнению, что и эта «новая власть» ни в каком случае не сумеет не только приступить к «социалистическому переустройству», но даже удовлетворить ближайшие нужды, потребности и запросы населения.

Мы не сомневаемся, что в этом, втором случае массам предстоит очень быстро разочароваться в «новом идеале» и обратиться к иным путям, отбросив и новых богов...

Тогда, после некоторого, более или менее продолжительного перерыва борьба неминуемо возобновится. Начнется *третий* и на сей раз *последний этап Русской Революции* — Этап, которые сделает ее поистине Великой Революцией; начнется борьба между живыми силами, выдвигаемыми творческим порывом народных масс *на местах*, то есть между *непосредственно и самостоятельно действующими на местах рабочими и крестьянскими организациями, переходящими к прямой экспроприации земли и всех средств потребления, производства и передвижения*, — организациями, приступающими, таким образом, к созиданию своей истинно новой жизни, с одной стороны, и — отстаивающей свое существование централистской социал-демократической властью, с другой стороны. Борьба между властью и безвластием. Борьба между двумя издревле ведущими спор социальными идеями: марксистской и анархической.

И лишь полная *исчерпывающая победа анархической идеи* — идеи безвластия и естественной, свободной самоорганизации масс — будет означать истинную победу Великой Революции.

Мы не верим в возможность истинного завершения социальной революции «политическим» путем, при котором дело переустройства и разрешения сложнейших, колоссальнейших и разнообразнейших задач нашего времени начнется с *политического акта*, с захвата власти, начиная сверху, из центра...

Поживем — увидим...»

Глава II. Позиция анархистов по отношению к октябрьской Революции

В тот же день «Группа Анархо-Синдикалистской Пропаганды» опубликовала в «Голосе Труда» декларацию, в которой четко выражено отношение к событиям.

«1) Поскольку мы вкладываем в лозунг «вся власть Советам» совершенно иное содержание, нежели то, которое вкладывается, по нашему мнению, в этот лозунг партией социал-демократов большевиков, призванных событиями «руководить» движением; поскольку мы не верим в возможность широких горизонтов для Революции, если эти горизонты открываются путем политического акта — захвата власти; поскольку мы, таким образом, относимся отрицательно к *политическому* выступлению масс за *политические* лозунги, под влиянием идейной пропаганды политической партии; поскольку мы совершенно иначе мыслим как самое начало, так и дальнейшее развитие истинной социальной революции, — постольку мы относимся к данному выступлению *отрицательно*.

2) Если, тем не менее, выступление масс будет иметь место, то мы, как анархисты, примем в нем самое активное участие. Мы *не можем* не быть заодно с революционной массой, хотя бы она шла и не по нашему пути, не за нашими лозунгами, и хотя бы мы предвидели неудачу выступления. Мы всегда помним, что заранее предусмотреть направление и исход массового движения нельзя. И мы считаем поэтому всегда нашим долгом участвовать в таком движении, стремясь внести в него *нашесодержание, нашу идею, нашу истину*».

Глава III. Другие разногласия

Кроме основных принципиальных разногласий между анархистами и большевиками имелись и другие. Назовем наиболее значительные:

Первое касается рабочего вопроса.

Большевики готовились ввести так называемый *рабочий контроль над производством*, то есть вовлечение рабочих в управление частными предприятиями.

Анархисты возражали: если этот «контроль» — не пустые слова, если рабочие организации способны *эффективно контролировать* производство, то они способны и сами обеспечивать его. В таком случае можно немедленно приступить к постепенной замене частного производства коллективным. Таким образом, анархисты отвергали неопределенный, сомнительный лозунг «контроля над производством». Они выступали за *экспроприацию — постепенную, но в сжатые сроки — частной промышленности организациями коллективных производителей*.

В связи с этим подчеркнем абсолютное несоответствие действительности (а подобное лживое представление, присущее людям несведущим или неискренним, достаточно распространено) утверждения о том, что в ходе русской Революции анархисты могли лишь «разрушать» и «критиковать», «не предложив ничего позитивного». Неправда, что анархисты «никогда не имели достаточно четких представлений о путях реализации своей концепции». Листая либертарную печать той эпохи («Голос Труда», «Анархию», «Набат» и другие газеты), можно увидеть, что литература эта *изобилует конкретными практическими предложениями по вопросу о роли и функционировании рабочих организаций, о том, как объединениям городских и сельских производителей заменить собой капиталистический государственный механизм после его разрушения*.

Анархизм в русской Революции страдал не от отсутствия ясных и четких *идей*, а от нехватки, как мы уже подчеркивали, *общественных институтов*, которые могли бы с самого ее начала проводить эти идеи в жизнь. Созданию и деятельности таких учреждений препятствовали и большевики, ибо подобная самоорганизация трудящихся не отвечала их интересам.

Ясные и четкие идеи существовали, массы интуитивно готовы были воспринять их и, с помощью революционеров, интеллигенции, специалистов, реализовать на практике. Необходимые институты создавались и вскоре смогли бы, с помощью тех же элементов, приступить к выполнению своих подлинных задач. Большевики сознательно воспрепятствовали и распространению этих идей, и просвещенной помощи, и деятельности общественных институтов. *Ибо они хотели все делать по своему усмотрению, не выходя за рамки политической Власти*.

Все эти точные и бесспорные факты имеют огромную важность для каждого, кто стремится понять ход и смысл русской Революции. Ниже читатель найдет многочисленные примеры — на самом деле их сотни, — подтверждающие мои выводы.

Вторым предметом дискуссии было Учредительное Собрание.

Для продолжения революционных преобразований и перерастания их в Социальную Революцию анархисты не видели никакой пользы в созыве этого Собрания — в их понимании, чисто политического и буржуазного учреждения, никчемного и бесплодного; учреждения, которое по самой природе своей стояло бы «над социальной борьбой», единственной целью которого было бы установление в обществе чреватого опасными последствиями компромисса, приостановка и, возможно, удушение Революции.

Таким образом, анархисты старались разъяснить трудящимся массам бесполезность «Учредилки», необходимость ее замены общественными и экономическими самоуправляющимися организациями, *ибо только так можно положить начало Социальной Революции.*

Большевики как настоящие политиканы не решались открыто отказаться от созыва Учредительного Собрания. (Которому, как мы видели, уделялось значительное место в их программе, разработанной до взятия Власти.) Тому имелось несколько причин: с одной стороны, большевики не видели ничего дурного в «остановке» революции на данной стадии, раз уж власть находилась у них у руках. В этом смысле Учредительное Собрание могло послужить интересам большевиков в том случае, если бы парламентское большинство им сочувствовало, а их правление получило бы одобрение депутатов. Наконец, большевики пока не чувствовали себя достаточно сильными и не желали дать противникам возможность заявить о том, что они забыли свои формальные обещания, предали дело Революции, и тем самым спровоцировать массовые волнения. А поскольку трудящиеся массы пока не находились в их полном подчинении, сохранялась опасность, что они разгадают маневр и переменят свое отношение к новой власти: пример правительства Керенского был еще свеж в памяти. В конце концов партия пришла к следующему решению: приступить к созыву Учредительного Собрания, непосредственно наблюдая за выборами и прилагая максимум усилий для того, чтобы результаты голосования были благоприятны для большевистского правительства. Если Собрание поддержит большевиков или, по крайней мере, покорится им и не будет играть значительной роли, они смогут манипулировать им и использовать в своих целях; если же, несмотря ни на что, выборы окажутся неблагоприятными для большевиков, они проследят за настроениями народных масс и распустят его при первом же удобном случае. Конечно, существовал определенный риск. Но, рассчитывая на свою широкую популярность, а также на отсутствие реальной власти у Собрания, которое, к тому же, скомпрометирует себя, если выступит против большевизма, большевики решили, что игра стоит свеч. Последующие события показали, что они не ошибались.

Обещание большевиков созвать Учредительное Собрание сразу после взятия власти являлось, по сути, чисто демагогическим. Эта ставка в любом случае должна была выиграть. В случае одобрения Собранием их положение в стране и в мире вскоре значительно упрочилось бы. Если этого не произойдет, они чувствовали себя достаточно сильными, чтобы избавиться от «Учредилки» при первой же возможности.

Глава IV. Некоторые замечания

Разумеется, *народные массы* не могли разобраться во всех тонкостях этих различных воззрений. Она не были способны — даже ознакомившись с нашими идеями — понять действительные масштабы различий, о которых шла речь. Российские трудящиеся очень слабо разбирались в политике. Они не осознавали ни макиавеллизма, ни опасности большевистских идей.

Помню, какие отчаянные усилия прилагал я, делая все от меня зависящее, чтобы словом и пером предупредить трудящихся об опасности, грозящей Революции в случае, если массы позволят партии большевиков утвердиться у власти.

Я мог делать все что угодно: массы не видели опасности. Сколько раз мне говорили: «Товарищ, мы прекрасно тебя понимаем. Впрочем, мы не *слишком* доверчивы. Согласны, нам следует быть настороже и никому не верить на слово. Но до сих пор большевики ни разу не предали нас; они решительно идут с нами, они — наши друзья; они здорово помогают нам и заявляют, что, придя к власти, смогут легко удовлетворить наши нужды. Кажется, так оно и будет. Тогда зачем нам отказываться от сотрудничества с ними? Поможем им придти к власти, а там поглядим».

Я мог сколько угодно утверждать, что политическая власть никогда не сможет осуществить цели Социальной Революции; мог сколько угодно повторять, что власть большевиков неизбежно окажется столь же бессильной, сколь и всякая другая, но, в отличие от остальных, гораздо более опасной для трудящихся, и борьба с ней может предстоять нелегкая. Мне неизменно отвечали: «Товарищ, это мы, народные массы, сбросили царизм. Это мы сбросили буржуазное правительство, а сейчас готовы сбросить и Керенского. Ну ладно, если ты прав и большевики нас все-таки предадут, не сдержат своих обещаний, мы их сбросим как всех остальных. И тогда решительно пойдем вперед только с нашими друзьями анархистами».

Я мог сколько угодно говорить, что по таким-то и таким-то причинам избавиться от господства большевиков будет очень тяжело: мне не хотели, не могли поверить.

В этом нет ничего удивительного, ибо даже в странах, хорошо знакомых с политическими методами, которые (как, например, во Франции) в большей или меньшей степени вызывают отвращение, трудящиеся массы, и даже интеллигенция, выступая за Революцию, пока не пришли к пониманию того, что взятие власти политической партией, хотя бы и крайне левой, и государственное строительство в любой форме ведет Революцию к гибели. Могло ли быть иначе в такой стране, как Россия, не имевшей никакого политического опыта?

Возвращаясь на своих военных кораблях из Петрограда в Кронштадт после победы октября 1917 года, революционные матросы заспорили об опасности, которая могла заключаться в самом существовании ставшего у власти «Совета Народных Комиссаров». Кое-кто, в частности, утверждал, что этот политический «синедрион» может когда-нибудь предать принципы октябрьской Революции. Но в массе своей

матросы, находившиеся под впечатлением легко одержанной победы, заявляли, потрясая оружием: «В таком случае наши пушки, раз они смогли обстрелять Зимний Дворец, достанут и до Смольного». (Бывший Смольный институт в Петрограде был первым местом заседаний пришедшего к власти правительства большевиков.)

Как мы знаем, в 1917 году в России политические, государственнические, правительственные идеи еще не были дискредитированы. В настоящее время это утверждение применимо по отношению к любой стране мира. Без сомнения, потребуется время, еще не один исторический эксперимент и длительная пропагандистская работа, чтобы *массы* со всей ясностью осознали наконец лживость, пустоту и гибельность этих идей.

Ночь на 26 октября я провел на улицах Петрограда. Они были темны и спокойны. Издалека доносились отдельные ружейные залпы. Вдруг мимо меня на полной скорости проехал броневик. Из него высунулась рука и бросила пачку листов бумаги, которые разлетелись во все стороны. Я нагнулся и подобрал один. Это был призыв новой власти «к рабочим и крестьянам», объявлявший о падении режима Керенского и содержавший список вновь образованного правительства «народных комиссаров» во главе с Лениным.

Меня охватило смешанное чувство грусти, гнева, отвращения и одновременно горького сарказма. «Эти дураки (если они просто не лживые демагоги), — подумал я, — наверно, воображают, что делают Социальную Революцию! Что ж, они еще увидят... А массы получают хороший урок!»

Кто в тот момент мог предвидеть, что всего лишь четыре года спустя, в славные февральские дни 1921 года — а именно 25–28 февраля — петроградские рабочие восстанут против нового «коммунистического» правительства?

Существует мнение, которое разделяют некоторые анархисты. Его сторонники утверждают, что в тех условиях русские анархисты должны были *на время* отказаться от своего неприятия «политики» партий, демагогии, власти и пр. и действовать «по-большевистски», то есть сформировать своего рода политическую партию и попытаться *временно* захватить власть. В этом случае, говорят они, анархисты смогли бы «увлечь за собой массы», одержать победу над большевиками и взять власть, «чтобы затем установить анархию»¹.

Я считаю такого рода рассуждения глубоко ошибочными и опасными.

Даже если бы анархисты одержали победу (что очень сомнительно), победа эта, купленная ценой «временного» отказа от основополагающего принципа анархизма, никогда не привела бы к торжеству этого принципа. В силу логики событий анархисты у власти — какой нонсенс! — создали бы лишь *разновидность большевистского режима*.

(Считаю, что мою точку зрения в целом подтверждают недавние события в Испании и поведение некоторых испанских анархистов, согласившихся занять посты в правительстве и бросившихся в пустоту «политики», отказавшись тем самым от подлинной анархической деятельности.)

¹ Волин имеет в виду сторонников «Проекта Организационной Платформы Всеобщего Союза Анархистов», группировавшихся в Федерацию анархистов-коммунистов «Дело Труда». «Платформа» была разработана П. Аршиновым и Н. Махно в 1926 году и вызвала бурную дискуссию как в российском, так и в международном анархическом движении.

Если бы подобные методы могли привести к искомым результатам, если бы было возможно уничтожить власть силой власти, анархизм не имел бы никаких прав на существование. «В принципе», все являются «анархистами». *На самом деле* отличие коммунистов и социалистов от анархистов именно в том, что они считают возможным прийти к либертарному общественному устройству, пройдя через стадию политики и власти. (Я имею в виду людей искренних.) Так что если некто хочет уничтожить власть силой власти, «руководя массами», то он коммунист, социалист, кто угодно, но только не анархист. Анархистом является тот, кто считает невозможным уничтожить власть и государство при помощи власти и государства (и не допускает руководства массами). Как только прибегают к подобным средствам — пусть даже «временно» и с самыми добрыми намерениями, — перестают быть анархистами, отвергают анархизм и начинают исповедывать принципы большевизма.

Идея о руководстве массами и их сплочении вокруг власти не имеет ничего общего с анархизмом, который не признает возможности подлинного освобождения человечества таким путем.

В связи с этим вспоминаю разговор с хорошо известным товарищем Марией Спиридоновой, вдохновительницей партии левых эсеров, который состоялся у меня в Москве в 1919 или 1920 году.

(Некогда Мария Спиридонова, рискуя жизнью, застрелила одного из самых жестоких царских сатрапов. Она вынесла пытки, едва избежала смерти и много лет провела на каторге. Освобожденная февральской революцией 1917 года, Мария Спиридонова присоединилась к партии левых эсеров и стала одним из ее лидеров. Эта была искренняя революционерка: ей верили, к ней прислушивались и уважали ее.)

Во время нашего спора она заявила, что левые эсеры видят власть сведенной к минимуму, то есть очень слабой, гуманной и, главное, временной. «Лишь *самое* *необходимое*, позволяющее как можно быстрее ослабить, истощить ее и дать ей исчезнуть». — «Не заблуждайтесь, — возразил я ей, — власть никогда не является «комком песка», который рассыплется от одного толчка; скорее, она подобна «снежному кому», который, когда его катают, только увеличивается. Если вы придете к власти, вы будете действовать так же, как и все остальные».

В том числе и анархисты, мог бы я добавить.

Вспоминаю другой поразительный случай.

В 1919 году я вел революционную работу на Украине. В то время народные массы уже значительно разочаровались в большевизме. Анархистская пропаганда на Украине, которую большевики еще не полностью покорили, имела значительный успех.

Однажды ночью в штаб-квартиру нашей харьковской группы пришли красноармейцы, делегированные своими полками, и заявили следующее: «Несколько частей гарнизона, разочаровавшиеся в большевизме и симпатизирующие анархистам, готовы действовать. Мы могли бы беспрепятственно арестовать членов большевистского правительства Украины и провозгласить анархистское правительство, которое, несомненно, оказалось бы лучше. Никто не выступил бы против, власть большевиков всем надоела. Мы просим анархистскую партию быть заодно с нами, поручить нам действовать от ее имени, чтобы арестовать нынешнее правительство и, с нашей

помощью, занять его место. Мы предоставляем себя в полное распоряжение партии анархистов».

Произошло очевидное недоразумение. Об этом достаточно свидетельствовало само выражение «анархистская партия». Храбрые воины не имели никакого представления об анархизме. Они, должно быть, слышали чьи-то неопределенные разговоры или присутствовали на каком-нибудь митинге.

В такой ситуации перед нами встал выбор: или воспользоваться этим недоразумением, арестовать большевистское правительство и «взять власть» на Украине; или объяснить солдатам их ошибку, рассказать им о сущности анархизма и отговорить от авантюры.

Естественно, мы предпочли второе. В течение двух часов я излагал солдатам наши воззрения: «Если, — сказал я им, — широкие народные массы начнут новую революцию, честно сознавая, что не следует заменять одно правительство другим для того, чтобы организовать свою жизнь на новых основах, это будет хорошая, подлинная Революция, и все анархисты пойдут вместе с массами. Но если мы — группа людей — арестуем большевистское правительство и займем его место, по сути ничего не изменится. А затем, следуя той же системе, мы окажемся ничем не лучше большевиков».

Солдаты в конце концов поняли мои объяснения и ушли, поклявшись отныне бороться за подлинную Революцию и анархическую идею².

Непостижимо, что в наше время существуют «анархисты» — и достаточно авторитетные, — которые упрекают меня за то, что я в тот момент не «взял власть». Они полагают, что мы должны были арестовать большевистское правительство и занять его место. Они утверждают, что мы упустили прекрасную возможность осуществить наши идеи... с помощью власти, что нашим идеям как раз противоречит.

Сколько раз говорил я во время Революции: «Никогда не забывайте, что *радивас*, *стоя над* вами, *вместо* вас никто ничего не сможет сделать. Самое «лучшее» правительство ожидает неизбежное банкротство. И если вы однажды узнаете, что я, Волин, прельщенный политическими и авторитарными идеями, согласился занять правительственный пост, стать «комиссаром», «министром» или кем-то в этом роде, — через две недели, товарищи, вы сможете со спокойной совестью расстрелять меня, зная, что я предал истину, наше дело и подлинную Революцию!».

² Активист Харьковской организации «Набат» Анатолий Горелик относит этот эпизод не к 1919, а к осени 1920 года (см.: А. Горелик. Анархисты в российской революции. Буэнос-Айрес. 1922. С. 44–45.

Часть 3. После Октября

Глава I. Большевики у власти. Различия между ними и анархистами

Борьба между двумя концепциями Социальной Революции — государственническо-централистской и либертарно-федералистской — в России 1917 года была неравной.

Победила государственническая концепция. Вакантный престол заняло большевистское правительство. Его бесспорным руководителем был Ленин. На него и его партию была возложена задача остановить войну, решить все проблемы Революции и повести ее по пути подлинной Социальной Революции.

Политическая идея одержала верх. Вскоре она себя показала. Рассмотрим теперь, как это происходило.

Новое — большевистское — правительство на самом деле было правительством интеллектуалов, доктринеров от марксизма. Захватив власть, заявив, что представляют всех трудящихся и единственные знают, как привести страну к социализму, они понимали свое правление прежде всего как издание декретов и законов, которые трудящиеся массы должны были одобрять и исполнять.

В начале правительство с Лениным во главе сделало вид, что лишь выполняет волю трудового народа; во всяком случае, оно стремились оправдать в глазах этого народа свои решения и действия. Так, например, все его первоначальные меры, такие, как первый шаг в направлении заключения немедленного мира (декрет от 28 октября 1917 г.) и декрет, предоставлявший землю крестьянам (26 октября 1917 г.), были приняты Съездом Советов, поддержавшим правительство. Впрочем, Ленин заранее знал, что декреты эти с удовлетворением воспримут и народные массы, и революционные круги. По сути своей, они лишь узаконивали существующий порядок вещей.

Точно также Ленин счел необходимым оправдать роспуск Учредительного Собрания (в январе 1918 г.) перед Исполкомом Советов.

Этот акт революции — один из первых — заслуживает подробного рассмотрения.

Читателю известно, что анархисты, сообразуясь со своей социальной и революционной концепцией, противились созыву Учредительного Собрания.

Вот как они излагали свою позицию в редакционной статье своей петроградской газеты «Голос Труда» (№ 19 от 18 ноября-1 декабря 1917 г.):

«Товарищи рабочие, крестьяне, солдаты, матросы, все трудящиеся!

Идут выборы в Учредительное Собрание.

Оно, вероятно, скоро соберется и начнет заседать.

Все политические партии (в том числе и большевики) передают дальнейшую судьбу революции, страны и трудящегося люда в руки этого «полномочного» центрального органа.

Наш долг — предупредить вас по этому поводу относительно двух возможных опасностей.

Первая опасность. — Большевики не окажутся в Учредительном Собрании в значительном большинстве (или даже вовсе не окажутся в большинстве).

В этом случае Учредительное Собрание будет еще одним лишним политическим, коалиционным (сборным), буржуазно-социалистическим органом в стране; еще одной нелепой политической говорильней, вроде «Московского Государственного Совещания», Петроградского «Демократического Совещания», «Совета Республики» и т. п. Оно погрязнет в спорах и пререканиях. Оно будет тормозить Революцию.

Эта опасность не чересчур уж важна только потому, что в этом случае массы — надо надеяться — сумеют снова с оружием в руках отстоять Революцию и двинуть ее вперед, по верной дороге.

По поводу этой опасности мы должны, однако, сказать, что такая новая и лишняя передышка совершенно не нужна трудящимся массам. Массы могут и должны были бы обойтись без нее. Вместо того, чтобы тратить огромные средства и силы на организацию нелепого учреждения (а трудовая революция пока что опять останавливается!..); вместо того, чтобы отдавать впереди снова силы и кровь на борьбу с этим нелепым и ненужным учреждением, опять «спасая Революцию» и отодвигая ее с новой мертвой точки, — вместо всего этого те же силы и средства могли бы быть затрачены с великой и ясной пользой для Революции, страны и народа на прямую организацию трудящихся масс на низах, по деревням, городам, предприятиям, полям, рудникам и т. д.; на естественное, свободное, прямое и непосредственное, трудовое, а не партийно-политическое, объединение этих организаций снизу, в вольные города и вольные деревни, в вольные общины (коммуны) по местностям, районам и областям, на энергичную деятельность этих организаций по снабжению сырьем и топливом, по улучшению перевоза (транспорта), по налаживанию обмена и всего нового хозяйства; на прямую борьбу с остатками контрреволюции (главным образом, с сильно мешающим делу калединским движением на юге).

Вторая опасность. — Большевики окажутся в Учредительном Собрании в значительном большинстве.

В этом случае они, легко справившись с «оппозицией» и без особого труда раздавив ее, станут твердо и прочно хозяевами («законными» хозяевами!) страны и положения, явно признанными «большинством населения». Это как раз и есть то, чего добиваются большевики от Учредительного Собрания и для чего оно им необходимо. Оно должно окончательно укрепить и «узаконить» их политическую власть в стране.

Эта опасность, товарищи, гораздо более важна и серьезна, чем первая.

Будьте начеку!

Укрепив, упрочив и узаконив свою власть, большевики, будучи социал-демократами, политиками и государственниками, т. е. людьми власти, начнут из центра — властным, повелевающим образом — устраивать жизнь страны и народа. Они будут приказывать и распоряжаться из Петрограда по всей России. Ваши Советы и другие организации на местах должны будут понемногу стать простыми исполнительными органами воли центрального правительства. Вместо естественной трудовой стройки и свободного объединения снизу будет водворяться властный,

политический, государственный аппарат, который *сверху* начнет все зажимать в свой железный кулак. Места, Советы, организации должны будут слушаться и повиноваться. Это будет называться «дисциплиной». И горе тому, кто не будет согласен с центральной властью и не сочтет нужным и полезным подчиняться ей! Сильная «всеобщим признанием населения», она *заставит* его повиноваться.

Будьте начеку, товарищи! Замечайте хорошенько и запоминайте крепко.

Чем прочнее и вернее будут успехи большевиков, чем тверже будет становиться их положение — тем яснее и определеннее будут они *властвовать*, т. е. проводить, осуществлять и отстаивать свою твердую, политическую, центральную государственную власть. Они начнут категорически приказывать местам, местным организациям и Советам. Они начнут, не останавливаясь — быть может — и перед применением вооруженной силы, проводить сверху желательную им политику.

Чем более ярким и прочным будет их успех, — тем более ясной будет становиться эта опасность: ибо тем увереннее и тверже будут они действовать. Каждый новый успех будет (вы увидите это!) все сильнее и сильнее кружить им головы. Каждый новый день их успеха будет приближать истинную Революцию к опасности. Нарастание их успеха будет нарастанием этой опасности.

Вы можете видеть это уже теперь.

Присмотритесь внимательно к последним распоряжениям и приказам новой власти.

Вы заметите, уже теперь, ясно прорывающееся стремление большевистских верхов к властно-политическому устроению жизни из центра. Уже теперь отдаются ими «приказы» по России. Уже теперь ясно видна у них склонность понимать лозунг «власть Советам» как власть центрального учреждения в Петрограде, которому должны быть подчинены, в качестве простых исполнительных органов, Советы и организации на местах.

Это — *теперь*, когда они еще сильно чувствуют свою зависимость от масс и, конечно, опасаются дать повод к разочарованию. Теперь, когда успех их еще не совсем обеспечен и держится целиком на отношении к ним масс...

Что же будет тогда, когда их полный успех станет твердым фактом, и массы окружат их восторженным и прочным доверием!..

Товарищи — рабочие, крестьяне и солдаты!

Помните всегда об этой опасности.

Будьте готовы к тому, чтобы отстаивать истинную Революцию и действительную свободу ваших организаций и вашей жизни на местах от гнета и насилия новой политической власти, нового хозяина — централизованного государства, новых властителей — вожаков политической партии.

Будьте готовы к тому, чтобы в случае, если успехи большевиков вскружат им головы и сделают их властителями, эти их *успехи* стали их *гибелью*.

Будьте готовы к тому, чтобы вырвать Революцию из новой тюрьмы!..

Помните, что только *вы сами* — при посредстве ваших собственных организаций на местах — должны и *можете* творить и строить вашу новую жизнь. Иначе — вам не видать ее!

Большевики часто *говорят* вам то же самое.

Тем лучше, если они, в конце концов, исполнят свои слова.

Но, товарищи, все новые властители, положение которых зависит от сочувствия и доверия масс, говорят вначале сладким языком. И Керенский «стлал мягко» в первые дни; да после стало «жестко спать».

Присматривайтесь, прислушивайтесь не к *словам и речам*, а к *делам и поступкам*. И если найдете малейшее противоречие между тем, что люди *говорят*, и тем, что они *делают*, — будьте настороже!..

Не доверяйте словам!

Верьте только делам и фактам.

Не доверяйте Учредительному Собранию, партиям и вождям!

Верьте только самим себе и Революции.

Только *вы сами* — то есть ваши непосредственные трудовые и беспартийные организации на местах и их прямое, стройное объединение по местам, районам и областям — должны быть хозяевами и строителями новой жизни, а не Учредительное Собрание, не центральное правительство, не партии и «вожди».

В другой статье (в № 21 «Голоса Труда» от 2-15 декабря 1917 г., редакционная статья «Вместо Учредительного Собрания») анархисты писали:

«Известно, что мы, анархисты, отрицаем Учредительное Собрание, считая его не только совершенно ненужным, но и прямо вредным для дела Революции.

Очень немногие, однако, дают себе ясный и правильный отчет в том, *откуда именно* вытекает у нас такая точка зрения.

Между тем, существенен и характерен вовсе не самый *факт* отрицания. Существенны и *причины*, которые к нему приводят.

Мы отрицаем Учредительное Собрание не из каприза, не из упрямства или духа противоречия. Мы не «просто и только отрицаем»: мы приходим к отрицанию *логически* — потому что считаем единственно важным и полезным для трудящихся делом во время Социальной Революции — устройство новой жизни самими трудящимися массами, снизу, при помощи непосредственными массовых экономических организаций, а не сверху, при посредстве политического властного центра.

Мы отрицаем, потому что ставим *на место Учредительного Собрания* совершенно иной «учредительный» институт — *естественно объединяя снизу трудовую* (рабоче-крестьянско-солдатскую) *организацию*.

Мы отодвигаем Учредительное Собрание потому, что выдвигаем на его место иное.

Мы не хотим, чтобы одно мешало другому...

Большевики, с одной стороны, признают непосредственную, *классовую* организацию трудящихся (Советы и пр.), а с другой — сохраняют нелепое внеклассовое Учр[едительное] Собр[ание]. Мы считаем такую двойственность противоречивой, крайне вредной и опасной. Она является, конечно, неизбежным результатом того, что большевики, будучи «социал-демократами», *вообще* путаются в вопросах «политики» и «экономики», «власти» и «безвластия», «партии» и «класса». Они *не решаются* окончательно и вполне отказаться от мертвых предрассудков, ибо для них это означало бы броситься, не умея плавать, в открытое море.

Нельзя не путаться в противоречиях людям, которые во время пролетарской революции считают главной задачей *организацию власти*.

Мы отрицаем эту «организацию власти» именно потому, что *выдвигаем на ее место организацию Революции.*

Организация власти упирается логически в Учредительное Собрание.

Организация революции приводит, логически же, к совершенно иному построению, в котором Учредительному Собранию просто нет места и которому Учредительное Собрание просто мешает.

Вот почему мы отрицаем Учредительное Собрание».

Большевики решили созвать Собрание, заранее приняв решение занять в нем господствующие позиции или же, в случае, если не наберут большинства (что в тот момент было не так уж невероятно), распустить его.

И в январе 1918 г. Учредительное Собрание было создано. Несмотря на все усилия партии большевиков, три месяца стоявшей у власти, большинство в нем оказалось антибольшевистским. Этот результат полностью подтвердил прогнозы анархистов. «Если бы трудящиеся, — говорили они, — спокойно занимались своим делом — экономическим и социальным строительством, — не заботясь о политических комедиях, огромное большинство населения в итоге последовало бы по этому пути. А теперь на них свалилась еще одна ненужная забота»...

Но несмотря на явную никчемность этого Собрания, «работа» которого велась в атмосфере всеобщего угрюмого безразличия (действительно, никчемность и непрочность этого института ощущали все), большевистское правительство некоторое время не решалось распустить его.

Потребовалось практически случайное вмешательство одного анархиста, чтобы Учредительное Собрание было, наконец, распущено. Этот исторический факт мало известен.

Действительно, большевистское правительство непреднамеренно назначило анархиста, кронштадтского матроса Анатолия Железнякова, командиром отряда, охранявшего зал заседаний собрания¹.

Уже несколько дней² бесконечные речи вождей политических партий — которые безо всякой пользы затягивались до глубокой ночи — утомляли и раздражали охрану Собрания, вынужденную всякий раз дежурить до окончания заседаний.

Однажды ночью — большевики и левые эсеры покинули заседание после совместного заявления в адрес представителей правых, и выступления шли своим чередом — Железняков во главе своего отряда вошел в зал заседаний, подошел к креслу предсе-

¹ Как не раз случалось, большевики и здесь постарались исказить факты. В своей печати они заявляют, что Железняков стал — или всегда был — большевиком. Понятно, что его реальная идейная принадлежность ставит их затруднительное положение. После гибели Железнякова (он был смертельно ранен в бою с белыми на юге России), большевики в газете «Известия» рассказали, что на смертном одре Железняков признал, что согласен с большевизмом. Затем они прямо заявляли, что он всегда был большевиком. Это не так. Автор этих строк и его идейные товарищи *близко* знали Железнякова. Отправляясь из Петрограда на фронт, прощаясь со мной и зная, что, будучи анархистом, он мог ожидать от большевиков всего, чего угодно, Железняков сказал мне буквально следующее: «Что бы ни произошло и что бы обо мне не говорили, знай, что я — *анархист*, что я буду сражаться *как анархист*, и если такова моя судьба, умру *как анархист*». И он попросил меня, если не останется в живых, разоблачать ложь большевиков. Здесь я выполняю его просьбу.

² Неточность Волина, на самом деле одни сутки. — *Прим. перев.*

дателя и сказал последнему (это был правый эсер В. Чернов): «Закрывайте заседание, пожалуйста, мои люди устали!»

Растерянный и возмущенный председатель запротестовал. «Говорю вам, что караул устал, — угрожающе повторил Железняков. — Прошу вас покинуть зал заседаний. А впрочем, довольно с нас этой говорильни! Хватит, наболтались! Уходите!»

Собрание повиновалось³.

Правительство большевиков использовало это инцидент, чтобы на следующий день издать декрет о роспуске Собрания.

Страна не шелохнулась⁴.

Позднее Исполком Советов утвердил это правительственное решение.

Все шло «как надо» — до того момента, когда воля «управляющих» вступила в противоречие с волей «управляемых», «народа».

И тогда ситуация изменилась.

Это произошло во время немецкого наступления, в феврале 1918 г.

После Октябрьской революции немецкая армия на российском фронте некоторое время бездействовала. Ее командование выжидало, когда можно будет извлечь максимальные преимущества из сложившейся ситуации.

В феврале 1918 г., решив, что время настало, оно предприняло наступление против революционной России.

Следовало определить, как поступить. Соппротивление было невозможно, русская армия не могла воевать. Нужно было найти выход из положения. И одновременно решить первоочередную проблему Революции — проблему войны.

Из сложившейся ситуации виделось только два возможных выхода:

1) Оголить фронт: позволить немецкой армии двигаться внутрь охваченной революцией страны; завлечь ее как можно дальше, чтобы таким образом изолировать ее, оторвать от баз снабжения, вести против нее партизанскую войну, деморализовать ее, разложить и т. д., защищая при этом Социальную Революцию; такая стратегия оправдала себя в войне 1812 года и всегда была возможной в такой огромной стране, как Россия.

2) Вступить в переговоры. Предложить немцам мир и заключить его, каковы бы ни оказались последствия.

За первый вариант выступали почти все высказавшиеся по этому вопросу рабочие организации, а также левые эсеры, максималисты, анархисты. Они придерживались

³ Разгон Учредительного Собрания оброс множеством легенд, не соответствующих действительности. Судя по стенограмме заседания, А. Железняков потребовал от депутатов разойтись, ссылаясь не столько на «усталость караула», сколько на приказ, полученный им от наркома морских дел П. Дыбенко. Однако, Собрание некоторое — недолгое, правда — время еще работало, после чего был объявлен перерыв. Следующее заседание состоялось лишь через полгода, и не в Петрограде...

Полк «двинцев» был составлен из солдат разных частей 5 армии Северного фронта, отказавшихся участвовать в июньском наступлении 1917 года, ведших революционную агитацию и заключенных в Двинскую военную тюрьму (отсюда и название). После корниловского мятежа «двинцев» перевели в Бутырскую тюрьму (Москва), а в конце сентября 1917 освободили; тогда же ими явочным порядком был составлен «полк» (869 человек), выбраны командиры. Среди «двинцев», помимо анархистов, имелось некоторое количество большевиков.

⁴ Не совсем точное утверждение. После роспуска Собрания (6 января 1918 г.) в Петрограде произошли волнения, жестоко подавленные правительственными войсками. — *Прим. перев.*

мнения, что лишь такое поведение достойно Социальной Революции; что только так можно обратиться к немецкому *народу* напрямую, через головы его генералов и правителей; только так можно не дать угаснуть революционному порыву в России и, как следствие, надеяться на начало революции в Германии и других странах. Короче говоря, сторонники подобного решения полагали, что подобное действительно впечатляющее прямое действие *в условиях такой страны, как Россия*, является единственным достойным способом защиты Революции.

Вот что писал по этому поводу «Голос Труда» (№ 27 от 24 февраля 1918 г.) в статье, озаглавленной «О революционном духе»:

«Мы подошли к роковой грани — к решительному перелому. Стучит минута чеканной ясности и исключительной трагичности. Положение определилось. Вопрос поставлен ребром. Сегодняшний день решит, подписывает или не подписывает правительство мир с Германией. От этого дня, от этой минуты зависит *вся дальнейший ход и русской революции, и мировых событий*.

Условия поставлены Германией открыто и полно. Мнения многих «видных» членов партий и членов правительства — известны. Единства нет нигде. Раскол среди большевиков. Раскол среди левых эсеров. Раскол в Совете Народных Комиссаров. Раскол в Петроградском Совете и в ЦИК. Раскол в массах, по фабрикам, заводам и казармам. Отношение провинции мало выяснилось...»

(Выше мы говорили, что левые эсеры, а также трудящиеся массы Петрограда и провинции выступали *против* подписания мирного договора с немецкими генералами.)

«Срок германского ультиматума — 48 часов. При таких условиях вопрос волею-неволею будет обсуждаться и решаться спешно, в замкнутых правительственных кругах. И это — едва ли не самое ужасное...

Наше мнение известно читателям. С самого начала мы были против «мирных переговоров». Мы теперь — против подписания мира. Мы за немедленную энергичную организацию партизанского сопротивления. Мы считаем, что телеграмма правительства с просьбой мира должна быть аннулирована; что вызов должен быть принят, и судьба революции должна быть открыто и прямо вручена в руки пролетариев всего мира.

Ленин настаивает на подписании мира. И — если верить имеющимся сведениям — значительное большинство пойдет за ним. Мир будет подписан...

Только уверенность в *конечной непобедимости этой революции* заставляет нас не смотреть на эту возможность *чересчур мрачно*. Но что подписание мира окажется сильнейшим *ударом* по революции, надолго *затормозит* и *исказит* ее — в этом мы абсолютно убеждены.

Мы знакомы с аргументацией Ленина — в особенности, по статье его «О революционной фразе» («Правда», № 31). Эта аргументация не убедила нас».

Затем автор статьи кратко критикует аргументацию Ленина и противопоставляет ей свою точку зрения, заканчивая следующим образом:

«Главное — мы абсолютно убеждены, что принятие нами предлагаемого мира затянёт Революцию, «принизит» ее. Сделает ее надолго хилой, серенькой, тусклой, худосочной... Принятие мира пригнет Революцию к земле. Обескрылит ее... Заставит ползать...

Ибо революционный дух, великий энтузиазм борьбы, смелый размах и полет величайшей идеи всемирного освобождения — будут отняты у нее.

Свет ее — погаснет для мира».

Большинство Центрального Комитета РКП(б) сначала высказалось в пользу первого предложения. Но Ленин испугался такого поспешного решения. Как настоящий диктатор, он доверял массам лишь в том случае, если ими управляли вожди и политиканы, хотя бы посредством формальных приказов и закулисных махинаций. Он заявил, что в случае отказа подписать предложенный немцами мир Революции грозит смертельная опасность. И указал на необходимость «передышки», которая позволила бы создать *регулярную армию*.

Впервые с начала Революции он решил не считаться с мнением народа и даже своих товарищей. Последним он угрожал сложить с себя всякую ответственность и покинуть заседание, если его воля не будет исполнена. Товарищи, в свою очередь, побоялись лишиться «великого вождя Революции». Они уступили. Мнением же народных масс откровенно пренебрегли. Мир был подписан.

Так в первый раз «диктатура пролетариата» взяла верх над пролетариатом. В первый раз *большевицкой власти удалось запугать массы, навязать им свою волю, действовать по своему усмотрению, пренебрегая мнением остальных*.

Брестский мир был *навязан* трудовому народу правительством большевиков. Народ хотел завершить войну иначе. Но правительство решило «уладить» все самостоятельно. Оно ускорило события и не восприняло всерьез сопротивления масс. Ему удалось заставить их замолчать, принудить к повиновению, *пассивности*.

Вспоминаю, как в это лихорадочное время случайно встретил видного большевика Н. Бухарина (казненного впоследствии после одного из пресловутых московских процессов). Я познакомился с ним еще в Нью-Йорке, с тех пор мы не виделись. Идя по коридору Смольного (где в то время заседало правительство большевиков), куда пришел по делу нашей организации, я увидел Бухарина, спорившего, оживленно жестикулируя, в сторонке с группой большевиков. Он узнал меня и жестом подозвал. Я подошел к нему. Переполняемый эмоциями, он тут же принялся жаловаться на поведение Ленина по вопросу о мире. Бухарина огорчали собственные разногласия с вождем. Он подчеркнул, что по этому вопросу полностью согласен с левыми эсерами, анархистами и народными массами в целом. И с ужасом заявил, что Ленин не желает ничего слушать, что «ему наплевать на мнение других», что он «стремится всем навязать свою волю, свою неправоту и запугивает партию, угрожая отказаться от власти». Бухарин считал, что ошибка Ленина окажется роковой для Революции. И это его ужасало.

— Но, — сказал я ему, — если вы не согласны с Лениным, вам остается только настаивать на своей позиции. Тем более, что вы не один. А впрочем, даже если бы вы были один, у вас, думается, такое же право, как и у Ленина, иметь собственное мнение, ценить, разъяснять и отстаивать его.

— Ох, — прервал он меня, — да что вы? Вы представляете себе, что это означает: бороться против Ленина? Это было бы ужасно. Это автоматически повлекло бы за собой мое исключение из партии. Это означало бы выступить против всего нашего прошлого, против партийной дисциплины, против товарищей по борьбе. Мне пришлось бы стать причиной раскола в партии, увести за собой других бунтовщиков,

создать отдельную партию, чтобы бороться с партией Ленина. Старина, вы хорошо меня знаете: способен ли я стать вождем партии и объявить войну Ленину и партии большевиков? Нет, не будем самообольщаться!

У меня нет данных руководителя. А даже если бы и были... Нет, нет, я не могу, не могу так поступить.

Он был очень смущен. Он обхватил голову руками. Он почти плакал.

Торопясь и чувствуя невозможным продолжать дискуссию, я оставил его предаваться отчаянию.

Как известно, позднее он поддержал Ленина — быть может, лишь на словах.

Таково было первое серьезное разногласие между новым *правительством* и *управляемым* народом. Оно было разрешено в пользу *установившейся* власти.

Это была первая ложь. Первый шаг — но самый непростой. Отныне все должно было идти «своим ходом». Впервые безнаказанно поправ волю трудящихся масс, впервые взяв на себя инициативу, новая власть набросила, так сказать, петлю на Революцию. Затем оставалось лишь затянуть ее, чтобы вынудить и в конечном итоге приучить массы следовать за руководством, лишит их *всякой* инициативы, полностью подчинить себе и загнать Революцию в рамки диктатуры.

Так и произошло. Ибо *подобным образом неизбежно ведет себя всякое правительство. Таким путем неизбежно идет всякая Революция, не отвергнувшая государственническую, централистскую, политическую, правительственную идею.*

Это путь под откос. Стоить лишь ступить на него, и скольжение уже ничто не остановит. Причем ни правители, ни управляемые поначалу не замечают этого. Первые (если они искренни) верят, что выполняют свое предназначение, делают необходимое, спасительное дело. Вторые, ослепленные, подчиненные, следуют за ними... И когда, наконец, первые, а особенно, вторые начинают осознавать свою ошибку, оказывается слишком поздно. Отступление невозможно. Нельзя уже что-либо изменить. Слишком далеко зашло скольжение по наклонной плоскости. И даже если управляемые вопиют об опасности и поднимаются против своих правителей, стремясь приостановить гибельное сползание вниз, — слишком поздно!

Глава II. По наклонной плоскости

Чтобы увидеть, что случилось с русской Революцией, понять подлинную роль большевизма и определить причины, по которым — не впервые в истории человечества — прекрасная и победоносная народная революция завершилась плачевным провалом, необходимо, прежде всего, осознать *две истины*, которые, к несчастью, еще недостаточно поняты, и незнание которых не дает возможности составить цельную картину произошедшего.

Первая истина:

Существует неразрешимое формальное противоречие, противоположность между подлинной Революцией, которая стремится *и может развиваться неограниченно, вплоть до полной и окончательной победы*, с одной стороны, и авторитарными, государственно-теоретическими теорией и практикой, с другой.

Существует неразрешимое формальное противоречие, борьба по существу между *государственной социалистической властью* (если последняя торжествует) и *подлинным социалистическим революционным процессом*.

Сутью подлинной Социальной Революции является наличие мощного и свободного созидательного движения трудящихся масс, освободившихся от эксплуатации. Это развитие широчайшего процесса строительства нового общества на основе освобожденного труда, естественной координации и полного равенства.

По существу, подлинная Социальная Революция является началом настоящей эволюции человечества, то есть свободного созидания трудящихся масс, основанного на широкой и свободной инициативе миллионов людей во всех сферах деятельности.

Революционный народ инстинктивно чувствует эту сущность Революции. Анархисты более или менее четко поняли и сформулировали ее.

Из этого определения Социальной Революции (которое невозможно опровергнуть) «автоматически» вытекает не идея *авторитарного руководства* (диктаторского или какого-либо иного) — идея, полностью принадлежащая старому буржуазному, капиталистическому, эксплуататорскому миру, — но идея *сотрудничества* в развитии. Из этого следует также необходимость абсолютно свободного распространения всех революционных идей и, наконец, потребность в истинах без прикрас, их свободно и всеобщего поиска, исследования и осуществления как необходимое условие плодотворной деятельности масс и окончательного торжества Революции.

Но в рамках государственного социализма и власти *эти принципы Социальной Революции формально не признаются*.

Характерные особенности социалистической идеологии и практики (власть, государство, диктатура) принадлежат не будущему, а целиком и полностью буржуазному прошлому. «Статичная» концепция революции, идея ограниченности, «завершения» революционного процесса, стремление сдержать, «заморозить» его и особенно — вместо того, чтобы предоставить трудящимся массам все возможности действовать

самостоятельно — вновь сконцентрировать в руках государства и горстки новых хозяев все будущее развитие, основано на давних, застарелых традициях, эта избитая модель не имеет ничего общего с подлинной Революцией.

Стоит применить эту модель, как подлинные принципы Революции неизбежно оказываются позабыты. И тогда обязательно — в иной форме — возрождается эксплуатация трудящихся масс со всеми вытекающими последствиями.

Таким образом, нет никаких сомнений, что путь революционных масс к реальному освобождению, к созданию новых форм общественной жизни несовместим с самим принципом государственной власти.

Ясно, что принципы власти и Революции диаметрально противоположны и взаимно исключают друг друга: революционный принцип по сути своей обращен к будущему, а государственнический коренится в прошлом (то есть является реакционным).

Авторитарная социалистическая революция и Революция Социальная являются процессами противоположными. Торжество одной неизбежно ведет к поражению другой. Либо подлинная Революция, ее мощный, свободный и творческий порыв сметет руины авторитарного принципа, либо верх одержит последний, и тогда корни прошлого «оплетут» подлинную Революцию и не дадут ей осуществиться.

Социалистическая власть и Социальная Революция противоречат друг другу. Примирить их и тем более объединить невозможно. Торжество одной всегда означает гибель другой, со всеми вытекающими последствиями.

Революция, которая вдохновляется идеями государственного социализма и доверяет ему свою судьбу, *хотя бы «временно» и на «переходный период»*, погибла: она вступает на ложный путь, на наклонную плоскость. И катится в бездну.

Вторая истина — скорее, логическая совокупность истин — дополняет первую и вносит в нее некоторые уточнения.

1. Всякая политическая власть неизбежно ставит в *привилегированное положение* тех, кто ее осуществляет. Таким образом, она изначально извращает принцип равенства и наносит удар в самое сердце Социальной Революции, тем самым в значительной степени трансформируя ее.

2. Всякая политическая власть неизбежно служит источником и других привилегий, даже если не связана с буржуазией. Встав над Революцией, обуздав ее, власть вынуждена создать *свой бюрократический аппарат принуждения*, необходимый для ее сохранения, для командования, одним словом — для «управления». Очень быстро она объединяет вокруг себя тех, кто стремится господствовать и эксплуатировать. Таким образом, она создает *новую касту привилегированных*, прежде всего, политически, а затем и экономически: руководителей, функционеров, военных, полицейских, членов правящей партии (нечто вроде нового дворянства) и т. п., тех, кто *от нее зависит*, то есть готовых поддерживать и оборонять ее, менее всего заботясь о «принципах» и «справедливости». Она повсюду сеет семена неравенства и вскоре заражает весь общественный организм, становящийся все более и более пассивным, поскольку чувствует невозможность противостоять заразе и в итоге оказывается не прочь возвратиться к буржуазным принципам в новых формах.

3. *Всякая* власть в той или иной степени стремится сосредоточить в своих руках бразды правления жизнью общества. Она *предрасполагает* массы к пассивности, ибо *само ее существование* удушает в людях дух инициативы.

«Коммунистическая» власть, которая, в силу принципа, *концентрирует все в своих руках*, является в этом плане настоящей ловушкой. Гордая своим «авторитетом», преисполненная чувством собственной «ответственности» (которую на самом деле сама на себя возложила), она боится всякого проявления независимости. Любая самостоятельная инициатива вызывает у нее подозрение, представляется угрозой; это принижает, стесняет ее. Ибо она никому не желает уступать бразды правления. Всякая инициатива представляется ей вторжением в ее сферу, покушением на ее прерогативы. Для нее это невыносимо. И власть отвергает, давит эту инициативу или следит за ней с целью нанести решающий удар — с беспощадной, чудовищной «логикой» и упорством.

Новым, мощным творческим силам народных масс не находится применения. Причем как в сфере деятельности, так и в области мышления. В последнем случае «коммунистическая» власть проявляет особенную, абсолютную нетерпимость, сравнимую лишь с кострами Инквизиции. Ибо она считает себя единственным носителем спасительной истины, не допуская и не терпя никакого противоречия, никакого инакомыслия.

4. Никакая политическая власть не способна *реально* выполнить колоссальные созидательные задачи Революции. «Коммунистическая» власть, взявшая на себя выполнение этих задач и утверждающая, что выполнила их, выглядит в этом плане особенно жалко.

Действительно, она претендует на то, что хочет и может «руководить» бесконечно разнообразной деятельностью миллионов людей. Чтобы добиться в этом успеха, ей необходимо в один миг охватить *всю неизмеримую, находящуюся в постоянном движении общественную жизнь*: суметь все узнать, все понять, все предпринять, за всем наблюдать, всюду проникать, все видеть, предвидеть, охватить, наладить, организовать, повести. Речь идет о неисчислимом множестве потребностей, интересов, действий, ситуаций, сочетаний, трансформаций, то есть всякого рода ежеминутно возникающих проблем, находящихся в постоянном движении.

Вскоре, не представляя, что бы возглавить, власть уже не может ничего охватить, ничего наладить, ничем «руководить». И в первую очередь она оказывается абсолютно бессильной в сфере эффективной реорганизации *экономической* жизни страны. Последняя переживает быстрый распад. И, окончательно дезорганизованная, беспорядочно бьется между осколками свергнутого режима и бессилием новопрвозглашенной системы.

В подобных условиях некомпетентность власти ведет к настоящему краху экономики: остановке промышленного производства, разрушению сельского хозяйства, распаду связей между различными экономическими отраслями и нарушению экономического и социального баланса в обществе.

Из этого неизбежно следует использование политики принуждения, особенно по отношению к крестьянам, чтобы заставить их любой ценой снабжать провизией города.

Это средство малоэффективно, особенно поначалу, крестьяне прибегают к своего рода «пассивному сопротивлению», и в стране воцаряется разруха. Труд, производство, транспорт, обмен и пр. дезорганизируются и впадают в состояние хаоса.

5. Чтобы поддерживать экономическую жизнь страны на допустимом уровне, у власти остаются в итоге лишь *принуждение, насилие, террор*. Она прибегает к ним все более широко и методически. Страна продолжает биться в тисках ужасающей нищеты и голода.

6. Очевидная неспособность власти обеспечить стране нормальную экономическую жизнь, явная бесплодность Революции, физические и нравственные страдания миллионов людей, произвол и насилие, усиливающиеся изо дня в день: таковы основные факторы, которые столь тяжким грузом ложатся на плечи народа, что он начинает выступать против Революции; *возрождаются контрреволюционные настроения и движения*. Подобная ситуация побуждает многочисленные нейтральные и несознательные элементы — до того колебавшиеся и склонявшиеся скорее на сторону Революции — занять четкие контрреволюционные позиции и губит веру в Революцию многих ее сторонников.

7. Такое положение вещей не только извращает развитие Революции, но *компрометирует дело ее защиты*.

Создаваемые самими массами общественные организации (профсоюзы, кооперативы, ассоциации, федерации и пр.), активные, живые, нормально координирующие свою деятельность, способные обеспечить экономическое развитие страны и одновременно организовать защиту Революции от сил реакции (тогда еще относительно безобидных), губительная государственническая практика подменяет горсткой политических аферистов и авантюристов, не способных достойно «оправдать» и защитить Революцию, которую они сами жестоко искалечили и выхолостили. Теперь они вынуждены защищаться самостоятельно (вкуче со своими сторонниками) против все растущего числа врагов, возникновение и усиление которых являются, прежде всего, следствием полного банкротства государственной политики.

Таким образом, вместо естественной защиты Социальной Революции и ее поступательного развития мы (не впервые) с недоумением наблюдаем банкротство Власти, всеми, даже самыми жестокими, средствами борющейся за свое существование.

Эта *защита лжи* организована, разумеется, сверху, с использованием старых чудовищных методов политики и вооруженного насилия, которые «себя уже показали»: абсолютное порабощение правительством всего населения, создание регулярной армии, подчиняющейся слепой дисциплине, формирование профессиональной полиции и слепо преданных власти особых отрядов, отмена свободы слова, печати, собраний и, особенно, действий, установление репрессивного, террористического режима и т. д. Вновь власть формирует систему нивелировки личностей, стремясь превратить их в полностью подчиненную себе силу. В такой ненормальной ситуации все эти методы сопровождаются неограниченным насилием и произволом. Нарастает упадок Революции.

8. Обанкротившаяся «революционная власть» неизбежно сталкивается не только с врагами «справа», но и с *противниками слева*, со всеми, кто разделяет подлинные революционные идеи, которые власть попрахла, кто борется против нее во имя защиты этих идей, отстаивая интересы «подлинной Революции».

Отравленная ядом господства, властными прерогативами, убежденная, что является единственной подлинно революционной силой, призванной действовать от имени «пролетариата», и стремящаяся убедить в этом остальных, верящая в свою «ответственность» за Революцию, смешивая в силу рокового заблуждения ее судьбу со своей собственной и находя для всех своих действий объяснения и оправдания, Власть не может и не хочет признать свое фиаско и уйти с исторической сцены. Напротив, чем больше осознает она свои ошибки и нависшую над ней угрозу, тем ожесточеннее защищается. Она любой ценой желает остаться хозяином положения. И даже неизменно надеется, что ей удастся «выпутаться» и «все наладить».

Прекрасно понимая, что речь, так или иначе, идет о ее собственном существовании, Власть в итоге перестает различать своих противников и врагов Революции. Все более руководствуясь примитивным инстинктом самосохранения, неспособная пойти на попятный, она начинает разить направо и налево, ослепленная собственной наглостью. Она без различия поражает всех, кто не на ее стороне. Трепеща за собственную участь, Власть губит лучшие силы будущего.

Она удушает революционные движения, которые неизбежно возникают вновь. Она уничтожает массы революционеров и простых трудящихся, виновных лишь в том, что захотели вновь поднять знамя Социальной Революции.

Действуя таким образом, сильная лишь террором, она вынуждена скрывать свои цели, хитрить, лгать, клеветать, когда не считает целесообразным открыто отмежеваться от Революции и сохранить свой престиж, хотя бы в глазах заграницы.

9. Но, разрушая Революцию, невозможно одновременно опираться на нее. И тем более невозможно зависнуть в пустоте, при ненадежной поддержке штыков и стечения обстоятельств.

Значит, удушая Революцию, Власть вынуждена все более определенно прибегать к поддержке реакционных и буржуазных элементов, из расчета готовых послужить ей и заключить «союз». Чувствуя, как почва уходит из-под ног, все более отрываясь от народных масс, порвав последние связи с Революцией и выродившись в касту привилегированных разнокалиберных диктаторов, слугак, льстецов, карьеристов и паразитов, бессильная сделать что-либо революционное и позитивное, отвергнувшая и подавившая возникшие в обществе новые силы, Власть в целях самосохранения вынуждена обращаться к *силам прежним*. Она все более часто и охотно прибегает к их содействию. С ними добивается она соглашений, альянсов и союза. Им уступает она позиции, не видя иного источника сохранить себя. Потеряв доверие масс, она ищет новых сторонников. Конечно, в один прекрасный день она рассчитывает их предать. А тем временем все глубже погрязает в антиреволюционной, антинародной деятельности.

Революция оказывает ей все более энергичное сопротивление. И с тем большим ожесточением, используя свои возможности и привлеченные на ее сторону силы, Власть борется против Революции.

Последняя вскоре терпит окончательное поражение в неравной борьбе. Она агонизирует и распадается. Это конец. Спуск по наклонной плоскости привел в бездну. Революции больше нет. Торжествует реакция — мерзко приукрашенная, наглая, грубая, зверская.

Те, кто еще не понял этих истин, их беспощадной логики, — тот не понял русскую Революцию. Вот почему все эти слепцы, «ленинисты», «троцкисты» и tutti quanti, не способны дать приемлемого объяснения поражению русской Революции и большевизма — хотя вынуждены признать его. (Не будем говорить о западных «коммунистах»: они и *не хотят* ничего видеть.) Ничего не поняв в русской Революции, ничему в ней не научившись, они готовы повторить те же роковые ошибки: политическая партия, завоевание власти, правительство («рабочее и крестьянское»), государство («социалистическое»), диктатура («пролетариата»)… Пошлые глупости, преступные противоречия, отвратительный нонсенс!

Горе грядущей Революции, если она захочет оживить эти зловонные трупы, если ей еще раз удастся вовлечь трудящиеся массы в эту некромантию! Она породит лишь новых гитлеров, которые расцветут на перегное ее развалин. И вновь «свет ее померкнет для мира».

Устанавливается «революционное» («социалистическое» или «коммунистическое») правительство. Естественно, оно стремится к полновластию. Оно должно командовать. (А иначе зачем оно нужно?)

Рано или поздно возникают первые разногласия между правительством и управляемыми. Возникают тем более неизбежно, что правительство, каким бы оно ни было, не в силах решить проблемы Великой Революции и, несмотря на это, хочет все охватить, чтобы лишь ему принадлежали инициатива, истина, ответственность.

Эти разногласия оборачиваются всегда к выгоде правительства, которое умеет всеми средствами настоять на своем. А следовательно, всякая инициатива неизбежно исходит от правительства, становящегося постепенно хозяином миллионов подданных.

Поэтому «хозяева» цепляются за власть, несмотря на свое бессилие, недостатки, злобу. Себя они считают единственными носителями Революции. «Ленин (или Сталин, или Гитлер) всегда прав». «Рабочие, подчиняйтесь начальству! Оно знает, что делает, и работает ради вас!» «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» («… чтобы мы лучше могли вами командовать»). Но это окончание фразы «гениальные вожди» «рабочих партий» никогда не произносили.)

Так постепенно правители становятся абсолютными хозяевами страны. Они создают привилегированные прослойки, на которые опираются. Они организуют силы, способные их поддержать. Они ожесточенно защищаются против всякой оппозиции, всякого инакомыслия, всякой независимой инициативы. Они все монополизируют. Они господствуют над жизнью всей страны.

Не имея иных средств в своем распоряжении, они угнетают, подчиняют, поработают, эксплуатируют…

Они подавляют всякое сопротивление. Они преследуют и уничтожают, во имя Революции, все, что не хочет склониться перед их волей.

Чтобы оправдать свои действия, они лгут, обманывают, клеветают.

Чтобы удушить истину, они прямо-таки свирепствуют: наполняют тюрьмы и места ссылки, казнят, пытают, убивают.

Вот что именно произошло с русской Революцией.

Захватив власть, организовав свою бюрократию, армию и полицию, изыскав средства и построив новое, так называемое «рабочее», государство, большевистское

правительство, абсолютный хозяин страны, окончательно взяло в свои руки судьбу Революции. Постепенно — по мере усиления демагогической пропаганды, принуждения и репрессий — правительство огосударствовало и монополизировало все, абсолютно все, *вплоть до слова и мысли*.

Именно государство — то есть *правительство* — захватило всю землю. Оно стало настоящим *собственником*. Крестьяне в массе своей вначале превратились в государственных арендаторов, а затем, как мы увидим, в настоящих *крепостных*.

Именно *правительство* присвоило заводы, фабрики, рудники — короче, все средства производства, связи, сообщения, обмена и т. д.

Именно *правительством* узурпировало право на инициативу, организацию, управление во всех сферах человеческой деятельности.

Наконец, именно *правительство* стало единственным хозяином всей печати и других средств распространения идей в стране. Все издания, вся печатная продукция в СССР — вплоть до визитных карточек — производится или самим государством, или под его строгим контролем.

Короче говоря, государство — то есть *правительство* — обрело монополию на истину, стало единственным владельцем всех материальных и духовных богатств, единственным инициатором, организатором, вдохновителем жизни в стране во всех ее проявлениях.

150 миллионов «жителей» постепенно превратились в простых исполнителей правительственных приказов, в настоящих рабов правительства и его бесчисленных агентов. «Рабочие, повинуйтесь начальству!»

Все экономические, социальные и прочие организации, начиная с Советов и кончая самыми маленькими ячейками, стали просто административными филиалами государственного предприятия, своего рода «Акционерным обществом государственной эксплуатации»: *филиалами, полностью подчиненными* «центральному административному совету» (правительству), находящимися под пристальным наблюдением его агентов (официальная и тайная полиция) и лишенными всякого подобия самостоятельности.

Подробная история этой эволюции, произошедшей за каких-то двенадцать лет — необычайной, не имеющей аналогов в мире, — требует отдельного исследования. Мы вернемся к ней, когда потребуются необходимые уточнения.

Читатель уже мог видеть, что это удушение Революции со всеми его разрушительными последствиями вызвало в обществе реакцию, поддержанную *левыми*, которые представляли себе Революцию иначе и выступили в ее защиту, стремясь к ее дальнейшему углублению.

Начало наиболее значительным из этих протестных движений положили *партия левых эсеров и анархисты*.

Партия левых эсеров выступала как соперник большевиков в той же государственнической и политической плоскости.

Их разногласия с коммунистической партией и разочарование в плачевных результатах большевистской политики вынудили левых эсеров в итоге выступить против большевиков. Отказавшись от сотрудничества в правительстве последних, продолжавшегося несколько месяцев, они повели против прежних союзников реши-

тельную борьбу, используя все методы: антибольшевистскую пропаганду, мятежи, террористические акты.

Левые эсеры участвовали в организации известного взрыва в Леонтьевском переулке (далее мы подробнее расскажем об этом). Они убили немецкого генерала Эйхгорна (на Украине) и немецкого посла Мирбаха (в Москве) в знак протеста против установления большевистским правительством связей с Германией. Позднее они стали вдохновителями ряда восстаний на местах, быстро подавленных.

В этой борьбе они жертвовали лучшими своими силами. Их лидеры: Мария Спиридовнова, Б. Камков, Карелин и другие, а также множество безвестных активистов, выказали в этих обстоятельствах большое мужество.

Но если бы левые эсеры пришли к власти, они действовали бы точно также, как партия большевиков. Политическая система привела бы их к тем же результатам.

По существу, левые эсеры выступали против монополии на власть, против гегемонии коммунистической партии. Они считали, что если власть будет поделена между двумя или несколькими равноправными партиями, дела пойдут лучше. В этом, разумеется, они глубоко ошибались.

Активные представители трудящихся масс, которые поняли причины банкротства большевизма и вступили с ним в борьбу, прекрасно это осознавали. Они оказали значительной поддержки левым эсерам. Сопrotивление последних было быстро сломлено и не имело большого резонанса в стране.

Сопrotивление анархистов местами оказалось гораздо более длительным и пользовалось большей поддержкой, несмотря на жестокие репрессии.

Подробное исследование борьбы анархистов за *реализацию другой идеи Революции* заслуживает внимания.

К тому же история этой борьбы, сознательно искаженная победившими большевиками и отдаленная от нас во времени, остается практически неизвестной не только широкой публике, но и тем, кто так или иначе изучал русскую Революцию (за исключением отдельных специалистов). Несмотря на свое огромное значение, она осталась за рамками их трудов и исследований.

Редкая идея в истории человечества претерпела столько извращений и клеветы, как это произошло с анархизмом.

Впрочем, *анархизмом*, как правило, и не занимались: нападали исключительно на «анархистов», которых все правительства считали «врагами общества № 1» и представляли исключительно в неблагоприятном свете. В лучшем случае их именовали «провидцами», «полубезумцами» и просто «безумцами». Но чаще — «бандитами», «преступниками», безрассудными террористами, бомбометателями.

Конечно, среди анархистов были — и есть — террористы, как и среди представителей других идейных течений, политических и общественных организаций. Но именно потому, что *анархическая идея* представляется слишком соблазнительной и опасной, и нельзя допускать, чтобы массы ей интересовались, правительства всех стран и всех политических направлений использовали отдельные террористические акты, совершенные анархистами, чтобы скомпрометировать *саму идею*, очернить не только террористов, но и всех ее сторонников, какие бы методы они не использовали.

Что касается анархических мыслителей и теоретиков, их чаще всего называют «утопистами», «безответственными мечтателями», «абстрактными философами»

или «чудаками», «мистиками», теории которых опасным образом интерпретируются их «последователями», а прекрасные идеи не имеют ничего общего ни с реальностью, ни с людьми, какие они есть. (Буржуазия утверждает, что капиталистическая система стабильна и «реальна», социалисты не считают авторитарный социализм утопическим: и это несмотря на безысходный хаос и огромные общественные бедствия, которые в течение столетий нес с собой первый; несмотря на оглушительное банкротство, постигшее вторых за какие-то полстолетья.)

Очень часто идею просто пытаются осмеять. Разве не внушают безграмотным массам, что анархизм «отрицает всякое общественное устройство и всякую организацию», что его принцип — «каждый может делать все, что захочет»? Разве не говорят, что анархизм — синоним беспорядка, и это на фоне подлинной и невыносимой неразберихи, царящей во всех неанархических системах, которые только существуют?

Такая «политика» по отношению к анархизму, вызванная, главным образом, его цельностью и невозможностью интегрировать его (что прекрасно удалось проделать с социализмом) и направленная на его удаление с политической сцены, принесла свои плоды: всеобщее недоверие, за которым скрываются страх и враждебность, или, по меньшей мере, уже укоренившиеся в людях безразличие, незнание и непонимание — вот с каким отношением сталкивается он всюду, где только возникает.

Эта ситуация надолго ввергла его в положение бессильной изоляции.

(За последнее время, под давлением событий и пропаганды, общественное мнение по отношению к анархизму и анархистам постепенно меняется. Люди начинают понимать, что их обманывали, и вникать в суть вещей. Быть может, не столь далеко то время, когда народные массы, восприняв идеи анархизма, перестанут верить своим «обманщикам» — я чуть не написал «палачам», — их интерес к идее-мученице стал бы естественной психологической реакцией.)

Та правда, которую печать вынуждена была публиковать в связи с событиями в Испании¹, а также некоторые другие довольно известные факты, уже принесли положительные результаты и способствовали успеху либертарной идеи.)

Что касается русской Революции, то большевики в «промывке мозгов», клевете и репрессиях по отношению к анархистам далеко превзошли все нынешние и прежние правительства.

Роль, которую либертарная идея сыграла в Революции, и ее судьба рано или поздно станут широко известны, несмотря на все попытки умолчания. Ибо роль эта была немалая.

Постепенно люди узнают не только о событиях прошлого и настоящего, но и о перспективах на будущее: это позволит лучше понять и предвидеть некоторые важные события, *которые, без сомнения, ожидают нас в самое ближайшее время.*

Поэтому читатель не только имеет право, но я обязан знать изложенные в этой книге факты.

Как действовали анархисты в русской Революции? Каковы были их роль и судьба? Какой «вес» они имели и *что случилось с «другой идеей Революции»*, которую они представляли и отстаивали?

¹ Речь идет о революции и гражданской войне (1936–1939 гг.), активное участие в которых приняли

Наше исследование даст ответ на эти вопросы и внесет необходимые уточнения в то, каковы были на самом деле роль и политика большевистской системы. Мы хотели бы надеяться, что эта книга поможет читателю разобраться в важных событиях настоящего и будущего.

Несмотря на огромное отставание и крайнюю слабость, вопреки всякого рода препятствиям и трудностям, невзирая на быстрые и беспощадные репрессии против анархистов, последние местами смогли, особенно после Октября, завоевать народные симпатии.

В некоторых регионах их идеи имели большой успех.

Их численность быстро возросла, несмотря на тяжелые людские потери.

Они обрели в ходе Революции значительное влияние, потому что только они одни являлись носителями *новой идеи Социальной Революции*, в то время как воззрения и деятельность большевиков все более дискредитировали себя в глазах народных масс, а также потому, что они пропагандировали и отстаивали эту идею, невзирая на бесчеловечные гонения, с высочайшими бескорыстием и преданностью до самого конца, когда подавляющая численность, оголтелая демагогия, коварство и неслыханная жестокость их противников нанесли ей последний удар.

В этом успехе и в том, что его не удалось развить, нет ничего удивительного.

С одной стороны, благодаря последовательному, мужественному и самоотверженному поведению, постоянному участию в непосредственной деятельности народных масс, а не в «ведомствах» и бюро; благодаря потрясающей жизненности их идей на фоне сомнительной активности большевиков, анархисты везде — где только имели возможность действовать — находили друзей и последователей. (Мы вправе предположить, чтобы если бы большевики, прекрасно сознававшие, какую опасность представляли для них эти успехи, не положили немедленный конец либертарной пропаганде и деятельности, Революция могла бы пойти по иному пути и иметь другие последствия.)

Но, с другой стороны, отставание анархистов от событий, очень ограниченное число их активистов, способных вести широкомасштабную устную и печатную пропаганду в огромной стране, неподготовленность к ней масс, общие неблагоприятные условия, преследования, значительные людские потери и пр. очень ограничили масштабы и длительность их работы и облегчили проведение репрессий правительством большевиков.

Рассмотрим факты.

В России только анархисты распространяли в массах идею подлинной народной, последовательной, освободительной Социальной Революции.

Революция 1905 г. (за исключением, опять же, анархистов) прошла под лозунгами «демократии» (буржуазной), «Долой царизм!», «Да здравствует демократическая Республика!» даже большевики в ту эпоху не осмеливались идти дальше. Анархизм тогда был единственной теорией, проникавшей в суть проблемы и предупреждавшей массы об опасности ее политического решения.

Как ни слабы были в то время либертарные силы, им удалось привлечь на свою сторону небольшую группу рабочих и интеллигентов, которые в разных местах выражали протест против обмана «демократии».

Конечно, они были вопиющими в пустыне. Но это ничуть их не обескуражило. И вскоре вокруг них сформировалось движение.

Революция 1917 г. поначалу развивалась, казалось, в нужном направлении. Свергнув самодержавие, народ «выступил на историческую арену».

Напрасно политические партии пытались утвердить свое господство, приспособившись к революционному движению: в борьбе с врагом трудящиеся шли всегда впереди, оставляя партии с их «программами» позади одну за другой. Сами большевики — лучше других организованная, наиболее решительная и рвущаяся к власти партия — были вынуждены несколько раз менять свои лозунги, чтобы успевать за быстрым развитием событий. (Первоначально они провозглашали лозунги: «Да здравствует Учредительное Собрание!», «Да здравствует рабочий контроль над производством!» и пр.)

Также как и в 1905 г., в 1917-м анархисты оказались единственными, кто отстаивал идеи подлинной и последовательной Социальной Революции. Они неизменно и упорно шли по этому пути, невзирая на свою малочисленность, нехватку средств и организации.

Летом 1917 г. анархисты словом и делом поддержали крестьянское движение. Они были с рабочими, когда те, задолго до Октября, захватывали предприятия и пытались организовать производство на основе независимости и рабочего коллективизма.

В первых рядах сражались анархисты во время рабочих и матросских выступлений 3–5 июля в Петрограде. Там же они захватили типографии, чтобы наладить выпуск рабочих и революционных газет.

Когда летом 1917 г. большевики повели себя по отношению к буржуазии смелее других политических партий, анархисты одобрили их действия и сочли своим революционным долгом разоблачать клевету буржуазных и социалистических правительств, объявлявших Ленина и других большевиков «*агентами немецкого правительства*».

Также в первых рядах против коалиционного правительства Керенского сражались анархисты в Петрограде, Москве и других местах в *октябрьские дни 1917 г.* Разумеется, боролись они не ради какой бы то ни было власти, а во имя завоевания трудящимися массами право самим, на новых основах строить свою экономическую и общественную жизнь. По ряду причин, известных читателю, эта идея не была осуществлена на практике, но лишь анархисты до конца вели борьбу за правое дело. Если и можно в чем-либо их упрекнуть, то в том, что они не сумели вовремя *договориться между собой* и не стали в достаточной мере *элементами* свободной организации трудящихся масс. Но следует учитывать их малочисленность и, главное, отсутствие синдикалистского и либертарного просвещения масс. На исправление этого требовалось определенное время. *Но большевики умышленно не дали ни анархистам, ни массам возможность наверстать упущенное.*

В Петрограде важную роль в решающем октябрьском сражении сыграли прибывшие в столицу кронштадтские матросы. Среди них было немало анархистов.

В Москве самая трудная задача во время октябрьских боев выпала на долю знаменитых «двинцев» (Двинского полка). При Керенском этот полк был арестован в полном составе за отказ пойти в наступление на австро-германском фронте в

анархисты. — Прим. перев.

июне 1917 г. «Двинцы» выбивали белых (кадетов, как тогда говорили) из Кремля, их посылали в самые опасные места Москвы. Когда кадеты предприняли контрнаступление, «двинцы» противостояли им в течение десяти дней. Все они считали себя анархистами, командовали ими два ветерана либертарного движения, Грачев и Федотов.

Вместе с Двинским полком сражались против отрядов правительства Керенского активисты Федерации анархистов Москвы. Вслед за либертарными группами шли в бой рабочие Пресни, Сокольников, Замоскворечья и других районов. Пресненские рабочие потеряли выдающегося борца, рабочего-анархиста Никитина, всегда сражавшегося в первых рядах и погибшего в центре города, когда бой уже подходил к концу.

Несколько десятков рабочих-анархистов отдали свои жизни в этой борьбе и были похоронены в братской могиле на Красной площади в Москве.

После Октябрьской революции анархисты, несмотря на то, что их взгляды и методы не соответствовали новой «коммунистической» Власти, продолжали служить делу Социальной Революции с той же верностью и постоянством. Вспомним, что только они одни отрицали сам принцип «Учредительного Собрания», и когда оно стало препятствием для Революции, как они предвидели и предрекали, сделали первый шаг к его роспуску.

Затем они с энергией и самоотверженностью, признанными даже их противниками, на всех фронтах противостояли наступлению реакции.

В обороне Петрограда от генерала Корнилова (август 1917 г.), в борьбе с генералом Калединым на юге (1918 г.) и других сражениях значительную роль сыграли анархисты.

Многочисленные отряды партизан, большие и маленькие, сформированные и руководимые анархистами (отряды Мокроусова, Черняка, Марии Никифоровой и другие, не говоря уже о партизанской армии Махно), без передышки с 1918 по 1920 годы сражались на юге против армий реакции. Отдельные анархисты присутствовали на всех фронтах как рядовые бойцы, затерявшиеся в массе революционных рабочих и крестьян.

Местами силы анархистов быстро росли. Но множество их лучших представителей пало в жестокой борьбе. Эта высшая жертва, в значительной степени способствовавшая конечной победе Революции, очень ослабила едва возникшее либертарное движение. К несчастью, его лучшие силы сражались на фронтах против контрреволюции, оставив работу в тылу. Анархистская пропаганда и деятельность от этого сильно пострадали.

Ряды анархистов значительно поредели в 1919 году, в борьбе с контрреволюционными армиями генерала Деникина, а затем барона Врангеля. Ибо именно анархисты во многом способствовали поражению белых. Их разгромила не Красная Армия на севере страны, а массы восставших крестьян на юге, на Украине, основной силой которых была махновская партизанская армия, во многом проникнутая

² В махновском движении принимали активное участие и левые с.-р., которые были представлены и среди боевых командиров, и в составе Военно-Революционного Совета повстанцев, — но доминировало, конечно, влияние анархистов.

либертарными идеями и руководимая анархистом Нестором Махно. **Из революционных организаций только южнорусские либертарные группы сражались в рядах «махновцев» против Деникина и Врангеля. (Этой героической борьбе посвящен третий том нашей книги.)²**

Интересная деталь: в то время как на юге анархисты, пользуясь временной свободой, героически, не щадя жизни, защищали Революцию, «советское» правительство, которое они на самом деле спасли, жестоко подавляло либертарное движения на подконтрольной ему территории. Как увидит читатель, лишь опасность миновала, репрессии обрушились и на анархистов юга России.

Анархисты принимали участие в борьбе против адмирала Колчака на востоке страны, в Сибири. Там погибло немало их активистов и сторонников.

Партизанские отряды, в которых сражались и анархисты, сделали больше, чем регулярная Красная Армия. И повсюду анархисты отстаивали основной принцип Социальной Революции: независимость и свободу действий трудящихся, идущих по пути своего подлинного освобождения.

Глава III. Анархистские организации

Участие анархистов в Революции не ограничивалось боевыми действиями. Они также старались распространять в трудящихся массах свои идеи о немедленном и последовательном строительстве безвластного общества как необходимом условии достижения желаемого результата. Для выполнения этой задачи они создавали свои организации, пропагандировали свои принципы, старались, по возможности, осуществлять их на практике, распространяли свои газеты и другую литературу.

Перечислим несколько наиболее активных анархистских организаций того времени.

1. «Союз анархо-синдикалистской пропаганды *«Голос Труда»*» (упоминавшийся выше). Его целью было распространение в трудящихся массах идей *анархо-синдикализма*. Союз действовал сначала в Петрограде (лето 1917 г. — весна 1918 г.), а затем некоторое время в Москве. Его газета *«Голос Труда»* издавалась вначале еженедельно, затем стала ежедневной. Им было создано анархо-синдикалистское издательство.

Придя к власти, большевики всеми средствами пытались помешать деятельности союза в целом и изданию газеты, в частности. В итоге в 1918–1919 гг. «коммунистическое» правительство окончательно ликвидировало организацию, а позднее и издательство. Все члены союза либо были арестованы, либо покинули страну.

2. «Федерация Анархистских Групп Москвы». Это была относительно крупная организация, которая в 1917–1918 гг. вела интенсивную пропаганду в Москве и на периферии. Она издавала ежедневную газету анархо-коммунистического направления¹ *«Анархия»* и так же основала издательство. Федерация была разгромлена «советским» правительством в апреле 1918 г. **Осколки этой орга-**

¹ Здесь следует кратко сказать о различных течениях анархизма.

Анархо-синдикалисты возлагали надежды главным образом на свободное синдикалистское рабочее движение, иными словами, считали средством достижения своей цели синдикализм.

Анархо-коммунисты рассчитывали не на рабочие профсоюзы, а на свободные коммуны и их федерации как основу всей общественной деятельности. Они не доверяли синдикализму.

Наконец, *анархо-индивидуалисты*, скептически относившиеся к синдикализму и коммунизму, даже либертарному, делали ставку, в первую очередь, на освобождение личности. В качестве основы нового общественного устройства они допускали лишь свободные объединения личностей.

В ходе русской Революции возникло движение, стремившееся примирить эти три тенденции, создав своего рода «анархический синтез» и объединенное либертарное движение. Инициатором этой попытки объединения анархистов была конфедерация «Набат». См. также анархистскую литературу, особенно периодическую, с 1900-го до 1930 года.

низации просуществовали вплоть до 1921 г., когда последние ее «следы» и активисты были «ликвидированы»².

3. «Конфедерация Анархистских Организаций Украины «Набат». Эта крупная организация была создана в конце 1918 г. на Украине, где большевикам еще не удалось установить свою диктатуру. Конфедерация выделялась, главным образом, позитивной, конкретной деятельностью. Она провозглашала необходимость немедленной и непосредственной борьбы за безвластные формы социального строительства и пыталась некоторые из них осуществить на практике. Благодаря своей крайне энергичной агитации и пропаганде она сыграла важную роль в **распространении либертарных идей на Украине. Конфедерация издавала газеты и брошюры в различных городах. «Центральным органом» являлся «Набат»³.** Она попыталась создать *объединенное* анархистское движение (на основе теории своего рода «анархического синтеза»), объединив все действующие силы анархизма в России *без различия тенденций* в общую организацию. Ей удалось объединить почти все анархистские группы Украины и несколько групп в других регионах России. Она попыталась образовать «Всероссийскую Анархистскую Конфедерацию».

Действуя на охваченном волнениями юге страны, Конфедерация установила тесные контакты с движением революционных партизан, крестьян и рабочих и ядром этого движения — «Махновщиной» (см. гл. 1 т. 3). Она приняла активное участие в борьбе против любых форм реакции: против гетмана⁴ Скоропадского, Петлюры, Деникина, Григорьева, Врангеля и других. В этой борьбе она потеряла почти всех своих лучших активистов. Впоследствии ее деятельность, естественно, вызвала недовольство «коммунистической» власти, и, учитывая положение на Украине, длительное сопротивление новому режиму оказалось невозможным.

В конце 1920 г. большевики окончательно разгромили Конфедерацию. К этому времени многие ее активисты были расстреляны новой властью без суда и следствия⁵.

Кроме этих достаточно многочисленных и деятельных организаций существовали другие, не столь значимые. В 1917 и 1918 годах почти повсюду возникали анархистские группы, течения и движения, как правило, мелкие и эфемерные, но местами

² ФАГМ распалась летом 1918. Ее преемниками являлись последовательно: «Московская Федерация Анархистов» (1918), «Московский союз анархистов-синдикалистов-коммунистов» (1919), «Московский Союз Анархистов» (1919–1920), «Московская секция анархо-универсалистов» (1920–1922).

³ «Набат» — газета, издававшаяся Секретариатом «Конфедерации Анархистов Украины» с осени 1918 до ноября 1920 (с перерывами). Издавалась еженедельно, осенью 1919 (на занятой махновцами территории) — ежедневно. Тираж достигал нескольких тысяч экз. Неоднократно закрывалась советской властью: в феврале 1919, мае 1919, январе 1920, ноябре 1920.

⁴ В прошлом гетман являлся выборным руководителем независимой Украины. Поставленный у власти немцами, Скоропадский принял это звание.

⁵ КАУ «Набат» вела подпольную деятельность до конца 1920-х. Еще в 1928–1930 гг. предпринимались попытки собрать нелегальный съезд украинских анархических групп.

довольно активные: одни были независимыми, другие поддерживали отношения с какой-либо из крупных организаций.

Несмотря на отдельные принципиальные или тактические разногласия, все эти движения были согласны по существу и выполняли, каждое по мере сил и возможностей, свой долг перед Революцией и анархизмом, сея в трудящихся массах семена подлинно новой организации общества — антиавторитарной и федералистской.

Все эти движения постигла одна участь: они были уничтожены «советской» властью.

Глава IV. Неизвестная (анархистская) печать в русской Революции: ее голос, ее борьба, ее конец

Выше мы приводили несколько статей из «Голоса Труда», газеты «Союза анархо-синдикалистской пропаганды», в которых отражена его позиция по отношению ко взятию власти большевиками, Брестскому миру и Учредительному Собранию.

Небесполезно будет процитировать и другие статьи. Они помогут читателю лучше понять разногласия между большевиками и анархистами, позицию последних по отношению к проблемам революции и, наконец, сам дух обеих концепций.

Анархистская печать русской Революции совершенно неизвестна за рубежом, некоторые статьи покажутся читателю настоящими откровениями.

Первый номер «Голоса Труда» вышел 11 августа 1917 г., через полгода после начала Революции, т. е. с огромной и непоправимой задержкой. Тем не менее товарищи энергично взялись за дело.

Задача была трудна. Партии большевиков удалось привлечь на свою сторону симпатии подавляющего большинства рабочих. По сравнению с их деятельностью и влиянием «Союз» и его печатный орган кажутся незначительными. Работа шла медленно и трудно. Для нее почти не осталось возможностей на заводах Петрограда. Все шло за большевистской партией, читали только ее издания. У большевиков было несколько многотиражных ежедневных газет. Никто не замечал малоизвестную организацию со «странными» идеями, так непохожими на то, что говорилось вокруг.

Но тем не менее, «Союз» быстро обрел определенное влияние. Вскоре к нему начали прислушиваться. На его митинги — увы! как мало их было — приходило много народу. Ему удалось создать группы не только в столице, но и в пригородах: Кронштадте, Обухово, Колпино и др. Газета, несмотря на все трудности, имела успех и распространялась все лучше, даже на периферии.

В этих условиях основная задача «Союза» состояла в усилении агитации, привлечении внимания трудящихся масс к своим идеям и позициям. Выполнению этой задачи служила, главным образом, газета, а также устная пропаганда, в то время очень ограниченная из-за нехватки средств.

В существовании — очень коротком — и деятельности «Союза» можно выделить три периода: 1) до Октябрьской революции; 2) во время этой второй Революции; 3) после нее.

В первый период «Союз» боролся одновременно против тогдашнего правительства (Керенского) и против опасности политической революции (к которой, казалось, шло дело), за новую организацию общества на синдикалистской и либертарной основе.

В каждом номере газеты точно и на конкретных примерах разъяснялось, как анархо-синдикалисты понимают конструктивные задачи грядущей Революции. Например: серия статей о роли заводских комитетов, статьи о задачах Советов, о том, как решить аграрную проблему, о новой организации производства, обмена и т. д.

Во многих статьях, особенно редакционных, газета конкретно объясняла трудящимся, какова, на взгляд анархо-синдикалистов, должна быть подлинная освободительная Революция.

Так, в редакционной статье 1-го номера «Голоса Труда» (от 11 августа 1917 г., «Тупик Революции») анархисты, сделав обзор событий Революции и констатировав ее кризис (в августе русская Революция переживала критический период), писали:

«И мы хотим сейчас же сказать, что как глубокие *причины* кризиса революции, так и, в особенности, *дальнейшие пути революционного действия* представляются нам совершенно иными, нежели всей плеяде социалистических писателей. На вопрос «Что же теперь?» мы отвечает различно.

Если бы у нас была возможность возвысить свой голос раньше, в самом начале революции, в первые дни и недели ее вольного разбега, ее жадных, неограниченных порывов и исканий, — мы и тогда, с самого начала, отстаивали бы совершенно иные пути и дела, чем предлагавшиеся социалистами. Мы выступали бы определенно против программ и тактик «наших социалистических» партий и фракций (большевиков, меньшевиков, левых с[оциалистов]-р[еволюционеров], правых с[оциалистов]-р[еволюционеров] и пр.) Мы поставили бы революции иные цели. Мы предложили бы трудовым классам иные задачи...

Пропаганде совершенно иных понятий о *социальной революции и путях ее* посвящена была наша многолетняя работа за границей. Увы, наш голос не долетал до России, отгороженной от мира полицейскими рогатками и застенками.

Ныне наши силы стягиваются здесь. И мы считаем своим прямым долгом, своей величайшей обязанностью тотчас же возобновить на родной, теперь свободной почве — нашу работу. Мы должны действовать. Мы должны развернуть перед трудящимися массами новые горизонты; должны помочь им в их исканиях...

Силою вещей мы вынуждены поднять наш голос в такой момент, когда революция на время зашла в тупик и массы приостановились в тяжелом раздумье. Нам предстоит сделать все возможное для того, чтобы раздумье это не пропало бесплодно. Мы должны использовать время так, чтобы новые волны революции застали массы более подготовленными, яснее сознающими свои цели, задачи и пути, чтобы эти волны не разбились, не расплескались снова в неосмысленном, бесплодном порыве...

Мы должны теперь же наметить те *выходы из тупика*, о которых, увы, нет ни одного слова во всей, без исключения, периодической печати».

В редакционной статье номера 2 («Историческая грань», 18 августа 1917 г.) уточнялось:

«Мы переживаем критические минуты. Чашки весов Революции то медленно колеблются, то судорожно дергаются. Им предстоит колебаться еще некоторое время. Затем они остановятся. От того, сумеют ли русские рабочие вовремя, пока чашки весов еще колеблются, бросить на *свою* чашку новый принцип, новый организационный лозунг, новую *идею*, — зависит в значительной (если не в главной) степени дальнейшая судьба и исход нынешней революции».

Редакционная статья номера 3 («К моменту», 25 августа 1917 г.) обращается к трудящимся в следующих выражениях:

«Вот почему, каковы бы ни были события и передряги момента, — мы говорим русскому пролетариату, русскому крестьянству, русским солдатам, русским революционерам: *прежде всего и паче всего — продолжайте революцию!* Продолжайте энергично организовываться и связываться между собою вашими организациями, союзами, общинами, комитетами, советами. Продолжайте неумолимо и неотступно — везде и всюду — дело вмешательства в хозяйственную жизнь страны, дело перехода в ваши руки, т. е. в руки ваших организаций, всех материалов и орудий труда, дело устранения частных предприятий. Продолжайте революцию! Берите в свои руки решение всех жгучих вопросов момента. Создавайте необходимые для этого органы. Крестьяне — берите землю в ведение и распоряжение ваших комитетов. Рабочие — готовьтесь к переходу в ведение и распоряжение ваших организаций всюду на местах — рудников и копей, промыслов и отдельных хозяйств, фабрик и заводов, машин и мастерских».

Тем временем партия большевиков шла к своему государственному перевороту. Она прекрасно понимала революционные умонастроения масс и надеялась использовать их, обеспечив себе успешный захват власти.

Критикуя эту линию поведения, «Голос Труда» писал в том же № 3:

«Решение вполне логическое, ясное, простое, само собой напрашивающееся (в особенности, для социал-демократов большевиков). Надо только решительно, смело протянуть к нему руку. Надо решиться произнести последнее, логически необходимое слово: никому не следует овладевать государственной властью. *Не надо никакой власти.* Вместо «власти» хозяином жизни должны стать объединенные трудовые организации рабочих и крестьян — организации, которые — с помощью тех же солдатских организаций — должны не «власть захватывать», а непосредственно перенять в свои руки землю и другие материалы и орудия труда и установить — всюду на местах — новый порядок хозяйственной жизни.

«Обыватели» и «лентяи» спокойно подчинятся новому порядку вещей. Буржуазия без солдат и без капитала — *естественно останется и без власти.* Трудовые организации свяжутся между собою и сообща наладят производство, распределение, передвижение и обмен товаров на новых началах, создавая для этой цели, по мере надобности, необходимые центры, органы и связующие узлы. Тогда и только тогда победит революция».

Далее в статье говорится, что если борьба будет носить характер схватки за Власть между политическими партиями, и трудящиеся массы будут вовлечены в эту схватку и разобщены в ней, не может идти речи ни о победе Революции, ни даже о глубокой перестройке общественной жизни.

В статье выражается надежда, что массы под давлением требований жизни в конечном итоге придут именно к такому решению, к которому подводят объективные условия нашей эпохи.

Статья завершается следующими словами:

«Само собой разумеется, что мы отнюдь не хотим быть пророками. Мы лишь предвидим известную возможность, известную *тенденцию*, которая *может и не осуществиться.* Но в этом последнем случае нынешняя революция окажется еще не

победной, не окончательной, не великой социальной революцией, и разрешение задачи, которую мы намечаем, ляжет на одну из грядущих революций».

Наконец, в редакционной статье номера 9 (6 октября, то есть почти накануне большевистской Революции) говорится:

«Или — в дальнейшем ходе революции, в результате происходящих ужасов, бедствий и передраг, после приостановок, новых вспышек, откатов назад, столкновений, ошибок, быть может, даже гражданской войны и временной диктатуры — массы в непрекращающихся творческих исканиях *сумеют*, наконец, довести свое сознание до той высоты, которая позволит им направить свои творческие силы в русло самостоятельной организации и созидательной деятельности на местах. И тогда — спасение и победа революции будут обеспечены.

Или — массы так и *не сумеют* построить в процессе этой революции свои собственные, объединенные между собою и прямо направленные на созидание новой жизни организации. В этом случае революция будет рано или поздно задушена; ибо довести революцию до победного конца могут только такие организации...»

Мы уже показали (см. гл. 1), как вел себя «Союз» в момент *октябрьского государственного переворота*, и не будем к этому возвращаться. Напомним только, что, несмотря на проявленную сдержанность, анархисты активно участвовали в этой Революции — там, где происходили массовые выступления (в Кронштадте, Москве). Их цели и обуславливали эту самую сдержанность.

После октябрьской Революции, в течение нескольких нелегких для Союза анархосиндикалистской пропаганды месяцев он день за днем отслеживал деятельность большевистского правительства и ход событий. Газета, в течение трех месяцев выходящая ежедневно, разъясняла трудящимся все ошибки, преступления новой власти, *одновременно развивая анархические идеи и указывая средства их осуществления* в соответствии со своими взглядами. Это было не только его правом, но и, бесспорно, величайшим долгом.

В ряде статей: 27 октября («Что дальше?»), 3/16 ноября («Вторая Революция»), 4/17 ноября («Декларация и Жизнь») и др. — анархисты настаивали на необходимости немедленно отказаться от *политических методов диктатуры над массами*, предоставить трудящемуся народу свободу организации и действия.

«Мы говорим: с самого начала русской революции, т. е. с марта месяца, трудящиеся массы должны были организовываться *беспартийно, в свои трудовые, классовые организации*, объединяя их между собою и направляя на *единственно необходимую цель* — перенятие в свое ведение и распоряжение всех «материалов для труда» и всей хозяйственной жизни.

Мы говорим: именно в первые месяцы революции никто не мог и не стал бы мешать этой стройке, этому объединению, этому делу.

Люди знаний, люди опытные, люди образованные, интеллигентные — должны были с первых же дней революции заняться не политической борьбой, не политическими лозунгами, не *«организацией власти»*, а *организацией революции*. Они должны были содействовать массам в развитии и усовершенствовании выдвинутых ими организаций и направить деятельность, энергию, внимание масс на организационную подготовку действительной, *экономической, трудовой революции*.

Никто в то время не мешал бы им.

Рабочие, крестьяне и солдаты были бы дружны в этой общей работе. Революция шла бы быстрыми шагами, *по прямой дороге*. Она пустила бы с первых же дней *глубокие корни* — тем более, что масса *сама*, в стихийном порыве, создала сеть своих организаций, и надо было лишь внести в это строительство известную планомерность, сознательность, идейность.

О, если бы с самого начала все честные революционеры, вся социалистическая печать и пр. отдали свои силы, свое внимание и энергию на эту сторону дела!.. Пути революции были бы иными...

Увы! Именно *этого* не было сделано».

(«Вторая Революция»)

В статье, озаглавленной «Новая Власть» (№ 14 от 4/17 ноября) говорилось:

«Где начинается *власть*, там кончается *революция*.

Где начинается «*организация власти*», там кончается *организация революции*.

Выражение «революционная власть» имеет ровно столько же смысла, сколько выражение «горячий лед» или «холодный огонь». Т. е. не имеет никакого смысла.

Для одержания необходимой победы над буржуазией и для оказания решительного противодействия контрреволюционным силам в момент переворота нет *необходимости*: ни в *политической партии*, ни в *политической организации масс*, ни в дальнейшей *организации власти*. Наоборот: именно *организация революции*, т. е. *объединение крестьян, рабочих, солдат, служащих и т. д. в неполитические, беспартийные, трудовые организации с прямой целью дружного принятия в свои руки производства, распределения, передвижения и всей вообще хозяйственной жизни* — именно такое свободное объединение, а не создание новой власти, может проще и вернее всего подготовить, осуществить, в особенности же — *укрепить и развить* победу Революции.

Именно *свободное, не «властное» объединение масс и свободное революционное творчество* массовых организаций может с самого начала легко и вполне обеспечить эту победу.

При *политическом* ходе вещей, по рецепту «*организации власти*» мы увидим следующее: как только первая революционная победа восставшего народа (победа, добытая *благодаря все тому же партийно-политическому пути*, неизмеримо дорогой ценой) станет фактом — наша «вторая революция» тотчас же остановится. Вместо необходимого (для упрочения и развития победы) дальнейшего самостоятельного *революционного творчества* масс всюду на местах — мы будем созерцать отвратительный «торг власти» в центре, ненужную «*организацию власти*» в центре и, наконец, нелепую «*деятельность*» этой новой власти в центре, этого нового «*всероссийского*» правительства.

[...]

Советы и другие организации на местах — должны будут, разумеется, *зависеть* от *центрального* Совета и от Правительства; должны будут *подчиняться центру*, «признать» его... «*Вся власть Советам*» превратится на деле во власть партийных лидеров в центре. Вместо свободного, естественного союза вольных деревень и городов, естественно и свободно налаживающих новую хозяйственную и общественную жизнь, мы увидим сильный государственный центр, «*твердую революционную власть*» — предписывающую, распоряжающуюся, давящую, карающую...

Или будет так, или — *власти не будет вовсе*. Середины нет и быть не может. Фразы о «местной автономии» при наличности действующей *государственной власти* всегда оставались, остаются и будут оставаться пустыми фразами на бумаге...»

Перечислив факты, доказывающие, что большевизм не может не кончиться пере-рождением и предательством, автор статьи заключает:

«Это значит, что от большевизма до капитализма — фронт все же остается по существу «единым», без перерывов... Увы, таковы роковые законы политической борьбы!

Вы скажете, что будете протестовать, бороться, восставать и *действовать самостоятельно* на местах?

Прекрасно. Но будьте готовы к тому, что ваши выступления сочтутся «самочинными», «анархическими»; что «социалисты у власти» обрушатся на вас под этим предлогом со всею силою «социалистического» авторитета; и что те слои населения, которые будут удовлетворены новым правительством (которым оно «кое-что» даст), а также все одержимые усталостью, злобой и ненавистью — *станут против вас*.

При свержении самодержавия с вами были почти все.

В борьбе с Керенским — вы были уже более одиноки.

Если же теперь вы дадите (и события позволят) новой власти окрепнуть; если вам предстоит, в будущем, начать борьбу с этой новой сильной властью — вы будете горстью.

Вас раздавят беспощадно, как «безумцев», как «анархистов», как «разбойников»... И на ваших могилах не поставят даже памятника...»

В статье, озаглавленной «От тупика к тупику» (№ 15 от 6/19 ноября) мы читаем:

«Есть *только одно средство* вывести Революцию на истинную и прямую дорогу: отказаться *вовсе* от организации центральной политической власти и от захвата ее партией или партиями. Приступить немедленно к помощи массам — всюду на местах — в деле энергического объединения их в *трудовые беспартийные организации*. Помочь приведению этих организаций в *стройное целое*, связываемое по городам и деревням, а затем — по районам и областям при помощи *Советов этих организаций* (Советов не «властных», а лишь создающих *необходимую связь*). Направить все эти организации на *единственную важную цель*: перенятие ими «в свои руки» производства, обмена, распределения, передвижения и пр. Начать, таким образом, тотчас же налаживать хозяйственную жизнь. Тогда сама собою, легко и естественно начнет осуществляться «диктатура труда». И вся страна сумеет примириться с нею...»

В заключение статьи говорится:

«*Всякая власть* есть гибель Революции. Никакая *власть* не приведет Революцию к действительной цели. И не в лабиринтах политических комбинаций хранится тот ключ, которым будет открыта заветная дверь в храм победы!..».

Статья «Организация Революции» (№ 16, 7/20 ноября) уточняет:

«*Социалистические партии* говорят:

Для того, чтобы организовать *революцию*, необходимо, прежде всего, захватить и организовать *государственную власть*. При ее помощи перейдет в руки государства и все хозяйство.

Анархисты говорят:

Для того, чтобы организовать *революцию*, надо, прежде всего, захватить и организовать *хозяйство*. Этим путем и *власть*, и *государство* (признаваемые самими социалистами лишь как «неизбежное и необходимое зло») отпадут.

Захватить хозяйство — это значит овладеть земледелием и промышленностью. Это значит взять в свои руки производство, распределение, обмен, передвижение, сообщение. Это значит перенять в свое ведение и распоряжение все средства и орудия труда и обмена: землю; копи и рудники; фабрики, заводы, мастерские, промыслы и другие предприятия; склады, магазины, банки, помещения; железные дороги, пароходства; почту, телеграф, телефон...

Для захвата *власти* нужна *политическая партия*, фактически захватывающая эту власть в лице своих лидеров (вождей). Поэтому социалисты призывают массы сорганизоваться в партию для поддержки ее в момент захвата власти.

Для захвата *хозяйства* нет необходимости в политической партии. Нужны — всюду на местах — самостоятельные, трудовые, внепартийные массовые организации, приступающие к выполнению революционно- и организационно-хозяйственной задачи.

Поэтому анархисты не организуют партии, а работают или *непосредственно в массовых организациях*, или на стороне, в группах и союзах идейной пропаганды».

Затем в статье ставится основополагающий вопрос:

«Каким именно образом возможно организовать для революции без власти? Как приступить к делу? С чего начать?»

Газета обещает точно и подробно отвечать на все эти вопросы.

И действительно, она делает это в нескольких статьях, опубликованных незадолго до ее закрытия (весной 1918 г.).

(Перечислим такие статьи, как «Война» в № 17 от 8/21 ноября; «Голод» в том же номере; «Что делать?» в № 19 от 18 ноября/1 декабря; «Пролог» в № 20; «Непосредственные задачи» в № 21 и др.)

Конец 1917 года был очень трудным для народа. Война продолжала истощать страну. Внутреннее положение становилось все более трагическим.

Статья «Что делать?» констатирует:

«Положение рабочих масс ухудшается со дня на день.

Голод увеличивается. Квартирный вопрос с наступлением холодов обостряется. Громадное количество фабрик и заводов должны вот-вот закрыться. Хозяйство страны разрушено вконец».

И продолжает:

«Создается странное, трагикомическое положение.

Наверху — облеченное властью и имеющее силу для ее проявления «рабоче-крестьянское» правительство. Казалось бы, оно должно приступить к живому революционному *творчеству*, к живому *содействию* массам в жизни, на деле... Массы ждут *от него* ответа на этот вопрос: «*Как?*» Увы, оно издает декреты о том, *что* должно быть (и это *что* гораздо ниже потребностей и нужд масс); а на самый острый вопрос, «*как?*», отвечает: Учредительное Собрание. Оно отличается от прежних правительств только тем, что пишет о том, *что* необходимо (прежнее правительство этого не делало). Но оно так же, как и прежние правительства, бессильно, вяло и нерешительно в вопросе о *мерах* к достижению этого необходимого.

Внизу — все остается по-старому.

Массы голодают — зато спекуляция, нажива и возмутительная торговля «из-под полы» продолжают.

Массы нуждаются — зато магазины (даже снаружи) переполнены и одеждой, и мясом, и овощами, и фруктами, и консервами... И нет сомнения в том, что в городе имеются в изрядном количестве все предметы первой и второй необходимости.

Массы бедны — зато банки богаты.

Массы лишены сколько-нибудь сносного жилья — зато дома принадлежат домохозяевам.

Массы выбрасываются на улицу благодаря закрытию фабрик — а «взять» брошенную фабрику «в свои руки» нет возможности, ибо нет сырья, топлива и оборотных средств.

Деревне нужны продукты города. Городу нужны продукты деревни. Но — положение таково, что обмен почти невозможно наладить».

Констатируя эти бедствия и критикуя большевистское правительство за мягкость, анархистская печать одновременно предлагает средства их преодоления, кажушиеся ей наиболее быстрыми, простыми и эффективными.

Так, в нескольких статьях («Что делать?», «Пролог» и др.) газета предлагает вниманию трудящихся целую конкретную и детальную программу срочных мер, как то: реквизиция рабочими организациями продуктов первой необходимости и создание предназначенных для распределения запасов (чтобы противостоять голоду); формирование домовых, уличных, районных комитетов (по территориальному принципу), призванных решить проблему нехватки жилья и заменить собой домовладельцев: иными словами, немедленная и последовательная социализация мест проживания; немедленная и последовательная реквизиция (силами все тех же рабочих организаций) предприятий, брошенных прежними владельцами; срочная организация общественных работ (для ремонта городского хозяйства, железнодорожных путей и пр.), конфискация части банковских фондов с целью обеспечить развитие нового коллективного производства; возобновление регулярных сношений между городом и деревней: обмен продуктами между организациями городских и сельских производителей; социализация железных дорог и всех средств сообщения; максимально быстрая реквизиция и обобществление добывающих предприятий (силами рабочих организаций) с целью наладить снабжение сырьем заводов, железных дорог, городского хозяйства и т. д.

Большевистское правительство подобных мер даже не предусматривало, ибо они неминуемо вели к уменьшению его роли, отодвинули бы его на второй план, быстро продемонстрировали бы его ненужность и, в итоге, позволили бы и вовсе без него обойтись. Оно не могло этого допустить.

Не желая ничего передоверять массам, но одновременно не имея еще достаточно сил, чтобы предпринять решительные действия в политической сфере, правительство не вмешивалось пока в ход вещей, ограничиваясь робкими и неэффективными экономическими мерами. Оно стремилось решать наиболее насущные проблемы главным образом политико-полицейскими и военными средствами: беспорядочными, произвольными и внезапными реквизициями силами воинских частей, действуя

через их командиров (что, в числе прочего, настроило деревню против города и способствовало ее разочарованию в Революции), репрессиями, насилием и т. п.

Решительно протестуя против неверного пути, по которому большевики, по их мнению, собирались вести Революцию, анархисты оказались единственными, кто предлагал действительно популярные, социалистические и одновременно конкретные меры: меры, которые, как они считали, должны способствовать перерастанию Революции в подлинно Социальную.

Естественно, большевики к ним не прислушивались. А полностью поработанные новым правительством массы не могли ни услышать голос анархистов, ни высказаться сами.

Здесь мне хотелось бы целиком привести статью из «Голоса Труда» («Кривой путь», № 18 от 13 февраля 1918 г.), посвященную указу правительства большевиков относительно свободы печати. В статье четко изложены обе противоположные позиции по отношению к конкретной проблеме.

«Если пожелать перечислять накапливающиеся ежедневно у нас факты и явления, неопровержимо доказывающие, что нельзя творить социальную революцию «сверху», то уже можно было бы заполнить десятки газетных столбцов... Скучное занятие, однако! Предоставим эту работу кропотливым будущим историкам нашей революции. Они, несомненно, найдут в ее архивах богатейшие материалы, красноречиво говорящие о том, какне *надо* «делать социальную революцию»... Нам же, право, надоело повторять, что ни истинная свобода вообще, ни подлинное и полное освобождение труда, ни новая культура, ни новая общественность — никакие *ценности социализма* не могут быть осуществлены путем централизованного «государственного аппарата», приводимого в действие рычагом центральной политической власти, захваченной в руки политической партии. Не пора ли уже перестать говорить об этом — в той надежде, что завтра же *сама жизнь* с беспощадной ясностью докажет эту простую истину всем слепым?..

[...]

Избегая, скуки ради, останавливаться на многочисленных явлениях, которые уже подтверждают наше мнение, мы чувствуем, однако, необходимость отметить один, весьма яркий факт этого рода — факт «последней минуты».

Пред нами лежат только что опубликованные «*Временные правила о порядке издания всех периодических и непериодических печатных произведений в Петрограде*».

Мы всегда считали беспощадную борьбу с буржуазной печатью непосредственной задачей трудящихся в эпоху социальной революции.

Представьте же себе, читатель, на минуту, что социальная революция идет с самого начала по-нашему, анархическому пути: создаются и объединяются в *классовую* организацию рабочие и крестьянские организации; они перенимают в свои руки хозяйственную жизнь страны и дают отпор враждебным силам буржуазии. Всем станет ясно, что *формы* борьбы с печатью как оружием буржуазии были бы совершенно иными, чем та форма, в которую выливается «отпор» нынешнего «социалистического» правительства.

Разве, в самом деле, эти «Временные правила» борются с буржуазной печатью?

Вчитайтесь в пункты 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и т. д. этих «правил». Вчитайтесь в отдел «Закрывание и конфискация» — и вы воочию убедитесь, что эти правила — с первого пункта

до последнего — являются актом, уничтожающим всякую тень *свободы печатного слова вообще*, типичным актом, устанавливающим *самую строгую цензуру негодных правительству изданий*, откуда бы они ни исходили; актом, узаконивающим целый ряд абсолютно ненужных стеснений, формальностей, придинок...

Мы убеждены, что истинная рабоче-крестьянская революция боролась бы с буржуазной печатью совершенно иными методами и в иных формах.

Мы уверены, что истинным деятелям и борцам социальной революции не пришлось бы и не придется прибегать к казенному, типично властному *закону о цензуре*, имеющему в виду охранить существующее правительство от критики и борьбы *не только справа, но и слева* и вводящему целый ряд совершенно диких — с точки зрения свободы слова — и совершенно ненужных стеснений и формальностей.

Что ж! Всякий путь — говорили мы не раз — имеет свои роковые неизбежности. Слава богам, что данная неизбежность касается пока одного только Петрограда. Будем надеяться, что революционные массы остальной России опередят нашу спотыкающуюся столицу и сделают ненужным дальнейшее распространение «Временных правил» на провинцию. И будем надеяться, что этим *временным* «Правилам» действительно не суждено стать *постоянными*».

Анархисты предполагали, что рабочие организации, взяв в свои руки типографии и все средства печати, откажутся — что было бы просто и естественно — печатать и издавать контрреволюционные писания. Здесь, как и в других сферах деятельности, не понадобилось бы никакой *политики* (правительства, полиции и пр.) и можно было бы обойтись без цензуры.

Излишне говорить, что вскоре эти «Правила» распространились на всю страну и позднее легли в основу законов о печати, решительно запрещающих *любые неправительственные* (небольшевистские) издания.

В статье «Ближайшие задачи», слишком длинной, чтобы цитировать ее здесь, газета дает детальные советы по решению основных стоявших перед страной проблем. «Организация снабжения продовольствием», «Как разрешить жилищный вопрос», «Фабрики и заводы», «Банки», «Город и деревня», «Сырье и топливо», «Транспорт», «Общественные работы» — вот названия основных разделов статьи.

Естественно, немало материалов было посвящено крестьянскому вопросу («Дело крестьян» в № 22 и др.), многие редакционные статьи касались проблем рабочих («Дело рабочих» в № 11, «Рабочий съезд» и т. д.).

В заключение позволю себе привести любопытный отрывок из статьи, озаглавленной «Ленин и анархизм» (№ 5 от 19 декабря/1 января 1918 г.¹):

«Благоразумные, аккуратные и осторожные «социалисты» на каждом шагу упрекают гражданина Ленина в приверженности к анархизму.

Возражения гражданина Ленина сводятся всякий раз к одному и тому же: «Подождите. Я еще *не совсем анархист*».

Анархисты нападают на гражданина Ленина за его пристрастие к догме марксизма.

Возражения гражданина Ленина сводятся всякий раз к одному и тому же: «Подождите. Я уже *не совсем марксист*».

¹ Выходные данные газеты указаны неточно. В действительности — № 5 от 16/29 января 1918 г. — Прим. перев.

Мы чувствуем, наконец, желание сказать всем, смущающимся в сердце своем: не тревожьтесь и не ждите. Гражданин Ленин — *совсем не анархист*».

И после краткого анализа позиции Ленина в отношении Революции статья заключает:

«И гражданин Ленин прав, говоря: мы отбрасываем парламентаризм, Учредительное Собрание и пр., потому что Революция породила Советы.

Да, Революция породила... не Советы только, а вообще — правильное, здоровое стремление к классовой, внепартийной, внегосударственной, неполитической организации. В этом стремлении — спасение революции. И гражданин Ленин был бы прав, если бы признал давным-давно, на заре своей юности, что истинная революция пойдет именно этим путем... Увы, он был в то время «чистым марксистом»...

А теперь?.. О, конечно, все более и более сознательные анархические тенденции масс смущают его. С прежнего пути — массы уже свели гражданина Ленина. Он уступает, он сдается, он оставляет «государство», «власть», «диктатуру» лишь на час, на минутку, на «переходный момент»... А потом... потом — анархизм, почти анархизм... «советский» анархизм, «ленинский» анархизм...

И благоразумные, аккуратные и осторожные «марксисты» в ужасе кричат: «Вы видите? Вы слышите? Вы понимаете?.. Ведь это же ужас! Разве это — марксизм? Разве это — социализм?».

Но, Бог мой! Разве вы не предвидите, граждане социалисты, что скажет гражданин Ленин, когда нынешняя власть укрепится и, возможно, станет не прислушиваться более к голосу масс?

Он вернется тогда на свой привычный, проторенный путь. Он создаст самое подлинное «марксистское государство». И он, в торжественный час окончательной победы, скажет: «Вы видите, господа? Я опять *совсем марксист*».

Остается только один, главный вопрос: не станут ли массы ранее этого блаженного часа «совсем анархистами» и не помешают ли они гражданину Ленину вернуться к «совсем марксизму?»

К сожалению, я не могу привести здесь еще ряд статей из того же «Голоса Труда», «Анархии» (Москва), «Набата» (Украина). У меня в настоящее время нет возможности обратиться к нужным номерам. Но могу заверить, что, за исключением некоторых нюансов и деталей, содержание всех серьезных либертарных газет было схожим. Впрочем, процитированного достаточно, чтобы у читателя составилось ясное представление о принципах, позиции и деятельности анархистов во время Революции.

Могу добавить, что Анархистской Конфедерации Украины («Набат»), уничтоженной впоследствии большевистскими властями, удалось в ноябре 1918-го в Курске и в апреле 1919 года в Елисаветграде созвать два съезда, которые проделали важную работу. Они выдвинули либертарный план действий для всей Украины. Резолюции съездов содержали проработанные решения различных насущных проблем текущего момента.

Период между октябрем 1917-го и концом 1918 года был решающим: *именно эти несколько месяцев определили судьбу Революции*. Какое-то время она колебалась между двумя идеями, двумя путями. Затем произошло непоправимое: большевистскому правительству окончательно удалось установить свое *военное, полицейское, бюрократическое и капиталистическое* государство (новую модель).

Либертарная идея, все более становящаяся наперекор избранному пути, была удушена.

А широкие трудящиеся массы не имели ни достаточно сил, ни сознательности, чтобы сказать свое решающее слово.

Глава V. Несколько случаев из жизни

Несколько случаев из жизни позволят мне лучше показать особый характер той эпохи.

Однажды вечером в конце 1917 года двое или трое рабочих бывшего петроградского нефтяного завода Нобеля (там было занято около 4 тысяч человек) пришли на собрание нашего «Союза» и рассказали следующее:

Когда прежние хозяева покинули завод, рабочие после многочисленных собраний и дискуссий решили управлять им коллективно. В числе прочих они обратились и к «своему» правительству (большевистскому), прося помочь в осуществлении их замысла.

В Наркомтруде им заявили, что, к сожалению, в нынешних условиях ничего не могут для них сделать: не в состоянии обеспечить ни топливом, ни сырьем, ни заказами или клиентами, ни транспортом, ни оборотными средствами. В качестве утешения им сказали, что 90 % заводов находятся в таком же точно положении, и правительство вскоре примет меры, чтобы они вновь заработали.

Тогда рабочие попытались заставить завод работать собственными средствами, надеясь найти все необходимое для продолжения производства и обеспечения сбыта в достаточном объеме.

Однако Наркомтруд проинформировал Рабочий комитет завода, что, поскольку их случай не единичный и очень многие предприятия находятся в такой же ситуации, правительство решило закрыть их, уволить рабочих, выплатив им зарплату за два или три месяца, и ожидать лучших времен.

Рабочие завода Нобеля совершенно не были согласны с правительством. Они хотели продолжать работу и сохранить производство. У них возникла уверенность, что это удастся. Они сообщили об этом правительству. Ответом был категорический отказ. Правительство заявило, что, руководя всей страной и неся перед ней ответственность, оно не может допустить, чтобы каждый действовал на свое усмотрение, это привело бы к полному хаосу; правительство вынуждено принимать общие меры, а в том, что касается таких предприятий, как завод Нобеля, такой мерой может быть только закрытие.

Рабочие, созданные Заводским комитетом на общее собрание, выступили против этого решения.

Тогда правительство предложило им провести еще одно собрание, где его представители окончательно разъяснят подлинный смысл предложенной меры и необходимость ее применения.

Рабочие согласились. И некоторые из них, поддерживавшие связи с нашим «Союзом», поставили нас в известность и попросили прислать на собрание оратора, который бы разъяснил точку зрения анархистов. (Тогда это еще было возможно.)

Заводские рабочие, сказали нам, будут очень рады узнать наше мнение, сравнить обе позиции, выбрать наилучшую и соответствующим образом поступить.

На собрание делегировали меня.

Я пришел первым. Большинство заводских рабочих собрались в большом цеху. На возведенном в центре возвышении сидели вокруг стола члены Комитета, ожидавшие представителей правительства. Собравшиеся были настроены серьезно и сдержанно. Я занял место на возвышении.

Вскоре очень «официально» (уже!), очень торжественно, с лоснящимися портфелями в руках вошли представители правительства. Их было трое или четверо, во главе с самим Шляпниковым, в то время Народным комиссаром труда.

Он выступил первым. Сухим официальным тоном он повторил положения принятого правительством постановления и изложил мотивы его принятия. В заключение он заявил, что решение это окончательное и пересмотру не подлежит, а противящиеся ему рабочие нарушают дисциплину, и это может повлечь за собой серьезные последствия как для них, так и для страны.

Его выступление было встречено ледяным молчанием, раздались лишь жидкие хлопки нескольких явных большевиков.

Тогда председатель собрания сказал, что некоторые рабочие хотели бы знать также точку зрения анархистов, и он передает слово присутствующему представителю Союза анархо-синдикалистов.

Я встал. «Члены правительства» были удивлены (очевидно, этого они не ожидали) и разглядывали меня с нескрываемым любопытством, смешанным с иронией, тревогой и досадой.

Последующее навсегда запечатлелось в моей памяти, настолько это было типично, убедительно и укрепило меня в моих убеждениях.

Обратившись к заводским рабочим, я сказал им примерно следующее:

— Товарищи, вы многие годы работаете на этом заводе. Вы хотите продолжать свободно трудиться на нем. Вы имеете на это полное право. Может быть, это даже ваш долг. Во всяком случае, бесспорный долг правительства — которое называет себя вашим — заключается в том, чтобы облегчить вам выполнение вашей задачи, поддержать ваше решение. Но правительство только что еще раз повторило, что оно не в силах сделать это и потому закроет завод и уволит вас, не считаясь с вашим решением и вашими интересами. Я должен, прежде всего, сказать вам, что на наш взгляд — я говорю от имени «Союза анархо-синдикалистов», — бессилие правительства (называющего себя вашим) не является причиной для того, чтобы лишать вас честно заработанного куска хлеба».

Меня прервал гром аплодисментов.

— Наоборот, — продолжил я, — эти люди (я указал на «членов правительства»), которые называют себя «правительством» или как-то еще, должны были бы приветствовать вашу инициативу, одобрить вас и сказать, как говорим мы: поскольку власти бессильны, вам остается только один выход, это — выкручиваться самим, опираясь на собственные силы и средства. Ваше правительство должно было бы добавить к этому, что использует все возможности, чтобы оказать вам помощь, как только сможет. Я не член правительства и не хочу им быть; ибо никакое правительство, как вы видите, не способно ничего сделать ни для вас, ни для организации

жизни людей в целом. Добавлю еще кое-что. Задам вам вопрос: у вас есть силы и средства, чтобы продолжить работу? Вы верите в успех? Могли бы вы, например, создать небольшие подвижные и деятельные команды, из которых одни занялись бы поиском топлива; другие проблемами сырья; третьи вопросами железнодорожных поставок; четвертые, наконец, заказами и клиентами, и т. д.? Все зависит от этого, товарищи. Если вы можете обеспечить себя всем необходимым, если верите в успех, вам остается только идти вперед, а правительство — «ваше» правительство — не должно, разумеется, рассматривать это как помеху, напротив... Что касается нас, анархистов, мы уверены, что сами рабочие, имея различные связи повсюду в стране и прекрасно зная основные составляющие своей работы, смогут — особенно когда их четыре тысячи — решить проблему гораздо проще и быстрее, чем правительство. Итак, мы считаем, что вам необходимы для этого лишь мобильные команды, состоящие из тех, кто по своим связям, знаниям и склонностям способен действовать энергично и успешно. Выполнив свои задачи, эти команды прекратят существование и их члены вольются в массу заводских рабочих. Что вы об этом думаете?

Ответом мне были единодушные и продолжительные аплодисменты. Одновременно некоторые кричали:

— Да! Да! Правильно! Мы подготовили все, что нужно. Мы можем продолжать. Мы ждем уже несколько недель...

— Пойдите, товарищи, — сказал я, — вам не хватает топлива. Правительство отказывается предоставить его. Без топлива завод работать не может. Вы сумеете достать его сами, своими средствами?

— Да, да! — кричали в ответ. — На заводе есть пятнадцать человек, уже организованных и готовых отправиться в разные области; каждый со своими связями легко найдет топливо, подходящее для завода.

— А как доставить топливо сюда?

— Мы уже ведем переговоры с товарищами железнодорожниками. У нас будут вагоны и все необходимое. Этим занимается другая команда.

— А сбыт?

— Никаких трудностей, товарищ! Мы очень хорошо знаем клиентов завода и сумеем сбыть продукцию, все в порядке.

Я взглянул на Шляпникова и остальных. Они грозно вращали глазами и нервно стучали пальцами по столу.

— Хорошо, друзья! — продолжал я. — В таких условиях мы, анархисты, считаем: давайте действуйте, производите! Только еще одно. Вы, конечно, не будете вести себя как хозяева-капиталисты? Не будете нанимать работников и эксплуатировать их? Не создадите акционерное общество?

Раздался смех. И тут же несколько рабочих взяли слово и сказали, что, естественно, работать все будут коллективно, по-товарищески, только для того, чтобы выжить. Комитет проследит за работой предприятия. Наличные средства будут распределяться по справедливости и всеобщему согласию. Если появится излишек поступлений, он образует оборотные средства.

— И, — было сказано в заключение, — если мы нарушим солидарность трудящихся, пусть правительство нас накажет. А нет, пусть оно даст нам работать и полностью нам доверяет.

— Что ж, друзья, — закончил я свое выступление, — остается только начать. Желаю вам мужества и удачи!

Ответом мне был гром аплодисментов. Оцепенение сменилось необычайным оживлением. Повсюду вторили моим словам и не обращали больше внимания на «представителей правительства», которые неподвижно сидели на месте с искаженными лицами.

Тогда Шляпников прошептал что-то на ухо председателю. Тот исступленно зазвонил в колокольчик. Наконец установилось спокойствие.

Шляпников вновь попросил слова.

Холодно, хотя и не скрывая раздраженности, чеканя слова и сопровождая их командирскими жестами, он заявил, что, «как член правительства», ничего не может изменить — ни убавить, ни прибавить — в том, что уже сказал. Он повторил, что решение правительства окончательное.

— Это вы, — сказал он, — поставили нас у власти. Вы свободно, по доброй воле доверили нам судьбу страны. Так что вы доверяете нам и нашим действиям. Это вы, рабочий класс нашей страны, захотели, чтобы мы отстаивали ваши интересы. Отныне наше дело — знать их, понимать и заботиться о них. Само собой, наша задача — заниматься подлинными интересами всего трудящегося класса, а не той или иной группировки. Мы не можем действовать — это и ребенку понятно — в частных интересах того или иного отдельного предприятия. Совершенно логично и естественно, что мы разрабатываем и утверждаем планы действий, касающиеся всего рабочего и крестьянского государства. Эти планы должны обеспечить ему будущее. Иное, то есть принятие или одобрение мер в пользу отдельного коллектива, было бы смешным, не отвечающим интересам народа в целом и преступным по отношению ко всему рабочему классу. Невозможность для нас немедленно разрешить разнообразные и сложные проблемы момента — временное. Она объясняется ужасными нынешними условиями — после всех пережитых несчастий, после хаоса, из которого мы едва выбираемся. Рабочий класс должен понимать это и иметь терпение. Нынешнее положение вещей не зависит от нашей воли. Не мы его создали. Мы все испытываем его тяжкие и неизбежные последствия. Это относится ко всем и продлится еще некоторое время. Рабочие должны вести себя так же, как и все остальные, а не пытаться создать привилегии для той или иной группы трудящихся. Подобное поведение было бы по сути своей буржуазным, эгоистическим и дезорганизующим. Если некоторые рабочие под воздействием анархистов, мелкобуржуазных дезорганизаторов по преимуществу, не хотят этого понять, тем хуже для них! Мы не можем тратить время на отсталые элементы и их вожаков.

И в заключение агрессивным тоном, исполненным угрозы, он заявил:

— Во всяком случае, я должен предупредить рабочих этого завода, а также господ анархистов, этих профессиональных неудачников и дезорганизаторов, что правительство ничего не может изменить в принятых с полным на то основанием решениях и что оно заставит так или иначе их уважать. Если рабочие сопротивляются, тем хуже для них! Они просто будут уволены без выходного пособия. Самых упрямых, застрельщиков, врагов дела всего пролетариата будут ждать гораздо более серьезные последствия. А что касается господ анархистов, пусть они поостерегутся! Правительство не потерпит, чтобы они вмешивались в дела, которые их не касаются, и

подстрекали честных рабочих к неповиновению... Правительство сумеет покарать их, и без колебаний. Пусть имеют это в виду!

Эти последние слова были встречены крайне сдержанно.

После собрания меня окружили раздосадованные, возмущенные рабочие. Они прекрасно уловили фальшь в речи Шляпникова.

— Его речь была ловкой, но фальшивой, — говорили они. — Для нас не идет никакой речи о привилегиях. Такое толкование совершенно извращает нашу мысль. Правительство должно лишь позволить рабочим и крестьянам *всей страны* действовать свободно. Тогда оно увидит: все само собой наладится ко всеобщему удовлетворению. И ему будет меньше забот, трудов, да и разъяснений.

По сути, в этом типичном случае проявились и столкнулись все те же две концепции: правительственно-государственническая и общественно-либертарная. Каждая имела свои доводы и причины.

Еще рабочих возмутили угрозы, адресованные им и нам.

— Социалистическое правительство должно использовать другие методы, чтобы правда стала понятна, — говорили они.

Впрочем, у них было никаких иллюзий относительно исхода конфликта.

И действительно, несколько недель спустя завод был закрыт и рабочие уволены, сопротивление мерам, принятым «рабочим» правительством против рабочих, было невозможным.

Другой случай.

Летом 1918 года, после поездки на фронт Революции против немецкого нашествия (на Украину) я приехал в городок Бобров (Воронежской губернии), где жила моя семья.

Я был лично знаком с членами местного большевистского комитета, людьми молодыми. Им был известен мой опыт в сфере образования и просвещения взрослых, и они предложили мне организовать просветительскую и культурную работу в районе. (Тогда это называлось «Пролеткультом».)

Я согласился на двух условиях: 1) никакого вознаграждения (чтобы сохранить независимость методов и действий); 2) собственно полная независимость моей просветительской деятельности.

Комитет дал свое согласие. Местный совет, естественно, тоже.

Помню первое собрание созданной таким образом новой организации.

Я послал множество приглашений в рабочие организации города, в окрестные деревни, интеллигенции и пр. Вечером передо мной сидело десятка три сдержанных, недоверчивых, почти враждебных людей. Я сразу понял: они ожидали увидеть типичное собрание, большевистского «комиссара» с повадками диктатора, с револьвером на поясе, отдающего приказы и команды, которые следовало в точности исполнять.

На этот раз присутствующие увидели нечто совершенно иное.

Говоря с ними как друг, я сразу же объяснил, что в нашем деле необходима их собственная инициатива, подъем, воля и энергия. Я дал понять им, что у меня нет никакого намерения командовать, диктовать и навязывать им что бы то ни было. И пригласил их вести самим, по мере сил и ответственности, просветительскую и культурную деятельность в районе.

Воззвав таким образом к их доброй воле и способностям, я обрисовал одновременно свою роль: дружеская и эффективная помощь в разработке планов и программ; создание преподавательского корпуса; предложения и советы, основанные на личном опыте и знаниях, и т. д.

Я набросал приблизительную картину того, что мы могли бы сделать в районе, если будем сотрудничать и работать от души.

Затем последовал совершенно свободный обмен мнениями. И я констатировал, что пробудил у присутствующих некоторый интерес.

На следующее собрание пришло человек сто. Атмосфера была гораздо более доверительная и дружеская.

Понадобилось, однако, четыре или пять собраний, чтобы лед окончательно растаял и установилось полное взаимное доверие. Как только перестали возникать сомнения в моей искренности и задача показалась всем интересной и осуществимой, между нами возникла настоящая симпатия, а некоторые преисполнились подлинным энтузиазмом.

И тогда началась лихорадочная деятельность, масштабы и результаты которой вскоре превзошли все мои ожидания. Десятки людей, вышедших из народа, зачастую малообразованных, воодушевились и принялись за дело с таким пылом и умением, показали такое богатство идей и свершений, что мне оставалось только сопоставлять и координировать их усилия или принимать участие в подготовке наиболее важных дел.

Наши собрания, всегда публичные, где каждый мог вносить свои идеи, начали привлекать крестьян и даже крестьянок из отдаленных деревень. Во всем районе заговорили о наших делах. В базарные дни на собрания являлась целая толпа, весьма любопытная.

Вскоре возникла превосходная труппа передвижного народного театра, которая начала репетировать пьесы, отобранные тщательно и со вкусом.

Мы быстро нашли и оборудовали необходимые помещения.

Ремонт мебели; замена разбитых оконных стекол; изыскание за короткий срок школьных принадлежностей (тетрадей, карандашей, перьев, чернил и пр.), отсутствие которых ранее являлось серьезным препятствием в работе: таковы были наши первые шаги в сфере просвещения.

Была создана библиотека, куда люди охотно отдавали книги.

Начали функционировать вечерние курсы для взрослых.

Но местные власти послали отчет в Центр, в Москву. Там сразу поняли, что я действую по своему усмотрению, без «инструкций» и «предписаний» сверху; что все мы работаем свободно, не подчиняясь декретам и приказам из Москвы, которые в большинстве своем были в нашем районе неосуществимы или показывали свою полную нелепость.

Через местный Совет мне начали посылать «оттуда» большие пакеты декретов, предписаний, правил, формальных указаний, а также программ, проектов, планов, один фантастичнее и абсурднее другого. От меня требовалось строго следовать всем этим глупым бумажкам, неосуществимым распоряжениям.

Я пролистывал эту «литературу» и продолжал делать свое дело, не задумываясь о ней.

Это закончилось ультиматумом: подчиниться или уйти. Естественно, я выбрал второе, понимая, что исполнение инструкций из Москвы неизбежно погубит все дело. (Пусть читатель поверит мне, что дело это было мне интересно само по себе, я вполне лояльно выполнял свой профессиональный долг, никогда не высказывая свои анархические идеи. Речь никоим образом не шла о «разрушительной» пропаганде, в обращенных ко мне распоряжениях вопрос этот даже не ставился. Просто «Центр» не мог допустить, чтобы кто-то не следовал слепо его приказаниям.)

Все было кончено. После волнующего прощального собрания, когда все прекрасно поняли угрозу, нависшую над начатым делом, я подал в отставку.

Пришедший мне на смену верный слуга Москвы стал буквально применять инструкции «Центра». Через какое-то время люди разбежались. Организация, еще недавно полная жизни, быстро захирела и прекратила существование.

Следует добавить, что через несколько месяцев затея с «пролетарской культурой» потерпела жалкий провал во всей стране.

Еще один случай.

Как и рабочие Нобелевского завода в Петрограде, трудящиеся на различных предприятиях во многих городах и промышленных районах захотели самостоятельно наладить работу на заводах, которым угрожало закрытие, обеспечить и организовать обмен с деревней или преодолеть какие-либо другие трудности: улучшить деятельность различных служб, выправить положение, исправить ошибки, восполнить недостающее и пр. *Повсюду большевистские власти систематически запрещали массам действовать независимо, будучи сами чаще всего неспособными работать с пользой.*

Так, например, Совет города Елисаветграда (на юге страны) не смог бюрократическими методами разрешить ряд насущных экономических проблем местного значения, и рабочие нескольких заводов (в 1918–1919 годах такое еще было возможно) попросили у президиума Совета разрешения самим заняться этими вопросами, создать свои органы, объединить вокруг них всех рабочих города, действуя, разумеется, под контролем Совета.

Как и повсюду, им сделали строгий выговор и пригрозили санкциями за «дезорганизирующее» поведение.

Другой случай.

С приближением зимы во многих городах стал ощущаться недостаток в топливе не только для предприятий, но и для отопления жилищ.

В России последние всегда отапливались дровами. В лесистых местностях добыть топливо в нужное время — как правило, в конце лета — не составляло проблем. До Революции владельцы крупных дровяных складов часто договаривались с крестьянами окрестных деревень, чтобы те рубили лес и привозили его на вокзал или на склад. Так происходило повсеместно в Сибири и других северных регионах, богатых лесом. После сбора урожая крестьяне охотно брались за это дело даже за небольшое вознаграждение.

После Революции городские Советы, превращенные волей правительства в административные органы, формально отвечали за снабжение города всем необходимым. Именно они должны были договариваться с крестьянами. Это было тем более важно, что владельцы складов исчезли, а железные дороги работали плохо.

Но из-за их бюрократической медлительности — болезни, свойственной всем официальным административным органам — Советам почти нигде не удавалось вовремя выполнить свою задачу.

Настал благоприятный момент для того, чтобы рабочие и жители городов сами договорились с крестьянами и обеспечили поставку дров. Естественно, Советы отказывали им, неизменно называя такие действия «произволом», «дезорганизацией» и утверждая, что снабжение должно быть делом официальных государственных органов, Советов, согласно общему плану, разработанному центральным правительством.

В результате города либо оставались без топлива, либо за него приходилось платить втридорога, подвоз его был крайне затруднен, так как после сентября из-за дождей и грязи дороги стали практически непроезжими.

Часто крестьяне решительно оказывались заготовливать дрова, даже за высокую плату (в сущности, большевистские бумажные рубли их мало привлекали), и их заставляли работать силой.

Я мог бы приводить подобные примеры на десятках страниц, так происходило повсюду. Читатель может приложить описанное мной ко всем сферам жизни и получит верную картину того времени.

Во всем: в производстве, на транспорте, в сфере обмена, торговли и т. д. — царил невыносимый хаос. И административные органы (Советы и пр.) неизменно оказывались бессильны.

В городах не хватало хлеба, мяса, молока, овощей. В деревне — соли, сахара, промышленных товаров.

Одежда гнила на складах больших городов. В провинции было нечего надеть.

Беспорядок, бесхозяйственность, бессилие господствовали повсюду и во всем. Но когда те, кто был заинтересован в разрешении проблем, хотели вмешаться, власти ничего не желали слышать. Правительство намеревалось «править» и не терпело никакой «конкуренции». Малейшее проявление духа независимости и инициативы расценивалось как «нарушение дисциплины», и за него полагались суровые санкции.

Исчезали величайшие завоевания, лучшие надежды Революции. Самое трагическое заключалось в том, что народ, в целом, этого не осознавал. Он пускал все на самотек, веря в свое «правительство» и в будущее. Правительство же создавало мощную, слепо повинующуюся ему силу принуждения. *И когда народ понял, было уже слишком поздно.*

После всего сказанного, я думаю, можно обойтись без комментариев. Достаточно отметить, что эти «случаи из жизни» *фактически* подтверждали нашу основную идею: подлинная Революция может быть лишь *свободным* делом рук миллионов людей, в ней заинтересованных, трудового народа. Как только вмешивается правительство и подменяет собой народ, *жизнь* оставляет Революцию: все приостанавливается, происходит откат назад; приходится начинать сначала.

И пусть нам не говорят, что народ «не хочет действовать», что «нужно заставлять его силой строить собственное счастье вопреки самому себе» и т. д. Все это чистый вымысел. Во время великой Революции народ как раз желает действовать. В чем он нуждается, так это в бескорыстной *помощи* убежденных революционеров, образованных людей, технических специалистов. Правда заключается в том, что касты, группы

и люди, жадные до власти и привилегий, напичканные лживыми доктринами и презирающие народ, в который они не верят, *мешают ему действовать* вместо того, чтобы *помогать*, пытаются *управлять* им, *вести* его и, в конечном счете, по-своему *эксплуатировать*. А чтобы оправдать свои воззрения, приписывают ему «бессилие». Пока народы, то есть трудящиеся массы всех стран, не поймут этого и не воспротивятся реакционным устремлениям подобных элементов, революции ни к чему не приведут, и подлинное освобождение Труда останется утопической мечтой.

Мы сказали, что массы не осознавали смертельной опасности, нависшей над Революцией.

Но все-таки в новых условиях, созданных большевистским правлением, анархическая критика и идеи свободной инициативы и деятельности трудящихся масс совершенно естественно находили все больший отклик в народе.

И тогда либертарное движение начало быстро развиваться. А большевистское правительство, все более обеспокоенное его успехами, решило в ответ на «угрозу» анархизма прибегнуть к испытанному средству всех правительств: *беспощадным репрессиям*, помноженным на хитрость и насилие.

Часть 4. Репрессии

Глава I. Подготовка

«Советской власти» удалось выполнить свою задачу: весной 1918 года организация его правительственных и государственных кадров — полицейских, военных и «советской» бюрократии — зашла уже довольно далеко. Таким образом, была создана достаточно прочная основа для диктатуры, полностью подчиненная тем, кто сформировал и поддерживал ее. На нее можно было положиться.

Используя эти дисциплинированные и слепо повинующиеся ему силы принуждения, правительство большевиков положило конец попыткам действовать независимо в разных концах страны.

С помощью этих быстро растущих сил оно в конечном итоге подчинило массы своей суровой диктатуре.

И эти силы, в безоговорочном подчинении которых правительство было уверено так же, как и в пассивности большинства населения, оно бросило против анархистов.

В революционные дни Октября тактика большевиков по отношению к анархистам сводилась к следующему: использовать последних по максимуму в процессе борьбы и «разрушения», помогая им при необходимости (оружием и др.), одновременно внимательно наблюдая за ними.

Сразу же после победы и завоевания власти правительство большевиков сменило тактику.

Приведем наглядный пример.

Во время ожесточенных боев в Москве в октябре 1917 года штаб «двинцев» (Двинского полка, о котором говорилось выше) располагался в здании Московского Совета. Тогда же возник большевистский «Революционный комитет», провозгласивший себя «верховой властью». И сразу же штаб «двинцев» (известных своей приверженностью анархизму) стал объектом наблюдения, подозрений и недоверия со стороны «Ревкома».

Штаб опутали нити шпионажа. Он фактически оказался заблокированным.

Грачев (анархист, командовавший полком) прекрасно понимал, что большевиков заботит не подлинная Революция и решение насущных проблем, а исключительно устранение соперников и захват власти. Он предчувствовал, что они вскоре выхлостят Революцию и приведут ее к поражению. Его охватила глубокая тоска. Он напрасно вопрошал себя, как вовремя остановить преступную руку новой власти, готовую набросить удавку на шею Революции. Совещался об этом с некоторыми товарищами, бессильными, увы, как и он сам!

За неимением лучшего Грачев пришел к мысли вооружить рабочих. Передал на заводы винтовки, пулеметы, патроны. Так он надеялся подготовить массы к возможному восстанию против новых самозванцев.

¹ ???

Внезапно Грачев погиб. Отправленный большевистскими властями в Нижний Новгород «по военным делам», он был убит при весьма загадочных обстоятельствах; объявили, что произошел несчастный случай, застреливший его солдат не умел пользоваться винтовкой¹.

Некоторые обстоятельства позволяют предположить, что он погиб от руки наемника «советской» власти.

(При странном образом схожих обстоятельствах в 1936 году в Испании был убит анархист Дуррути.)

Затем все революционные полки Петрограда и Москвы, участвовавшие в октябрьских сражениях, были разоружены большевиками.

В Москве первым был разоружен (силой) Двинский полк.

Немного позднее всюду все граждане без исключения, в том числе трудящиеся и их организации, были вынуждены, под страхом смертной казни, сдать оружие большевистским военным властям².

² Разоружение населения Петрограда и Москвы началось в феврале-марте 1918, официально — в рамках борьбы с бандитизмом. В июле 1918 были разоружены и расформированы отряды рабочей «Красной Гвардии».

Глава II. Начало

Всеобщие, систематические и решительные преследования анархистов были начаты «коммунистическим» правительством весной 1918 года.

Заклучив Брестский мир, правительство почувствовало себя достаточно уверенным, чтобы повести беспощадную борьбу против своих противников «слева» (левых эсеров и анархистов).

Ему надо было действовать методически и осторожно.

Прежде всего, по приказу правительства коммунистическая печать начала клеветническую и лживую кампанию против анархистов, которая день ото дня все усиливалась. Одновременно, в процессе проведения митингов и собраний активно готовилась почва на заводах, в армии и в обществе в целом. Изучалось настроение масс.

Вскоре правительство убедилось, что может рассчитывать на вооруженные силы, притом что массы останутся более менее безразличными или не смогут серьезно повлиять на события.

В ночь на 12 апреля все анархистские организации Москвы — в том числе «Федерация анархистских групп Москвы» — под лживым и абсурдным предлогом были разгромлены полицией и войсками¹. В течение нескольких часов город имел вид осажденного. В «акции» участвовала даже артиллерия.

Эта операция послужила сигналом к разгрому либертарных организаций почти во всех крупных городах страны. Как всегда, провинциальные власти в своем рвении превзошли столичные.

Троцкий, который в течение двух недель готовил удар и лично агитировал в полках против «анархо-бандитов», выразил удовлетворение власти в своем известном заявлении «Наконец Советская власть железной метлой избавляет Россию от анархизма!»

Извечная и жестокая ирония истории человечества: пятнадцать лет спустя Сталин использует то же самое выражение и выметет «железной метлой» троцкизм, к великому неудовольствию Троцкого.

Признаюсь, что испытал некоторое удовлетворение, когда свершилась эта своего рода историческая справедливость.

Однако первая атака была не более чем робким началом, «черновой попыткой».

Сама идея анархизма пока не была объявлена вне закона. Сохранялась и некоторая, весьма ограниченная, свобода слова, печати, или, скорее, убеждений. В отдельных

¹ Разгром ФАГМ производился силами отрядов чекистов, латышских стрелков и красных курсантов. Ни Красная армия, ни Красная гвардия к операции не привлекались, что свидетельствует о недоверии советской власти к собственным силам в столь «деликатной» операции. По официальным данным, было арестовано около 600 анархистов. Под предлогом «борьбы с бандитизмом» Федерацию изгнали из всех помещений, занимаемых ею, — в т. ч. предоставленных ранее самой властью. Были ликвидированы библиотеки, клубы, мастерские, коммуны и даже «Пролетарский театр» анархистов.

местах можно было еще вести анархическую работу. Либертарные организации — бледные тени прошлого — относительно оправились от «катастрофы» и возобновили свою деятельность.

Тем временем большевистское правительство разгромило партию социалистов-революционеров (как и другие левые фракции, «максималистов» и пр.). Мы уделим этому гораздо меньше внимания, борьба против них была не столь масштабной и не столь интересна, как преследования анархистов. Схватку между большевиками и левыми эсерами можно расценивать как борьбу двух политических партий за власть, что для нас не представляет особого интереса.

Отметим, однако, что, выведя из правительства нескольких членов партии эсеров, коммунистическая партия повела против своих соперников беспощадную борьбу. С лета 1918 года левые эсеры были объявлены вне закона. Вскоре они перестали существовать как партия. Их активистов преследовали по всей стране и уничтожили до последнего человека. Трагическая судьба несчастной Марии Спиридоновой представляет собой одну из самых поразительных страниц в истории этих бесчеловечных репрессий. Арестованная, скитавшаяся по тюрьмам, терпевшая нравственные и, возможно, физические мучения, она окончила свои дни в неизвестной смрадной камере или в подвале, под пулями «чекистов» (мне неизвестно в точности, что с ней стало). А сколько других активистов партии, чья единственная ошибка заключалась в том, что она иначе понимала задачи и пути Революции, ожидала та же участь!

Глава III. Пароксизм

В 1919–1920 годах возросло число протестов и выступлений рабочих и крестьян (начавшихся еще в 1918-м) против монополистских и террористических действий «советской» власти по отношению к ним. Правительство, все более беспощадное и циничное в своем деспотизме, отвечало усилением репрессий.

Естественно, анархисты вновь душой и телом были вместе с обманутыми, угнетенными, борющимися массами. Поддерживая рабочих, они требовали для трудящихся и их организаций права самим, свободно, без вмешательства политиков руководить производством. Анархисты поддерживали крестьян в их требовании независимости, самоуправления, права свободно и непосредственно вести переговоры с рабочими. От имени тех и других они требовали восстановления революционных завоеваний трудящихся, того, чего их обманом лишила «коммунистическая» власть, в частности, возрождения «подлинно свободного советского режима», «политических свобод» для всех революционных течений и т. д. Короче говоря, они требовали, чтобы завоеваниями Октября воспользовался сам народ, свободные рабочие и крестьянские организации.

Разумеется, анархисты пером и словом разоблачали политику правительства, боролись против нее во имя этих принципов.

Как и следовало предвидеть, большевистское правительство объявило им войну на уничтожение.

В конце того же 1918 года многие либертарные организации в провинции были вновь разгромлены. А тем из них, кто случайно уцелел, власти не давали никакой возможности действовать.

В 1919 году репрессии в России продолжились, они начались и на Украине. (По ряду причин большевистская диктатура установилась там гораздо позднее, чем в других местах.) Повсюду, где воцарились большевики, анархистские группы были ликвидированы, активисты арестованы, газеты закрыты, библиотеки уничтожены, собрания запрещены.

Излишне говорить, что все эти меры были приняты в чисто полицейском, военном или административном порядке, совершенно произвольно, без предъявления обвинения, следствия и других юридических процедур. Все происходило по московской модели, предложенной в 1918 году самим Троцким.

Летом 1919 года, после пресловутого постановления Троцкого № 1824, объявлявшего вне закона так называемое «махновское» движение (см. часть 5, главу 2), почти повсюду начали арестовывать не только партизан-махновцев, но и анархистов вообще. Очень часто их расстреливали на месте по приказанию красных командиров.

В большинстве случаев разгром анархистских организаций сопровождался актами дикого насилия, безумного вандализма со стороны «чекистов» и обманутых, раздраженных или перевозбужденных красноармейцев: с активистами, мужчинами

и женщинами, обращались грубо, как с «преступниками»; жгли книги, разрушали штаб-квартиры и пр. Это было настоящее репрессивное исступление.

В конце лета 1919 года все анархистские организации на Украине были разгромлены.

К 1920 году от анархистского движения в России остались одни осколки.

В начале октября 1920 года «советская» власть, нуждаясь в помощи революционных махновских партизан для победы над Врангелем, заключила с Махно соглашение.

Согласно одному из условий соглашения, арестованные и сосланные анархисты должны были быть освобождены и получали право открыто действовать в России и на Украине.

Откладывая, разумеется, выполнение этого условия, большевики все же вынуждены были прекратить преследования и освободить нескольких активистов.

После победы над Врангелем «советское» правительство предательски напало на Махно и окончательно уничтожило анархистское движение на Украине.

Вот как это произошло.

В конце ноября 1920 года, после победы над Врангелем, правительство приказало арестовать в Харькове анархистов, собравшихся на свой легальный Съезд. Одновременно оно вновь начало преследовать анархистов по всей Украине, открыв на них настоящую охоту, организуя избиения и ловушки, арестовывая подростков 14–16 лет, беря «в заложники» родителей, жен и детей активистов, как будто хотело отомстить за вынужденные уступки и наверстать упущенное время, стремясь на этот раз уничтожить «подлую породу анархистов» вплоть до детей!

Чтобы оправдать эту отвратительную «акцию», правительство объяснило свой разрыв с Махно предательством, якобы совершенным последним, и выдумало фантастический «разветвленный анархистский заговор против советской власти».

История этого заговора достаточно интересна и заслуживает отдельного рассказа.

За несколько дней до решающей победы над Врангелем, когда в поражении последнего не оставалось уже никаких сомнений, центральная станция радиопередач в Москве предписала всем провинциальным станциям отключить приемники, чтобы они *не могли принять* срочную и совершенно секретную радиограмму Ленина, которая предназначалась лишь двум центральным станциям: в Харькове и Крыму.

Один сторонник анархистов, служащий некой провинциальной радиостанции, не выполнил предписание. И принял следующую радиограмму:

«Установить численность анархистов Украине, особенно махновском районе. — *Ленин*».

Несколько дней спустя последовала другая радиограмма:

«Осуществлять активное наблюдение всеми анархистами. Готовить документы преступного характера, чтобы можно было предъявить обвинения. Послать повсюду необходимые инструкции. — *Ленин*».

А еще через несколько дней была отправлена третья и последняя лаконичная радиограмма:

«Арестовать всех анархистов и предъявить им обвинения. — *Ленин*».

Все эти радиограммы были адресованы Раковскому, в то время председателю Совета Народных Комиссаров Украины, и другим гражданским и военным властям.

Получив третью радиограмму, радист, симпатизировавший анархистам, сообщил об этом одному активисту Конфедерации «Набат». Последний спешно отправился в Харьков, чтобы предупредить товарищей о готовящихся репрессиях. Он прибыл слишком поздно: дело уже было сделано. Почти все харьковские анархисты, а также делегаты съезда находились в тюрьме. Их штаб-квартиры были закрыты.

Таков был «заговор» украинских анархистов против советской власти.

Отметим, что в момент заключения соглашения между правительством «Советов» и Махно анархистская делегация официально заявила, что число заключенных и сосланных анархистов, которые должны быть освобождены, *превышает 200 тысяч*, в большинстве своем *крестьян, массами арестовывавшихся как сторонники махновского движения*. Мы не знаем, много ли среди них было *сознательных анархистов*. И никогда не узнаем, сколько человек было тогда расстреляно или исчезло без следа в многочисленных районных тюрьмах, зачастую секретных, о которых местное население и не подозревало.

Во время Кронштадтского выступления в марте 1921 года (см. Книгу III) большевистское правительство прибегло к новым массовым арестам анархистов и анархосиндикалистов. Оно вновь организовало настоящую охоту на людей по всей стране, стремясь захватить последних активистов, которые осмеливались возвысить свой голос. Ибо, вопреки всей лжи, распространяемой «советской» властью внутри страны и за ее пределами, Кронштадтское восстание и сопутствовавшие ему движения были в значительной степени проникнуты либертарным духом.

Всякое массовое выступление: рабочую стачку, протест крестьян или недовольство солдат и матросов, — неизбежно ожидала участь анархистов.

Часто в тюрьму бросали людей, имевших с анархистами лишь общие воззрения, родственные или дружеские связи.

Открыто согласиться с точкой зрения анархистов — этого было достаточно, чтобы оказаться в застенке, выйти из которого было очень трудно, а многие остались там навсегда.

В 1919 и 1921 годах подверглись жестокому разгрому кружки Анархической Молодежи¹. Эти молодые люди занимались исключительно самообразованием и изучали, в числе прочего, анархистскую теорию, которой более всего симпатизировали. Действия большевиков были вызваны исключительно стремлением пресечь на корню любые попытки молодежи ознакомиться с либертарными идеями. Допускалась лишь марксистская догма.

Летом 1919 года советская печать сообщила (подобного рода сообщения были, вообще-то, крайне редки и объяснялись исключительно намерением предостеречь молодежь, дабы она не упорствовала в своих стремлениях), что в окрестностях Жмеринки (небольшой город на Украине) были «выявлены и ликвидированы» — то есть расстреляны — от 30 до 40 анархистов, обосновавшихся в этом местечке, и их сторонников в других южных городах. Никогда не узнать имен всех, кто погиб подобным

¹ Летом 1919 ЧК арестовала легальный съезд «Всероссийской Федерации анархической молодежи». В марте 1921 были арестованы активисты организации «Объединенное анархическое студенчество города Москвы». Обе организации не занимались какой-либо «политикой», а видели своей задачей работу по самообразованию и выработку анархического мировоззрения.

образом. Но известно, что в числе расстрелянных оказалось несколько лучших молодых анархистских активистов.

В тот же период по данным, опять-таки, советской печати, в Одессе были арестованы и частью расстреляны члены довольно крупной и активной анархистской группы, которая, в числе прочего, вела пропаганду в советских учреждениях (даже в Одесском совете и местном партийном комитете). Согласно советской печати, это являлось «величайшим предательством».

По официальным данным, до конца 1922 года были расстреляны 92 анархиста-«толстовца» (последовательных пацифиста), в основном за отказ служить в армии. Многие «толстовцы» томились в тюрьмах.

Один из таких честных пацифистов (впоследствии он чудом вышел на свободу) нос к носу столкнулся в ЧК с Петерсом, известным палачом. Ожидая своей очереди, он мирно выискивал вшей в своей всклокоченной бороде и бросал их на пол. (В то время вши были самыми близкими спутниками людей; в народе их ласково называли «семашками», в честь народного комиссара здравоохранения Семашко: жестокая, но показательная ирония.)

— Почему вы бросаете их, а не убиваете? — удивленно спросил Петерс.

— Я никогда не убиваю живых существ, — был ответ.

— Ох! — сказал позабавленный Петерс. — Смешно, однако! Вы даете вшам, клопам и блохам жрать себя? Ну и чудной же вы, дружище, вот что я вам скажу. Вот я уничтожил несколько сот человек — бандитов, само собой, — и ничего. Хотя бы!

Он замолчал, с любопытством разглядывая мирного «толстовца», которого наверняка считал безумцем.

Я мог бы еще долго продолжать этот мартиролог.

Мог бы привести сотню примеров, когда людей загоняли в ловушку, чтобы расстрелять — либо после «допросов» и пыток, либо на месте, на опушке леса или на Богом забытом полустанке...

Я мог бы перечислить множество имен анархистов, зачастую совсем молодых, брошенных в тюрьмы или сосланных в районы с плохим климатом, где они гибли после долгих и жестоких мучений.

Я мог бы рассказать о возмутительных случаях репрессий с использованием нагло-го стукачества, циничного предательства или отвратительной провокации. Случаях, когда жертвы чаще всего совершали одну единственную ошибку — хотели мыслить свободно и не скрывать своих взглядов.

Людей уничтожали как носителей идеи, если то не была идея правительства и его привилегированной клики. Стремилась уничтожить саму мысль, подавить всякое независимое мышление... А также очень часто убивали тех, кто знал и мог раскрыть правду о некоторых вещах².

Ограничусь *несколькими* особенно чудовищными примерами. (У нас будет возможность возвратиться к этой теме в первой главе книги III, посвященной Кронштадтскому восстанию, и в последней главе той же книги, о «махновском» движении.)

² На эту тему см. анархистские издания: «Репрессии против анархизма в Советской России» (Юля, название этой книги на русском языке: «Гонения на анархизм в Советской России». 1922.), «Бюллетень Комитета помощи» и др.

Глава IV. Лев Черный и Фанни Барон

В июле 1921 года 13 анархистов, заключенных в Таганскую тюрьму без веских оснований, объявили голодовку, требуя предъявления обвинения или освобождения. Голодовка совпала с сессией международного Конгресса красных профсоюзов (Профинтерна) в Москве. Группа иностранных профсоюзных делегатов (в основном, французов), узнав подробности от родственников заключенных, отправила в связи с этим запрос «советскому» правительству. Запрос касался и других аналогичных случаев, а также политики репрессий в отношении синдикалистов и анархистов в целом.

От имени правительства Троцкий цинично ответил делегатам:

«Мы не сажаем в тюрьму настоящих анархистов. Те, кого мы держим в заключении — не анархисты, а преступники и бандиты, прикрывающиеся их именем».

Делегаты, располагавшие всей полнотой информации, не смирились с этим. Они повторили запрос с трибуны Конгресса, требуя, по меньшей мере, освобождения анархистов, заключенных в Таганке... Запрос вызвал на Конгрессе большой скандал и вынудил правительство (которое опасалось, что последуют более серьезные разоблачения) отказаться от возражений. Оно пообещало делегатам освободить узников Таганки. На одиннадцатый день голодовка прекратилась...

После отъезда делегатов, в течение двух месяцев затягивая дело в надежде найти достаточный предлог для обвинения заключенных и не выполнить свои обязательства, правительство все-таки вынуждено было их освободить. (Это произошло в сентябре 1921 года, все они, за исключением трех человек, были высланы из СССР.)

Но в отместку (мщение являлось непременным атрибутом большевистских репрессий) и с целью оправдать перед иностранными трудящимися и их делегатами свою террористическую политику по отношению к «так называемым анархо-коммунистам», оно позднее сфабриковало уголовное дело против последних.

За якобы «преступные» действия, в частности, за будто бы имевшее место изготовление фальшивых советских дензнаков, оно приказало расстрелять (разумеется, тайно, ночью, в одном из подвалов ЧК, безо всяких юридических формальностей) нескольких наиболее честных, искренних и преданных делу анархистов: молодую Фанни Барон (муж которой также находился в тюрьме), известного активиста Льва Черного (настоящая фамилия Турчанинов) и других.

Позднее было доказано, что расстрелянные анархисты не имели никакого отношения к преступлению, в котором их обвинили.

А с другой стороны, выяснилось, что так называемое дело о подделке дензнаков было полностью сфабриковано самой ЧК. Два ее агента, некий Штейнер (он же Каменный) и шофер-чекист, проникли в либертарные круги и одновременно в воровскую среду, чтобы «установить» связи между ними и сфабриковать «дело». Все

происходило под руководством ЧК при соучастии этих агентов. Видимость «дела» была создана, и о нем оповестили широкую публику.

Так, чтобы оправдать свои преступления, правительство пожертвовало анархистами и постаралось очернить их память.

Глава V. Лефевр, Вержа и Лепти

Расскажем еще об одном случае, об исчезновении трех французских активистов: Раймона Лефевра, Вержа и Лепти, делегатов Конгресса Коммунистического Интернационала, состоявшегося в Москве летом 1920 года.

Раймон Лефевр, будучи членом компартии и прекрасно понимая, что его идейные товарищи пошли по неправильному пути, не раз выказывал свое недовольство этим. Что касается анархо-синдикалистов Вержа и Лепти, они открыто выражали свое возмущение и критиковали положение вещей в России. Не раз Лепти, стиснув голову руками, говорил, думая об отчете, который должен был представить своим французским товарищам-синдикалистам: «Ну что же я им скажу?»

После завершения Конгресса они несколько дней и ночей приводили в порядок свои записи и документы. На них начали оказывать давление, потому что перед отъездом во Францию все трое отказались представить собранные материалы советским функционерам, которым якобы было поручено обеспечить доставку документов в место назначения. Лефевр не доверил свои записи и бумаги даже русским членам партии.

Тогда московские политиканы решили «саботировать» их отъезд.

Под надуманным предлогом им не позволили уехать нормальным путем, как это сделали Кашен и другие делегаты-коммунисты. По непонятным причинам советское правительство решило «отправить их через Север».

Желая полностью выполнить свою миссию и полагая, что присутствие коммуниста Лефевра служит им достаточной защитой, Вержа и Лепти были готовы на все, чтобы вернуться во Францию вовремя и успеть на Конфедеральный съезд, где должны были представить свои отчеты.

Началом их голгофы стал долгий и тяжелый путь из Москвы в Мурманск, который они преодолели в ужасных условиях. «Нас саботируют», — не без оснований утверждал Лепти. В насквозь промерзшем вагоне, не имея теплой одежды и продовольствия, они попросили охранявших их чекистов достать все необходимое. Они могли сколько угодно говорить, что являются делегатами, но получали один ответ: «Мы не знаем, какие такие делегаты едут в поезде. Никаких указаний на это счет нам не давали». Только благодаря настойчивости Лефевра им выдали кое-какую еду. Так, страдая от лишений и испытывая многочисленные трудности, прибыли они в Мурманск, где нашли приют у рыбаков в ожидании выполнения данных в Москве обещаний, то есть прибытия корабля, который должен был переправить их в Швецию.

Так, в тревожном ожидании обещанного судна, которое все не прибывало, прошли три недели. Делегаты начали сомневаться, что вовремя вернуться во Францию и полностью выполняют свою миссию.

Тогда Лефевр написал первое письмо своему московскому другу. Не получив ответа, он послал ему второе, третье — никакого результата. Затем стало известно, что эти письма были переданы Троцкому, который конфисковал их.

В своем последнем послании Лефевр с горечью рассказывает о тяжелом положении делегатов и сообщает об их отчаянной решимости переплыть Ледовитый океан на рыбацком баркасе, лишь бы вырваться из страны Советов. «Мы отправляемся навстречу смерти», — писал он.

Удалось собрать необходимые средства для покупки баркаса. И, несмотря на мольбы некоторых товарищей и местных рыбаков, они отплыли... навстречу смерти, как и писал Раймон Лефевр. Потому что больше их не видели.

Вещественных доказательств этого убийства, расчетливо задуманного в Москве, не существует. (Или те, кому все известно, по понятным причинам хранят молчание.) Большевики, естественно, все отрицают. Но могут ли возникнуть сомнения, когда известна твердая и непримиримая позиция Вержа и Лепти в России, обычные методы большевистского правительства и препятствия, сопровождавшие их отъезд, в то время как Кашен и другие делегаты-коммунисты благополучно и вовремя возвратились на родину, чтобы повторить Турскому съезду то, что было ими заучено в Москве?..

Во всяком случае, мы точно изложили подлинные факты, которые, в конце концов, стали известны и в России. На наш взгляд, они говорят сами за себя. Пусть судит читатель.

Глава VI. Случай из жизни

Позвольте мне рассказать мою собственную историю, менее трагическую, но прекрасно характеризующую политику государственников-большевиков. Случай этот в описываемую эпоху являлся вовсе не единичным.

В ноябре 1918 года я приехал в город Курск на границе с Украиной, чтобы принять участие в Съезде украинских анархистов. Тогда проведение подобного съезда поблизости от Украины было еще возможно, поскольку край этот вел борьбу против реакции и немецкого нашествия. Большевики *терпели* там анархистов, используя их и наблюдая за ними.

С начала Революции в Курске не проводилось никаких публичных собраний по анархизму, у маленькой местной группы не было для этого достаточно сил. Группа решила использовать мое присутствие и предложила мне выступить в большом городском зале. Разумеется, я с радостью согласился.

Нужно было попросить разрешения у председателя местного Совета. Этот честный выходец из рабочих дал его без проблем. Имея в руках столь ценный документ, мы сняли зал заранее, за две недели до собрания, которое было намечено на один из святочных вечеров. Несколько дней спустя мы заказали и расклеили по стенам большие красивые плакаты. Все было готово.

Собрание обещало оказаться успешным. В этом нас убеждали слухи, ходившие по городу, группы людей перед плакатами, вопросы о месте заседаний группы и др. Ожидалось, что зал будет переполнен.

Не привыкшие к таким успехам (в Великороссии уже в то время публичные собрания, посвященные анархизму, запрещались), мы испытывали вполне понятное удовлетворение.

За два дня до назначенной даты ко мне пришел взволнованный и возмущенный секретарь группы: он только что получил записку от председателя *Курского комитета РКП(б)* (подлинной власти в городе), уведомляющую, что из-за праздников собрание по анархизму состояться не может и что он сообщил заведующему залом о распоряжении Комитета провести там вечер танцев.

Я поспешил в партком. Там у меня состоялось бурное объяснение с его председателем по фамилии, если не ошибаюсь, Рындич (или Рындин, точно не помню).

— Как! — сказал ему я. — Вы, коммунист, не признаете права очередности? Мы получили разрешение Совета и сняли зал за две недели специально для того, чтобы быть уверенными, что он останется за нами. Комитет должен записаться в очередь.

— Сожалею, товарищ, но решение Комитета, который является, не забывайте, высшей властью и может иметь свои причины, которых вы не знаете и которые превыше всего, — так вот, решение это окончательное. Ни председатель Совета, ни заведующий помещением не могли знать заранее, что Комитету потребуется зал именно в этот день. Впрочем, спорить и настаивать абсолютно бесполезно. Повторяю

вам, решение окончательное, собрания не будет... Или же организуйте его в другом зале и в другой день.

— Вы прекрасно знаете, что за два дня сделать это невозможно. И потом, другого такого большого зала в городе нет. Впрочем, все помещения уже заняты под праздничные мероприятия. Собрание просто сорвано.

— Сожалею. Перенесите его на другой день. В общем, вы ничего не теряете. Все можно уладить.

— Ох! Это будет уже не то. Такие изменения всегда вредят делу. И потом, плакаты дорого стоят. А главное, я должен на днях уехать из Курска. Скажите: как вы намерены уладить дело в сам вечер собрания? Я думаю, вас ожидает недовольство части публики, которая, конечно, в большом количестве придет на собрание. Плакаты висят уже две недели, слишком поздно печатать и расклеивать другие. Рабочие города и окрестностей с нетерпением ждут. Вы совершите ошибку, навязав этим людям вечер танцев вместо собрания, на которое они придут.

— А это уже наше дело! Не беспокойтесь, мы сами этим займемся.

— Значит, по сути Комитет запрещает собрание, несмотря на разрешение Совета.

— Нет, нет, товарищ! Мы ничего не запрещаем. Назначьте его после праздников. И мы предупредим людей, которые придут на собрание, вот и все.

На том и расстались. Я посоветовался с членами группы, и мы решили перенести собрание на 5 января 1919 года. Предупредили большевистский Комитет и заведующего помещением. Эти изменения вынудили меня на несколько дней отложить отъезд на Украину.

Заказали новые плакаты. Кроме того, решили, во-первых, предоставить большевистским властям самим объясняться с публикой и, во-вторых, что я в этот вечер на всякий случай останусь в своем гостиничном номере. Мы предполагали, что многочисленная публика несмотря ни на что потребует собрания, и в итоге большевикам придется уступить. В таком случае меня должен был известить секретарь группы.

Лично я ожидал большого скандала, даже серьезных столкновений.

Собрание было назначено на 8 часов вечера.

Около половины девятого меня позвали к телефону. Я узнал взволнованный голос секретаря: «Товарищ, зал буквально осажден толпой, которая не хочет ничего знать и требует собрания. Большевики не могут их урезонить. Вероятно, им придется уступить, и собрание состоится. Берите извозчика и быстрее приезжайте».

Прыгаю в коляску и отправляюсь. Издалека доносится невообразимый шум. Прибыв на место, вижу у дверей зала толпу, кричащую: «К черту вечер танцев! Довольно танцев! Осточертело!.. Хотим собрания! Мы пришли на собрание!.. Собрание! Собрание! Соб-ра-ние!»

Ко мне подходит ожидавший меня секретарь. Мы с трудом протискиваемся в холл, также заполненный народом. Зал находится на втором этаже. На верхней ступеньке лестницы обнаруживаю «товарища» Рындича, обращающегося к толпе, которая непрерывно кричит: «Собрание! Собрание!»

— Хорошо, что вы пришли... Видите, что происходит, — бросает он мне разгневно. — Это все — ваших рук дело!

Возмущенно говорю:

— Я вас предупреждал. Это вы за все отвечаете. Вы хотели уладить дело. Ну, давайте! Выпутываетесь теперь, как знаете! Самым простым и лучшим было бы разрешить собрание.

— Нет, нет и нет! — кричит он, взбешенный. — Не будет вам собрания, гарантирую. Я пожимаю плечами.

Неожиданно он говорит мне:

— Вот, товарищ. Они не желают меня слушать. А я не хотел бы прибегать к серьезным мерам. Вас они послушают. Объясните им ситуацию и убедите спокойно разойтись. Урезоньте их. Скажите, что собрание откладывается. Вы должны выполнить мою просьбу.

Чувствую, что если собрание не состоится сегодня, оно не состоится вообще никогда. Уверен, что оно будет окончательно запрещено, а я, возможно, арестован.

Я категорически отказываюсь обратиться к толпе. Отрицательно качнув головой, заявляю Рындичу:

— Нет, говорить я не буду. Вы этого хотели, вот сами и выпутывайтесь!

Толпа, видя наш спор, шумит все сильнее. Рындич пытается что-то сказать. Бесполезно! Его голос покрывает настоящий гул. Толпа чувствует свою силу. Она развеселилась, сплачивает ряды, постепенно заполняет лестницу, лестничную площадку, подходы к запертому залу.

Рындич с жестом отчаяния вновь обращается ко мне:

— Скажите им, скажите же! Или все плохо кончится!

Мне приходит в голову одна мысль. Я делаю знак окружающим меня людям. Они стихают. Тогда медленно, чеканя слова, я говорю:

— Товарищи! Ответственность за эту прискорбную неразбериху целиком лежит на большевистском горкоме. Мы первые, за две недели, сняли зал. Два дня назад комитет, даже не посоветовавшись с нами, занял зал, чтобы организовать там вечер танцев. (Толпа оглушительно кричит: «Долой вечер танцев! Собрание!») Он вынудил нас перенести собрание. Я — выступающий и готов провести собрание сейчас же. Большевики формально запретили его. Но *вы* — граждане города; *вы* — публика. Так что решать *вам*. Я в вашем полном распоряжении. Выбирайте, товарищи: или мы переносим собрание, а вы спокойно расходитесь и приходите сюда в другой день, 5 января; или, если вы хотите собрания немедленно и таково ваше решение, *действуйте*, занимайте зал.

Едва прозвучали последние слова, обрадованная толпа разражается рукоплесканиями и кричит: «Собрание немедленно! Собрание! Собрание!» И в необоримом порыве бросается в зал. Рындича затолкали. Дверь открывают. (Иначе ее бы вышибли.) Дают свет.

Зал наполнился в мгновение ока. Публика, частью стоящая, частью сидящая, успокаивается. Мне остается только начать выступление. Но на эстраду забирается Рындич. Он обращается к собравшимся:

— Граждане, товарищи! Потерпите еще несколько минут. Комитет РКП(б) посоветуется и примет окончательное решение. Его вам сразу же сообщат. Вероятно, танцев не будет...

— Ура! — кричит толпа, обрадованная своей очевидной победой. — Собрание! Да здравствует собрание!

Снова аплодируют. И смеются.

Большевики удаляются в соседнюю комнату для совещания. Двери зала закрывают. Собравшиеся терпеливо ждут решения. Думают, что эта комедия разыграна большевиками, чтобы сохранить лицо.

Проходит четверть часа.

Неожиданно двери зала распахиваются, и входит большой отряд солдат-чекистов (специальные войска, нечто вроде жандармов или мобильной гвардии, выдрессированные и слепо преданные режиму) с винтовками в руках. Ошарашенная публика неподвижно остается на своих местах. Спокойно, в напряженной тишине, солдаты занимают зал, пробираясь вдоль стен, позади сидений. Одна группа остается у дверей, винтовки нацелены на публику.

(Позднее стало известно, что большевистский комитет сначала обратился в городскую казарму, прося вмешаться регулярные войска. Солдаты потребовали объяснений — в то время такое еще было возможно, — заявили, что сами хотели бы присутствовать на собрании, и отказались. Тогда комитет пригласил готовый на все отряд чекистов.)

Тотчас же в притихший зал входят члены комитета. Рындич вновь поднимается на эстраду и торжествующим тоном обращается к публике:

— Так вот. Комитет принял решение. Вечера танцев не будет. *Собрания тем более.* Впрочем, уже слишком поздно для того и другого. Предлагаю собравшимся спокойно и соблюдая полный порядок покинуть зал и здание. Иначе вмешаются чекисты.

Возмущенные, но бессильные, люди начинают подниматься и выходить из зала. «Все-таки, — шепчут некоторые, — их вечеринка не удалась... Это уже неплохо!»

Внизу их ожидает другой сюрприз: на выходе два вооруженных чекиста обыскивают каждого и проверяют документы.

Несколько человек арестованы. Часть из них будет освобождена на следующий день. Но некоторые останутся в тюрьме.

Я возвращаюсь в гостиницу.

На следующее утро — телефонный звонок. Голос Рындича:

— Товарищ Волин, приходите ко мне в Комитет. Мне надо поговорить с вами по поводу собрания.

Отвечаю:

— Оно назначено на 5 января. Мы заказали плакаты. Вас это устраивает?

— Да. Но все-таки приходите, нужно поговорить.

Как только я вхожу, любезный большевик с улыбкой заявляет мне:

— Так вот, товарищ. Комитет решил, что ваше собрание *не состоится*. Ответственность за это лежит на вас, так как вчера вы вели себя враждебно и вызывающе. Более того, Комитет считает, что вам нельзя оставаться в Курске. Пока вы побудете здесь, у нас.

— А! Так я арестован?

— Ах, нет, нет, товарищ. Мы вас не арестовываем. Вы только *задержитесь* здесь на несколько часов, до отправления московского поезда.

— Московского? — воскликнул я. — Но мне совершенно нечего делать в Москве! И у меня уже есть билет до Харькова (на Украине), куда я должен поехать после съезда. Меня там ждут друзья и работа.

После короткого совещания с товарищами этот человек говорит мне:

— Хорошо. Вы можете ехать в Харьков. Но поезд отправляется только в час ночи. Так что вам придется провести здесь весь день.

— Могу я пойти в гостиницу и взять свои вещи?

— Нет, товарищ.

— Обещаю вам, что отправлюсь прямо в гостиницу и возьму свои чемоданы. Впрочем, можете пойти со мной.

— Невозможно, товарищ, сожалеем. Вас могут увидеть. Дело получит огласку. Нам бы этого не хотелось. Таков приказ. Скажите кому-нибудь из наших товарищей, чтобы он забрал из гостиницы ваши чемоданы.

«Охранник», вооруженный чекист, уже стоял за дверью комнаты. Делать было нечего.

«Товарищ» принес мой чемодан. Около полуночи другой на извозчике проводил меня на вокзал и проследил, чтобы я уехал.

Добавлю, что эта неожиданная поездка проходила в таких ужасных условиях, что в пути я заболел. Я избежал воспаления легких лишь благодаря случайному попутчику, который поместил меня у своих друзей в Сумах (небольшой город на Украине). Там меня быстро вылечил хороший врач. И через несколько дней я уже был в Харькове.

Добавлю, что сразу же по прибытии написал для нашей местной еженедельной газеты «Набат» — вскоре запрещенной большевистскими властями из-за ее растущего успеха — статью, озаглавленную «История одного собрания при диктатуре пролетариата», где подробно описал этот показательный случай.

Глава VII. Финальный аккорд

После всего, что мы говорили о характере государственного социализма и его неизбежной эволюции, читатель легко поймет причины, которые привели этот «социализм» к неразрешимому конфликту с анархической идеей.

Для знающего человека нет ничего неожиданного и удивительного в том, что социалистическая Власть преследует анархизм и анархистов. Это предвидели сами анархисты (в том числе Бакунин) задолго до Революции — в случае, если она последует по авторитарному и государственному пути.

Преследования анархической идеи и ее сторонников, удушение независимых движений народных масс — таковы неизбежные последствия противостояния *подлинной Революции* на подъеме и *государственной практики*, которая, одержав победу, препятствует этому подъему, не понимает подлинной Революции и противится ей.

Новое правительство (если революция, к несчастью, имеет его), называет ли оно себя «революционным», «демократическим», «социалистическим», «пролетарским», «рабоче-крестьянским», «ленинским», «троцкистским» или как-то иначе, неизбежно сталкивается с живыми силами подлинной Революции. Этот антагонизм столь же неизбежно вовлекает власть во все более беспощадную борьбу (оправдываемую с растущим лицемерием) против революционных сил и, следовательно, против анархистов, самых решительных глашатаев, просветителей и защитников подлинной Революции и ее устремлений.

Торжество Власти в этой борьбе означает одно — поражение Социальной Революции и, «автоматически», подавление анархистов.

Пока Революция и анархисты сопротивляются, социалистическая власть свирепствует все наглее. Безграничный террор и чудовищный обман — вот ее последние и решающие аргументы.

Тогда все подлинно революционное безжалостно выметается как противоречащее «высшим интересам Революции» (жестокая ирония!), как «преступное» и «предательское».

Вот что следовало ожидать — и многие ожидали — в случае торжества государственнической идеи.

Вот что полностью и окончательно подтвердил опыт русской Революции.

И вот что должны наконец понять миллионы людей, если они хотят избежать грядущую Революцию от поражения, ужасов и катастрофы Революции русской.

Сейчас — и уже немало лет — в России не существует никакой либертарной печати, пропаганды, движения. Анархизм объявлен вне закона. Анархисты уничтожены *до последнего* — всеми возможными и вообразимыми средствами.

Некоторые еще находятся в тюрьмах и ссылке. Их осталось очень мало.

Небольшое число русских анархистов, избежавших уничтожения, изгнанных из родной страны или бежавших, нашли убежище в различных странах Европы и Америки.

А если в России и остались сознательные сторонники либертарной идеи, они вынуждены держать свои мысли при себе.

Уже многие годы, как и при царе, в России не идет речи ни об анархистах, ни об анархизме.

«Комитет помощи заключенным и сосланным российским анархистам», который многие годы действовал в Германии, Франции и Соединенных Штатах, публикуя Информационные бюллетени о репрессиях, собирая средства и посылая их жертвам, вынужден был прекратить свою деятельность, так как связь с оставшимися в живых стала невозможной.

«Эпопея» уничтожения либертарного движения в России после «коммунистической» Революции завершилась. Сейчас это уже «история».

Самое ужасное, что в ходе репрессий погибли не только подлинные анархисты, но и сотни тысяч простых тружеников — рабочих, крестьян и интеллигентов, — выступивших против лжи, и что *сама идея Революции* или, скорее, *всякая свободная мысль и деятельность* в стране строящегося «социализма» тоже стали «историей»!..

Глава VIII. Ложь и клевета

Почему же такие поразительные факты остались неизвестными за границей? Читатель увидит это.

С самого начала и многие годы правительство большевиков предпринимало все возможное, чтобы скрыть свое гнусное дело от трудящихся и революционеров других стран, методически и бесстыдно обманывая их с использованием классического арсенала замалчивания, лжи и клеветы.

Основной прием был заимствован у лжецов всех времен: уничтожив идею и движение, уничтожали и историю. Никогда «советская» печать не говорила о борьбе, которую большевизм вел против народной свободы, и о средствах, использованных им, чтобы одержать верх. В «советских» трудах читатель не найдет ничего. А когда большевистская литература не может не говорить об этом, она ограничивается кратким указанием, что речь шла о подавлении контрреволюционных движений или бандитов. *А кто это проверит?*

Помог большевикам и другой прием: закрытие границ. События русской Революции разворачивались — и разворачиваются — за закрытыми дверями. Всегда было трудно, если не невозможно, узнать в точности, что происходит в России. Российская печать, сугубо официозная, замалчивает все, что имеет отношение к репрессиям.

Когда в передовых кругах Европы поднимался вопрос о преследованиях анархистов в России, и, несмотря на принятые меры, становились известны какие-то крохи правды, представители большевистского правительства каждый раз с исключительной наглостью заявляли: «А что? Анархисты — подлинные — пользуются в СССР полной свободой пропагандировать свои идеи. У них есть даже свои клубы и печать». А поскольку анархистами и их идеями, как правило, особенно не интересовались, подобного ответа бывало достаточно. *Понадобилось бы провести целый ряд расследований, чтобы доказать обратное. А кто об этом задумывался?*

Несколько ренегатов от анархизма, которым большевистское правительство покровительствовало, оказали последнему ценную услугу. Под видом свидетельств оно цитировало лживые утверждения этих бывших анархистов. Отказавшись от своего прошлого и стремясь вновь обрести политическую невинность, они говорили все, что от них требовалось¹.

Большевики любили также цитировать «прирученных», то есть «советских», анархистов². Последние сочли мудрым и полезным приспособиться к

¹ Имеется в виду, например, бывший анархист Г. Сандомирский, сотрудник НКВД и член советской делегации на Генуэзской конференции 1922 г., во время которой он рассказывал итальянским анархистам о полной свободе, которой, якобы пользуются анархисты в Советской России.

² «Советские анархисты» — в большинстве своем ветераны движения, после 1917 года в той или иной степени признавшие неизбежность, необходимость и прогрессивность Советской власти, а потому отказавшиеся от всякой борьбы против нее.

ситуации и большевизму, «чтобы иметь возможность действовать» — осторожно, втихомолку, прикрываясь «лояльностью». Эта «тактика защитного окраса» не могла принести успеха при большевиках, положивших конец всякой антиправительственной деятельности. Пристально наблюдая за «замаскировавшимися» анархистами, непрерывно преследуя, угрожая и ловко «приручая» их, власти в итоге вынудили их оправдать и даже одобрить — «временно» — все деяния большевизма. Строптивых арестовали или отправили в ссылку. А тех, кто действительно подчинился, прославили как «настоящих анархистов», которые «поняли правоту большевизма», и противопоставили всем остальным, «ненастоящим анархистам».

Кроме того, большевики приводили в пример анархистов, которые практически бездействовали и не касались «животрепещущих» проблем. Для «видимости» им позволили сохранить (под наблюдением) малочисленные организации. Некоторым из них приказали переиздать старые безобидные анархистские труды — исторические или теоретические. И такие **«анархистские издательства» приводили в пример того, что «подлинных анархистов» не трогают. Позднее все эти «организации» были также «ликвидированы»³.**

Наконец, терпели некоторых экстравагантных «анархистов», «шутов», которые искажали анархизм до карикатурности. Большевистские писатели не упускали случая вывести их в своих произведениях, чтобы осмеять идею⁴.

Так что правительству большевиков пришлось создать некий «фасад», позволивший ему скрыть правду от плохо информированных масс и западной общественности. Позднее, убедившись в безразличии, наивности и подлости «передовых» кругов других стран, большевики даже перестали им прикрываться. Потому что «передовые» деятели и массы и так все проглатывали!

Этот обманчивый фасад позволил большевикам успешно использовать оружие, которое, увы, всегда эффективно: клевету.

С одной стороны, они умышленно смешивали анархистов с «контрреволюционерами», «преступниками», «бандитами» и пр.

С другой, утверждали, что во время революции анархисты, даже не будучи «бандитами», умели только болтать, критиковать, «бузить», вставлять палки в колеса Революции, разрушать, вызывать беспорядки и обдeldывать свои дела. Заявляли, что, даже желая служить Революции, они оказывались неспособными ни на что дельное, не имели никакой «позитивной программы», никогда не предлагали ничего реального, были безответственными мечтателями, сами не знали, чего хотят, и все эти причины вынудили правительство ополчиться на них, так как подобные элементы представляли собой серьезную опасность на трудном пути революции.

Поскольку никто не знал правду и не мог проверить факты, прием удался.

Подобная «тактика» долгие годы успешно служила большевистскому правительству. Впрочем, она составляла лишь элемент целой системы надувательства, которую удалось создать большевикам.

³ Имеются в виду «Всероссийская Федерация Анархистов-Коммунистов» и «Всероссийская Федерация Анархистов», к началу 1920-х гг. объединявшие немногих активистов (почти исключительно в Москве) и настроенные «более чем лояльно по отношению к Советской власти» (А. Горелик). Федерация действовала легально до смерти своего лидера А. Карелина в 1926 г.

⁴ Имеются в виду некоторые представители разновидностей индивидуалистического анархизма,

Любые разоблачения, а они все чаще появлялись в либертарной и другой зарубежной печати, методично и цинично опровергались с помощью тех же стереотипных аргументов.

Трудящиеся массы, передовые интеллектуалы всех стран, ослепленные фальшивым блеском «первой социалистической республики», соглашались со всеми глупостями ее «гениальных вождей», давая «обдурить» себя и мало заботясь о разоблачениях, сделанных анархистами.

Этому всеобщему безразличию также способствовали тщеславие, мода, снобизм и другие второстепенные факторы.

Наконец, свою роль сыграли и самые прозаические, личные интересы. Сколько маститых писателей в разных странах умышленно закрывали глаза на правду, которую они, тем не менее, знали! «Советское» правительство нуждалось в них, чтобы сделать себе рекламу. В обмен оно обеспечивало широкий, почти уникальный рынок сбыта для их книг. И бедняги заключали молчаливую сделку, успокаивая свою совесть извинениями и оправданиями, внушенными им новоявленными меценатами.

например, братья Гордины (основатели теории «пананархизма» и организаторы «Первого центрального социотехникума»), «анархо-биокосмисты», «неонигилисты» и т. п. группы.

Глава IX. Трюк с «делегациями»

Наконец, отдельную главу следует посвятить особому способу «промывки мозгов», широко применяемому «Советами»: «иностранным (или «рабочим») делегациям».

Факты известны. Один из «убийственных аргументов» большевиков при опровержении неприятных разоблачений состоит в использовании свидетельств «делегаций», отправляемых в СССР различными зарубежными организациями, заводами или институтами. После посещения «страны социализма» делегаты, за редкими исключениями, объявляют «вымыслом», «ложью» и «клеветой» все неблагоприятное для «Советов», что говорится за границей.

Поначалу этот трюк с «делегациями» был беспроигрышным. Позднее он потерял свою эффективность. Некоторое время спустя о нем почти забыли. С одной стороны, события быстро следовали одно за другим, и игра за ними не поспевала. С другой, наконец стало ясно, что «делегаты» не могут ничего узнать о реальной жизни, даже будучи искренними и беспартийными. С самого начала им навязывалась насыщенная и заранее определенная программа. Не зная ни языка, ни обычаев, ни реальной жизни населения, они прибегали к помощи правительственных гидов и переводчиков. Делегатам показывали и рассказывали только то, что считали нужным. Они, в целом, не имели никакой возможности ближе познакомиться с населением, объективно и длительное время изучать его жизнь.

Все это теперь более или менее ясно.

Но существует один факт, не получивший известности, который, однако, многое говорит о положении вещей в СССР.

Упомянутый выше «Комитет помощи», несколько профсоюзных организаций и отдельных известных активистов (светлой памяти Эрих Мюзам в Германии, Себастьян Фор во Франции) несколько раз предлагали большевистскому правительству разрешить приехать в СССР *настоящей* делегации, составленной из представителей различных тенденций, в том числе «коммунистов». «Советскому» правительству предлагались следующие условия: 1) свободное и неограниченное пребывание в стране до тех пор, пока делегация не посчитает свою миссию выполненной; 2) возможность являться всюду, куда делегация сочтет нужным, в том числе в тюрьмы, места ссылки и т. д.; 3) право публиковать собранную информацию, впечатления и выводы в передовой зарубежной печати; 4) переводчик, выбранный самой делегацией.

Согласиться на это предложение было целиком и полностью в интересах большевистского правительства — если, разумеется, оно являлось искренним, не желало ничего скрывать, не боялось правды. Благоприятный и одобрительный отчет такой делегации положил бы конец всем недомолвкам. Всякое социалистическое, «рабочекрестьянское» правительство (если бы таковое существовало на самом деле) должно было бы принять подобную делегацию с распростертыми объятьями. Ему следовало

бы даже самому подать такую идею. Свидетельство и одобрение подобной делегации стало бы действительно решающим и неопровержимым.

Но *этот дар так и не был принят*. «Советское» правительство и ухом не повело.

Пусть читатель задумается над этим. Дело в том, что *неодобрение* со стороны такой делегации было бы тоже неопровержимым и окончательным. Результаты ее расследования оказались бы сокрушительны для репутации «советского» правительства, его системы и всего его дела.

Но за границей никто не выступил. Могильщики революции могли считать себя в полной безопасности и пренебречь попытками заставить их признать ужасную правду: банкротство Революции в результате их деятельности. Не беспокоились также слепцы и подкупленные всех стран.

Говоря правду, до сих пор неведомую — в этом не приходится сомневаться — почти всем нашим читателям-неанархистам, мы выполняем свой долг. Не только потому, что в один прекрасный день правда должна стать известной, но потому также — и это главное, — что она окажет неоценимую услугу всем, кто *хочет* знать, кто устал от вечного обмана коварных лжецов, кто, наконец, сильный этой правдой, сможет в будущем действовать с полным сознанием своего дела.

История репрессий в СССР не только показательна и красноречива сама по себе: она прекрасно позволяет понять *саму суть, скрытую «изнанку», подлинную природу авторитарного коммунизма*.

Мы сожалеем лишь об одном: о том, что не можем посвятить им достаточно подробный рассказ.

Приведем еще один свежий пример. Он прекрасно показывает, как большевики и их прислужники обманывают мир.

Речь идет о работе некоего Е. Ярославского, видного большевика, «Анархизм в России», изданной в 1937 году на испанском и французском языках с целью помешать успеху либертарной идеи в Испании и других странах во время известных событий.

Оставим в стороне абсолютно фантастические «сведения» о происхождении анархизма, о Бакунине, об анархизме в России до 1917 года и о поведении анархистов во время первой мировой войны. Ответ на эти сказки появится, быть может, в анархистской печати. Что нас интересует, так это рассуждения автора о либертарном движении *во время самой Революции 1917 года*.

Ярославский из осторожности не говорит о *подлинном анархистском движении*. Он много места уделяет движениям, которые не имели ничего общего с анархизмом, а также группам, газетам и деятельности анархистов *второго плана*. Он старательно подчеркивает слабые места и злобно подмечает недостатки, разжигая собственную ненависть. Долго разбирает несчастные «осколки» движения, которые после ликвидации подлинных либертарных организаций отчаянно и безуспешно боролись за сохранение хотя бы тени своей прежней активности. Действительно, это были жалкие и бессильные остатки удушенного анархистского движения. Они уже не могли создать ничего серьезного и позитивного. Их полуподпольная, затрудненная деятельность под наблюдением ничуть не характеризует либертарное движение в России. Во всех странах и во все эпохи такие осколки уничтоженных государством организаций влачили тягостное и бесплодное существование вплоть до неизбежного полного истощения. Теплившаяся в них жизнь изобиловала уклонами, метаниями,

расколами, что, если честно, нельзя ставить им в упрек, ибо они не имели никакой возможности для нормальной деятельности.

И об этих осколках говорит Ярославский, делая вид, что речь идет о подлинном анархистском движении.

«Союз анархо-синдикалистской пропаганды Петрограда» и его газету «Голос Труда» Ярославский упоминает только один раз, походя и лишь потому, что хочет сфальсифицировать факты. Он не говорит ни о Московской федерации, ни о газете «Анархия». А когда посвящает несколько строк украинскому «Набату», то опять-таки с целью исказить истину.

Если бы Ярославский был честен, он должен был бы основное внимание уделить этим трем организациям и процитировать их прессу. Но ему прекрасно понятно, что подобная беспристрастность разрушила бы все его домыслы, то есть не соответствовала бы самой цели предпринятого им «труда». И отрицает все, что неопровержимо доказывает серьезные основы, позитивное значение и влияние анархистского и анархо-синдикалистского движения в России во время Революции 1917 года.

Тем более ни слова не говорит Ярославский о гонениях, репрессиях, насильственном подавлении движения. Ибо, сказав правду, он опроверг бы собственные лживые тезисы.

По его мнению, анархисты в 1917 году «были против социалистической и пролетарской Революции». Он считает, что либертарное движение угасло само собой, из-за собственной непопулярности и бессилия.

Читатель знает, что верно как раз обратное. Именно потому, что либертарное движение быстро развивалось и росло, завоевывая симпатии и успех, большевики поспешили подавить его в зародыше при помощи самого банального насилия: грубого использования военной и полицейской силы.

Но если бы Ярославский признал эту истину, она обрушила бы всю его конструкцию! И он лжет, уверенный в невежестве своих читателей и в том, что некому будет ему возразить.

Если я позволил себе задержаться на этом примере, то лишь потому, что такая манера изложения является *типичной*. Все большевистские работы об анархизме следуют той же модели и похожи как две капли воды. Указание идет сверху. Большевистским «историкам» и «писателям» остается только следовать ему. Для уничтожения либертарной идеи все средства хороши. Работа такая делается по заказу и хорошо оплачивается. Она не имеет ничего общего с *исторической истиной*, которую мы стремимся установить.

Глава X. Большевистское «правосудие»

Нам остается вкратце рассмотреть *административные и судебные* методы большевиков в ту эпоху.

Впрочем, по сути своей с тех пор эти методы почти не изменились. Сейчас они, возможно, используются не столь часто. Но совсем недавно подобные меры применялись к «троцкистам», старым большевикам-антисталинцам, чиновникам, попавшим в немилость: полицейским, военным и другим.

Как мы говорили, в России существует политическая полиция, которая действует тайно: имеет право тайно арестовывать людей безо всяких процедур, тайно «судить» их без свидетелей и защиты, тайно «приговаривать» к разного рода наказаниям, включая смертную казнь, продлевать заключение или ссылку, как ей угодно.

В этом вся суть. Ужасный режим в тюрьмах и ссылке — на чем мы настаиваем вопреки всем заявлениям обманутых или подкупленных иностранных «делегаций» — лишь усугубляет положение. Даже если бы режим в русских тюрьмах носил гуманный характер, как то утверждают официальные лица и их подголоски, нельзя, тем не менее, отрицать, что честные труженики могут быть произвольно вырваны из своей среды, брошены в тюрьму и лишены права бороться за свое дело, ибо так решила кучка функционеров.

В описываемую нами эпоху эта всемогущая полиция называлась ЧК — Чрезвычайная Комиссия.

ЧК была создана в конце 1917 года по инициативе Ленина. В нее входили коммунисты, зарекомендовавшие себя в борьбе против царизма и пользовавшиеся безграничным доверием Центрального Комитета Российской Коммунистической партии.

В то время коммунисты оправдывали существование этого института и особенности его деятельности необходимостью эффективно противостоять многочисленным заговорам, угрожавшим Революции. Позднее этот аргумент утратил смысл. Но ЧК сохранилась. Теперь речь шла о защите Власти от Революции!

В 1923 году смена названия на ГПУ (Главное Политическое управление) немного изменило в практике этого учреждения. С тех пор не менялось ничего, только начальники. Имена Дзержинского, создателя и вдохновителя ЧК, скорострительно скончавшегося или, как утверждали некоторые, убитого по приказу Сталина на своем посту; Ягоды, казненного после одного из пресловутых «процессов»; сменившего его и загадочно исчезнувшего Ежова и др. достаточно известны за рубежом.

ЧК никогда не предоставляла отчетов о своей работе — ни трудящимся, ни их «избранникам». Ее деятельность всегда была окружена величайшей тайной. На нее работала широкая сеть тайных агентов, значительная часть которых пришла из бывшей царской полиции. Кроме того, ЧК использовала доносы, которые вменялись в обязанность каждому коммунисту.

Произвол, злоупотребления, преступления, совершаемые в застенках этого учреждения, превосходят всякое воображение. Разумеется, мы не можем здесь перечислить их все: это заняло бы еще один том. Историк будущего ужаснется, когда обнаружит в открывшихся архивах эти чудовищные человеческие документы.

В описываемую нами эпоху политические дела слушались за закрытыми дверями. Впрочем, даже теперь открытые процессы являют собой исключение.

Приговоры нигде не публиковались. Позднее в нескольких строчках иногда сообщалось, что рассматривалось то или иное дело и было вынесено то или иное решение. Мотивы не указывались.

Приговоры, как правило, обжалованию не подлежали.

Приведением приговоров в исполнение занималась также сама ЧК. Если речь шла о смертной казни, заключенного выводили из камеры, и чекист-палач стрелял ему в затылок, когда тот спускался по последним ступеням лестницы, ведущей в подвал. Захоронения производились тайно. Тела никогда не выдавали родственникам. Очень часто последние узнавали о казни близкого человека по косвенным признакам: по отказу тюремной администрации принять передачу. Ответом им была краткая в своей простоте, ставшая классической фраза: «Такой-то в списке заключенных больше не значится». Это могло означать перевод в другую тюрьму или ссылку. Или смерть. Других объяснений не допускалось. Родственники должны были сами наводить справки и узнавать, что же произошло.

Ссылка, всегда в административном порядке, означала отправку в самые удаленные и неблагополучные места огромной страны: либо в жаркие и болотистые — чрезвычайно вредные для здоровья — районы Туркестана, либо на Крайний Север, на границы ужасного Нарымского или Туруханского края.

Достаточно часто правительство «забавлялось», отправляя людей в Туркестан, а затем неожиданно переводя их на Север или наоборот. Это было верное средство отправить их на тот свет.

Переписка того времени между Комитетом Помощи и анархистами, сосланными на Север, раскрывает весь физический и нравственный кошмар «жизни» этих жертв. Прибыв на место назначения, они оказывались в полной изоляции от остального мира. Во многие места — забытые Богом деревни и поселки, население которых жило охотой и рыболовством — почта приходила два или даже один раз в год. Некоторые из этих поселений представляли собой лишь 4–5 хижин, затерянных в снежной и ледяной пустыне.

Ссылные страдали от всевозможных болезней, вызываемых недоеданием, холодом, бездействием: цинги, туберкулеза, сердечных и желудочных заболеваний. Жизнь становилась пыткой, а смерть представлялась избавлением от мук.

Тюрьмы, куда бросали анархистов, синдикалистов, «оппозиционеров», простых рабочих, крестьян и других граждан, несогласных с властями или только подозреваемых в этом, никогда не посещались «иностранными делегациями». Делегатам, как правило, показывали Сокольники, Лефортово, отдельные пристройки Бутырок, где содержались контрреволюционеры, спекулянты и уголовники. Иногда последних заставляли говорить, что они «политические заключенные», и хвалить тюремные порядки, за что обещали сократить срок заключения. Некоторые делегации смогли посетить тюрьму в Тифлисе, где содержались социал-демократы. Но есть тюрьмы,

куда никогда не ступала нога зарубежных делегатов или путешественников. Это Соловецкий лагерь, часто упоминаемый иностранной печатью; Суздальская тюрьма (в перестроенном здании бывшего монастыря); «политические изоляторы» в Верхнеуральске, Тобольске, Ярославле. К этому списку можно добавить еще множество тюрем и лагерей, построенных по всей стране. Они совершенно неизвестны людям наивным или пристрастным, которые, возвратившись из «первой в мире социалистической страны» и «изучив» ее, осмеливаются восхвалять «новый пенитенциарный режим, созданный в СССР».

Подумать только, Ромен Роллан утверждал, что не обнаружил в России никаких признаков административного произвола!..

Насилие, репрессии, развязанные против народа, террор — вот что венчает дело большевиков, их так называемый «советский» режим.

Чтобы оправдать эти ужасные вещи, они ссылаются на интересы Революции. Нет ничего лживее и лицемернее этой попытки самооправдания.

Анархисты в России были уничтожены; они не могут больше жить в ней лишь потому, что отстаивают принципы Социальной Революции, борются за подлинную экономическую, политическую и социальную свободу народа.

Революционеры и сотни тысяч простых российских трудящихся были уничтожены новой Властью и новым привилегированным слоем, которые, как все власти и привилегированные слои мира, лишены революционного духа и удерживают бразды правления лишь благодаря своей жажде господства и эксплуатации. Их система опирается на хитрость и насилие, как и любая другая авторитарная и государственная система, непременно господствующая, эксплуатирующая и угнетающая.

Государственно-коммунистический режим является лишь разновидностью режима фашистского. Сейчас как никогда необходимо, чтобы трудящиеся всех стран осознали это, задумались и извлекли уроки из этого чудовищного отрицательного опыта.

Впрочем, такому пониманию с большой вероятностью будут способствовать происходящие и назревающие в мире события.

Сейчас, в декабре 1939 года, когда я пишу эти строки, большевизм выходит наконец из своей российской «клетки». И мы увидим, на что он способен. В окончательных результатах его экспансии у меня нет никаких сомнений.

Развитие событий позволит также, надеюсь, глубже понять дух этой книги и ее новизну.

И наоборот (я также надеюсь), моя книга поможет лучше осмыслить некоторые факты.

В числе прочего станет понятнее приход к власти такого человека, как Сталин.

Действительно, Сталин «не с луны свалился». Сталин и «сталинизм» — всего лишь логические последствия определенной эволюции, явившейся результатом ужасного заблуждения, губительного отклонения Революции с ее пути.

Именно Ленин и Троцкий — то есть созданная ими система — подготовили почву для этого и взрастили Сталина.

Верно, что не все способны мыслить логически.

Но пусть они прозреют, пока не стало слишком поздно!

«Вот факты, которые демонстрируют извечную чудовищность власти. Пусть они заставят в ужасе отступить тех, кто слепо бросается на путь Диктатуры, будь то во имя высшего идеала или же следуя самым логичным формулам социологии. Пусть они накануне событий, могущих привести к революционной ситуации, заставят принять все необходимые предосторожности, не только чтобы избежать ловушек, в которых были разбиты и погибли русские анархисты, но и чтобы в час революции суметь противопоставить свои практические концепции производства и распределения благ проектам коммунистических диктаторов».

Эти слова — прекрасные, сильные и верные — были написаны одним анархистом более пятнадцати лет назад, в разгар событий. Позднее, незадолго до смерти, его анархические убеждения оказались поколеблены. В минуту заблуждения он принял большевизм.

К счастью, если люди — существа в целом слабые и непоследовательные — отрекаются, изменяются и уходят, *истины*, провозглашенные ими в свое время, *остаются!*

Часть 5. Большевистское государство

В конце 1921 года коммунисты окончательно почувствовали себя хозяевами положения. По крайней мере, им не угрожала никакая непосредственная опасность. Их враги и противники, внешние и внутренние, справа и слева, отныне не оказывали сопротивления.

Начиная с 1922 года большевики могли полностью посвятить себя упрочению собственного государства.

И упрочение это продолжается до сих пор.

Говоря здесь о большевистском государстве после 1921 года, я, на первый взгляд, нарушаю хронологический порядок повествования и предвосхищаю ход событий. Действительно, окончательному формированию этого государства предшествовали Кронштадтское выступление (март 1921 года) и события на Украине (1919–1921 гг.).

Но только на первый взгляд. Это отступление не нарушает последовательности изложения. Напротив, наша книга только выигрывает от этого, поскольку такие пояснения носят скорее аналитический, нежели чисто исторический характер.

С одной стороны, современное российское государство в своих характерных особенностях является лишь логическим продолжением того, что было создано и утвердилось в 1918–1921 гг. Последующие изменения представляли собой незначительные исправления и дополнения. В дальнейшем мы это отметим.

С другой стороны, и это самое важное, читатель не сможет понять сути, причин, масштаба, развития таких событий, как Кронштадтское выступление и движения на Украине, *если не ознакомится предварительно с тем, что свидетельствует о подлинном характере этого государства.*

Вот почему мы вынуждены, в интересах наших читателей, сначала дать целостную картину сложившегося государства, а затем рассказать о Кронштадте и Украине.

Глава I. Характер государства

Большевистское государство, основы которого были заложены в 1918–1921 гг., существует уже два десятка лет.

Что же оно собой представляет?

Оно называется Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Оно называет себя «пролетарским» или «рабоче-крестьянским». Оно заявляет, что осуществляет «диктатуру пролетариата». С гордостью считает оно себя «отечеством трудящихся», опорой революции и социализма.

Где здесь правда? Подкрепляются ли подобные заявления и утверждения конкретными фактами и делами?

На эти вопросы нам позволит ответить краткий анализ.

Я сказал: *краткий* анализ. Действительно, подробное и достаточно полное исследование современного российского государства — отдельная тема, выходящая за рамки нашей книги. С другой стороны, после всего вышеизложенного достаточно представить себе его общую картину. Дополним и проанализируем то, о чем уже говорилось.

Пользуясь случаем, сообщу неискушенному читателю, что во Франции к настоящему времени появилось большое количество книг, брошюр, газетных и журнальных статей, позволяющих составить довольно точное представление о структуре, функционировании и духе «советского» государства. Многочисленные работы, выходящие в последние годы, прекрасно раскрывают подлинный характер этого государства: особенности правления, положение трудящихся масс, состояние экономики, культуры и др. В этих книгах показана скрытая «изнанка» режима, его просчеты и «тайные болезни».

Естественно, авторы этих работ не стремятся углубиться в проблему, установить причины и следствия вырождения. Тем более ни слова не говорят они об «ином пламени»¹ — либертарной идее, ее роли и судьбе в русской Революции. Для них, как и для многих других, все это остается терра инкогнита. Они не видят выхода, лишь искренне констатируют факты. А также показывают, что Революция пошла по неверному пути, на котором ее ожидает неминуемый крах. В целом эти исследования содержат богатую и ценную фактографию.

Мы же здесь ограничимся «общей картиной», которой для нас вполне достаточно. Ибо нас интересует именно *общий характер* этого государства в той мере, в какой он способствует пониманию хода событий.

Выше мы говорили о том, что первоочередной заботой пришедшей к власти партии большевиков было огосударствление всякой деятельности, всей жизни в стране:

¹ Выражение, по-видимому, заимствовано из книги П. Истрати «К иному пламени», критикующей советский режим. — *Прим. перев.*

всего, что только можно было огосударствить. Речь шла о создании такого режима, который в современной терминологии принято называть «тоталитарным».

Владея достаточными силами принуждения, партия и правительство большевиков наилучшим образом использовали их для выполнения этой задачи.

Именно в процессе ее выполнения коммунистическая Власть создала огромный бюрократический аппарат. Она сформировала многочисленную и мощную касту «ответственных работников», которая составляет сегодня наиболее привилегированный слой населения и насчитывает приблизительно два миллиона человек. Подлинная хозяйка страны, армии и полиции, она защищает, почитает и восхваляет Сталина — своего кумира, «царя», единственного человека, которого считает способным поддерживать «порядок» и сохранять ее привилегии.

Большевики легко и быстро огосударствили, монополизировали, «тотализировали» всю администрацию; рабочие, крестьянские и другие организации; финансы; средства транспорта и сообщения; недра и горнодобывающую промышленность; внешнюю и в значительной степени внутреннюю торговлю; крупную промышленность; землю и сельское хозяйство; культуру, просвещение и образование; печать и литературу; искусство, науку, спорт, развлечения, даже мышление, во всяком случае, все его внешние проявления.

Легче и быстрее всего было огосударствить рабочие организации — Советы, профсоюзы, заводские комитеты и др. Они лишились своей независимости и стали просто административными и исполнительными придатками партии и правительства.

Все было проделано очень ловко. Рабочие даже не заметили, как оказались связанными по рукам и ногам. Поскольку государство и правительство теперь были *«их собственными»*, это казалось им естественным. Они сочли нормальным, что в *«рабочем»* государстве их организации лишь выполняют решения *«товарищей комиссаров»*.

Вскоре эти организации лишились права на какую бы то ни было самостоятельную деятельность.

В итоге они осознали свою ошибку. Но было слишком поздно! Когда некоторые рабочие организации, обеспокоенные отсутствием свободы в своих действиях и чувствовавшие, что «не все в порядке в царстве Советов», выразили недовольство и захотели вернуть себе определенную независимость, правительство воспротивилось этому со всей энергией и хитростью. С одной стороны, оно немедленно приняло принудительные меры. С другой, попыталось действовать убеждением. «Поскольку, — на голубом глазу заявляло оно рабочим, — у нас теперь рабочее государство, где трудящиеся осуществляют свою диктатуру и владеют всем, это государство и его органы — *ваши*. Тогда о какой «независимости» может идти речь? Подобные требования бессмысленны. Независимость от чего? От кого? *От вас самих?* Ведь теперь государство — *это вы!*.. Не понимать этого — значит не понимать свершившейся революции. Выступать против такого положения вещей — значит выступать против самой Революции. Подобные идеи недопустимы, ибо они могут вдохновляться лишь врагами Революции, рабочего класса, его государства, его диктатуры и власти рабочих. Те из вас, кто еще настолько несознателен, что прислушивается к нашептываниям врагов и их вредным советам (ибо в вашем юном государстве пока не все наладилось), ведут себя как настоящие контрреволюционеры».

Само собой разумеется, все, кто упорствовал в своих протестах и требованиях, подверглись беспощадному разгрому.

Труднее всего было окончательно огосударствить землю, сельское хозяйство, искоренить индивидуального сельского труженика. Как известно, это осуществил Сталин. Но с тех пор ситуация время от времени серьезно обостряется. Борьба между государством и крестьянскими массами возобновляется, принимая различные формы.

Поскольку все, необходимое для труда и деятельности людей — иначе говоря то, что в широком смысле слова является *капиталом* — в России принадлежит *государству*, в этой стране существует настоящий *государственный* капитализм.

Государственный капитализм — такова экономическая, финансовая, социальная и политическая система в СССР со всеми логически вытекающими отсюда последствиями и явлениями в любых сферах жизни: материальной, нравственной, духовной и др.

Правильнее было бы назвать это государство не СССР, а СГКР — Союз Государственных Капиталистических Республик.

В экономическом плане это означает, что государство является *реальным и единственным собственником* всех богатств страны, всего «национального достояния», всего необходимого миллионам людей для того, чтобы жить, работать, действовать (включая, подчеркнем, золото и финансовый капитал, как национальный, так и иностранный).

Это самое главное, что необходимо понять прежде всего. Остальное — только неизбежные последствия.

Социальную же сущность системы мы рассмотрим в следующей главе.

Глава II. Положение рабочих

Как и в других странах, в СССР (СГКР) рабочий является *наемным работником*. Но он наемный работник *государства*. Государство — его единственный работодатель. Тогда как в частнокапиталистических странах хозяев тысячи, «на выбор», в СССР (СГКР) он только один. Сменить хозяина невозможно.

Утверждают, что, будучи «рабочим», это государство не является «работодателем» в обычном смысле слова: прибыль, которую оно извлекает из производства, идет не в карман капиталистов, а служит, в конечном итоге, интересам рабочих, то есть возвращается к ним в иных, не денежных формах.

Каким бы хитроумным ни казался этот вывод, он является чисто умозрительным. «Рабочим» государством руководят¹ не сами рабочие (трудящиеся могли бы управлять производством лишь в совершенно иной социальной системе, несовместимой с современным централизованным государством), а очень широкий слой чиновников на содержании правительства, который образует замкнутую группу, не связанную с трудящимися массами и действующую по своему усмотрению. Скажут, что чиновники «несут ответственность» перед рабочими. Очередная абстракция. Действительность не имеет ничего общего с этими формулировками.

Спросите у любого рабочего в СССР — но только у простого, настоящего рабочего, — в какой форме он пользуется прибылью, извлекаемой государством из его труда. Он вас даже не поймет: ему об этом ничего не известно. Он знает лишь, что получает свою маленькую зарплату, которой не хватает, и жизнь невероятно тяжела. И что многие в стране живут «замечательно» (Сталин dixit), сытно, даже роскошно.

Спросите его, может ли он оказывать давление на «ответственных работников», критиковать их, призывать к порядку, смещать и заменять их. Он опять вас не поймет. Ему известно лишь, что он должен исполнять приказы своих начальников, которые «знают свое дело», и что самая робкая критика дорого ему обойдется. А правительство непогрешимо и неуязвимо: его ответственность перед народом — миф.

Каково же реальное положение рабочего в СССР? Отличается ли оно по существу от положения трудящихся частнокапиталистических стран?

Как и повсюду, советский рабочий в день полочки подходит к окошку, где ему выдают зарплату. Выдает ее чиновник, кассир единственного хозяина — государства.

Чиновник производит расчеты по ставкам, установленным правительством. Из зарплаты он удерживает столько, сколько считает нужным удержать хозяин-государство: такую-то сумму на взносы в Красный Крест, такую-то — в качестве

¹ Разумеется, я использую слово «руководить» в значении *организовывать, управлять* (социальный термин), а не в значении *править* (политический термин). *Правительство*, даже состоящее из рабочих (что не относится к СССР), может служить лишь интересам некоего привилегированного слоя, который неизбежно формируется в политической, государственной системе.

налога («добровольно-принудительного» — еще один советский софизм), столько-то на ведение пропаганды за границей, столько-то за облигации государственного займа (тоже «добровольно», но обязательно) и т. д. После чего выдает оставшееся рабочему, как любой кассир в любой «лавочке» во всем мире. Разумеется, рабочий меньше всех знает, сколько государство имеет с его зарплаты и что оно с этими барышами делает. «Это дело правительства», и рабочий даже не думает в него соваться, настолько слабо осознает он проблему.

Но в частнокапиталистической стране рабочий, если он недоволен, может уйти от одного работодателя к другому. Может перейти на другой завод, направиться, куда захочет, сделать все, что угодно. **В СССР это невозможно, потому что есть только один хозяин, владелец всех предприятий. Согласно недавно принятым законам, рабочий даже не имеет права «брать расчет» и увольняться по своему усмотрению, без веских причин².** Для этого необходимо разрешение заводской администрации. Отметим, что администрация состоит из чиновников, которые давно пришли на смену заводским комитетам. Таким образом, рабочий *привязан* к своему рабочему месту, подобно крепостному или рабу³.

Если рабочий уходит с завода без особого разрешения, *записанного в его трудовую книжку*, или увольняется за какую-нибудь провинность, он не может больше никуда устроиться, не получив, опять-таки, специальное разрешение. Ни один директор завода, ни один чиновник, ни даже хозяин-государство не наймет его, иначе последует суровое наказание.

В таких условиях хозяин-государство может делать с рабочим все, что захочет. Оно обращается с ним как с рабом. Рабочий вынужден смириться с чем угодно — у него нет ни права выбирать хозяина, ни средств защиты (профсоюзы находятся в руках правительства-работодателя и делают вид, что не понимают, как они могут защищаться от «своего собственного правительства»), ни иных возможностей жить, кроме как в цепях. Разве только «выкручиваться» по мере сил. Более того, он не может жаловаться или даже как-то заявлять о себе, печать также находится в руках его «правительства», только оно имеет право голоса, и собрания проводится лишь по официальному указанию. В такой большой стране как Россия лучшим способом «выкручиваться» во все времена было бродяжничество. Тысячи и тысячи бывших рабочих, уйдя с завода «не как положено» и «находясь в бегах», возобновляют старую традицию, становятся бродягами и образуют огромную массу *безработных*, о которых советская печать, естественно, ничего не говорит.

² С 15.12.1930 всем промышленным предприятиям было запрещено принимать на работу лиц, уволившихся с прежнего места работы без специального разрешения. Вскоре в СССР были введены трудовые книжки (с 11.02.1931 для промышленных и транспортных рабочих, с 20.12.1938 — для всех категорий трудящихся) и паспорта (27.12.1932), что окончательно ликвидировало возможность свободного выбора места работы и жительства. В 1932 была отменена ст. 37 КЗоТ, разрешавшая переводить работника с одного предприятия на другое только с его согласия. Наконец, 19.10.1940 был принят Указ СНК СССР, прямо позволяющий переводить работников на другие предприятия без их согласия.

³ Пусть читатель не думает, будто мы отдаем предпочтение частному капитализму. Я лишь констатирую факт, не более того. Очевидно, что свобода выбора эксплуататора — ценность невеликая. Но жить и работать, находясь под постоянной угрозой потерять единственного эксплуататора, еще менее привлекательно. Эта угроза, все время нависающая над рабочим в СССР, превращает его в законченного раба. Вот и все, что мне хотелось сказать.

Законы, касающиеся пролетариата в целом и заводских рабочих в частности, крайне суровы. За их нарушение десятки тысяч рабочих томятся и гибнут в тюрьмах и ссылке⁴.

Условия труда тяжелы. Во-первых, за исключением крупных промышленных центров, санитарно-гигиеническая обстановка в цехах плачевна, общая атмосфера подавляет. **Во-вторых, тяжелая сдельная работа и система Тейлора применяются практически повсеместно⁵.**

Об этом свидетельствует пресловутое «стахановское движение»⁶.] (В некоторых работах читатель найдет немало неопровержимых доказательств нашим словам).

Естественно, «государственный» рабочий в СССР является, по меньшей мере, в принципе, *современным* рабом: если он *покорен и старателен*, «сеньор» (государство) достаточно хорошо с ним обращается, дает ему оплачиваемый отпуск и пр.

Тем не менее, на самом деле это относится лишь к очень ограниченной части рабочего класса. Последний разделен на несколько категорий. Различия в условиях

⁴ Закон от 15.11.1932 предусматривал увольнение и выселение из ведомственного жилья промышленных рабочих и шахтеров за однодневный прогул. Указ СНК СССР от 28.12.1938 предусматривал систему наказаний за опоздания и «бездельничание на работе», по которому за 20-минутное опоздание следовало увольнение. Вскоре, с 26.06.1940 Верховным Советом СССР было принято постановление, по которому однодневный прогул наказывался шестью месяцами принудительных работ. Нужно учесть, что в СССР от непрерывности стажа зависели размеры пенсии и страховых пособий по болезни.

⁵ В 1929 на сдельной системе оплаты труда находилось 29 % общего числа рабочих. В 1931 — уже 65 %, а в 1938 — 75 %.

⁶ За пределами России подоплека «стахановского движения» недостаточно известна.

Термин возник от имени шахтера *Стаханова*, избранного партией большевиков и властями ввиду широкой кампании по интенсификации производительности труда. Магнаты «советского» неокapиTaлИзма стремились внедрить в СССР принципы *системы Тейлора*, при этом не желая называть ее своим именем и устроив так, чтобы инициатива исходила как бы снизу.

Однажды Стаханов, якобы по собственному почину, заявил своим начальникам, что открыл новый принцип организации труда в угледобыче, который позволит увеличить производительность в х раз. Правительство открытием «заинтересовалось», сочло его полезным, раздуло его и организовало широкую кампанию за *всеобщее* внедрение нового метода.

На самом деле Стаханов, которого надоумила партия, как говорится, «открыл Америку»: его «новый» метод оказался старым, давно известным и возник по ту сторону Атлантики — речь шла о *конвейере* применительно к российским условиям. Но специфическая «рекламная кампания» сделала из него необыкновенную и гениальную находку. Глупцы и простаки за границей приняли это всерьез.

«Открытие» сыграло на руку государству-хозяину: прежде всего, оно позволяло надеяться на общий подъем производительности труда; затем, создавало условия для быстрого формирования слоя *привилегированных рабочих*, весьма полезного, так как эти привилегированные, как правило, были неплохими лидерами, призванными облегчить манипулирование и эксплуатацию рабочей *массы*; наконец, в определенных кругах поднимало престиж государства-хозяина.

«Почин был положен» благодаря массивной рекламе в печати, на митингах и т. д. Стаханова объявили «героем труда», наградили... Его система стала применяться в других отраслях промышленности. Повсюду нашлись завистники — «соревнующиеся», — которые начали подражать ему и даже кое в чем превзошли. Все эти люди надеялись выделиться, «выдвинуться из рядов», «сделать карьеру», разумеется, в ущерб *всем* рабочим, вынужденным смириться с новыми темпами, то есть с возросшей эксплуатацией под наблюдением «героев». Последние делали карьеру за счет других. Они добивались преимуществ и привилегий в той мере, в какой им удавалось применять систему и вовлекать в нее массы. «Соревнование стахановцев» друг с другом породило «сверхстахановство».

Массы рабочих быстро осознали подлинный смысл новации. Не имея сил создать для противостояния «сверхэксплуатации» массовое движение, они проявляли свое недовольство в многочисленных

их жизни варьируются от достатка до нищеты. Милости, о которых говорилось выше, оказываются лишь «достойным их» рабочим. Чтобы иметь достаток, отпуска и другие преимущества, их надо заслужить, выделиться из стада, «пробиться наверх».

Подавляющее большинство трудящихся в СССР влачит нищенское существование, особенно неквалифицированные рабочие, мелкие служащие и рабочий класс в целом.

Другие рабы, квалифицированные и привилегированные, живут относительно «хорошо» и образуют нечто вроде «рабочей аристократии».

Чаще всего последние презирают и отвергают своих несчастных товарищей по классу. Борьба за существование в СССР сурова. Тем хуже для жертв! Пусть выпутываются сами! Если ими заниматься, сам окажешься на их месте. А квалифицированный и привилегированный рабочий, настоящий «стахановец» — достойный ученик пресловутого Стаханова, первого удачливого рабочего-карьериста — мечтает об улучшении своего положения. В один прекрасный день он надеется покинуть ряды рабов и стать чиновником, каким-нибудь начальником, может быть, даже директором... Для этого он делает все возможное: лезет из кожи вон, работает за четверых, обучает молодежь, которая займет его место на заводе, всеми силами старается, чтобы его заметили, учится, если возможно, всегда согласен с властями и не упускает случая подчеркнуть это, становится кандидатом в члены партии. Лыстит и угождает здесь, рисуется там. Но главное — не церемониться ни с окружающими, ни со своими конкурентами. Да, борьба за жизнь в СССР сурова.

Рабочие-«стахановцы» чаще всего являются «лидерами», роль которых заключается в том, чтобы демонстрировать рабочей массе возможности интенсифицировать производство. Им хорошо платят и предоставляют привилегии, особенно «сверхстахановцам», «асам» «стахановского движения». Они также призваны показывать рабочим, что если много работать, можно жить «приемлемо и даже замечательно» (Сталин dixit).

В большинстве случаев, добившись «рекордной производительности труда», «стахановец» уже не может оставаться на заводе: рабочие сживают его со свету. Обычно власти проявляют заботу о своем преданном служаке: чаще всего его отправляют в санаторий, где он «неплохо» живет несколько месяцев; затем назначают на административную должность в Москве или другом крупном городе, выделяют симпатичную дачку, и он ведет «замечательную» жизнь, получая зарплату и пользуясь преимуществами в зависимости от оказанных услуг. Его карьера состоялась. Он чиновник. Он «вышел из стада».

Всеми этими способами — «стахановским» и «сверхстахановским движениями», разделением работников на категории — «коммунистическое» правительство успешно *разобщает массу рабочих и руководит ей*. Одновременно оно создает рабски преданный ему привилегированный слой, который держит «стадо» в напряжении и слугит «буфером» между хозяевами и рабами.

актах саботажа или мести, вплоть до убийства слишком рьяных «стахановцев». Чтобы подавить антистахановское движение, пришлось прибегнуть к крайне суровым мерам. Впрочем, затею вскоре оставили. Ее последствием явился своего рода рабочий карьеризм, играющий в производстве весьма незначительную роль.

Таким образом новые хозяева — «коммунисты» — в отношении трудящихся масс исповедуют извечный принцип: разделяй и властвуй. И утешают «стадо» извечными же речами: «Рабочие! Вы хотите «выдвинуться»? Теперь это зависит только от вас самих, ибо каждый способный, прилежный и преданный человек может стать «кем-нибудь». Тем, у кого это не получилось, «неудачникам», остается винить только себя!»

Согласно подробным и объективным подсчетам экономиста Е. Юрьевского, *использовавшего статистические данные правительства СССР*, в 1938 году на примерно 18 миллионов рабочих приходилось полтора миллиона (8 %) бывших или привилегированных рабочих — стахановцев, сверхстахановцев и др.

Понятно, что правительство поощряет подобный карьеризм, из которого извлекает значительные прибыли, впрочем, не называя его своим именем. Говорят о «благородном соревновании», «почетном рвении на службе пролетариату» и т. д. За «рвение» награждают. Существует даже целая прослойка «орденоносцев».

Из самых «достойных» правительство создает своего рода новое «советское» дворянство, а также новую государственно-капиталистическую буржуазию — прочные опоры режима.

Именно их имел в виду Сталин, «великий вождь», когда говорил: «Жить стало лучше, жить стало веселее...»

Стадо, как и повсюду, остается стадом. Как и везде, правительство имеет достаточно средств, чтобы держать его в повиновении.

Заявляют, что подобные меры готовят переход к «подлинному коммунизму».

Мы задавались вопросом, предпочтительнее ли участь рабочего в СССР участи рабочего частнокапиталистических стран. Но на самом деле проблема не в этом; вернее было бы поставить ее так: является ли такое положение вещей *социализмом* или, по крайней мере, *его «зарей»*? Могут ли привести к нему такая организация общества, такой настрой в нем?

Предлагаем читателю самому ответить на эти — и некоторые другие — вопросы, когда он прочитает нашу книгу.

Глава III. Положение крестьян

Здесь следует выделить четыре периода.

Сначала, стремясь завоевать симпатии широких трудящихся масс и армии, правительство большевиков проводило по отношению к крестьянам политику «невмешательства».

Крестьяне, как известно читателю, задолго до Октябрьской революции начали захватывать поместья, владельцы которых бежали или были изгнаны. Правительству большевиков оставалось лишь узаконить такой порядок вещей (декретом от 25 октября 1917 года).

«Мир» армии, «земля» крестьянам, «рабочий контроль» пролетариату: таковы были требования этих [социальных] групп в мартовской революции, — констатирует П. Милюков, известный русский историк и писатель, бывший министр первого Временного правительства. — Большевики... в самой наглядной форме предлагали: возьмите все это сами — и сейчас же. Именно *эти* обещания, данные в такой непосредственной форме, они и принялись осуществлять после захвата власти, для ее закрепления за собой¹. Эти слова буржуазного лидера во многом верны, хотя он и не учитывает влияния пропаганды и деятельности революционеров. Несмотря на эту оговорку, его свидетельство представляется особенно интересным. Милюков был внимательным наблюдателем и знатоком российской жизни. Пост, который он занимал, предоставлял ему всю полноту информации. Наконец, у него не было никаких причин принижать роль большевиков, напротив... (Отметим в скобках, что это свидетельство весьма показательно не только в отношении рабочих и крестьян во время революции, но и в том, что касается войны.)

Совет всем тем, кто, намеренно или по незнанию, утверждает, будто Революцию совершили не народные массы, а большевики. Необходимо учитывать одну вещь. Октябрьская, а также февральская Революции были по сути *делом народа*, разумеется, с помощью и при поддержке революционеров всей направленности. Массы были готовы к новой Революции; они осуществляли ее каждый день повсюду на местах. Именно это означает «совершить революцию». Что касается большевиков, то они совершили акт чисто политический, захватив власть, *которая в ходе этой народной Революции неизбежно должна была пасть*. Своим политическим жестом большевики остановили подлинную Революцию и придали ей неверное направление².

¹ Милюков П. Н. Россия на переломе: Большевицкий период русской революции. т. 1, Париж, 1927, с. 123, 124.

² Большевики утверждают, что если бы они не взяли власть, это сделала бы контрреволюция, и Революция потерпела бы поражение. Утверждение это немногого стоит. Большевики смогли захватить власть, *потому что широкие народные массы были на стороне Революции*. Особенно рабочие, крестьяне и солдаты. Рабочие, захватившие заводы, крестьяне, взявшие землю, революционеры, помогавшие тем и другим, и солдаты, поддерживавшие Революцию, — *какая сила без промышленности, средств, массовой поддержки и армии смогла бы остановить ее?* Заграница? Кто знает, как сложилась бы ситуация в

Это подтверждает основной тезис анархистов. Действительно, они считают, что при необходимых и благоприятных условиях массы вполне способны совершить Революцию самостоятельно, с помощью революционеров и в сотрудничестве с ними. Анархисты добавляют — и это главное в их концепции, — что и после победы *Революция должна следовать по тому же самому пути*: свободная деятельность масс при поддержке революционеров всех направлений — не допуская, чтобы какая-нибудь политическая партия, уничтожив соперников, встала у власти, навязала свою диктатуру и монополизировала Революцию.

Таким образом, вначале — это *первый период* — Ленин не трогал крестьян. Поэтому они поддержали его, дав ему необходимое время для упрочения своей Власти и Государства. Тогда говорили даже — особенно за границей, — что крестьяне более всего выиграли в русской Революции, и что большевики, вопреки своей марксистской доктрине, будут в итоге вынуждены опереться не на рабочий класс, а на крестьянство.

Но позднее — *второй период*, — по мере того, как крепло государство, и города, где ощущалась нехватка продовольствия, обращали свои взоры к деревне, Ленин начал все больше и больше смыкать кольцо вокруг крестьян.

Если бы городских промышленных рабочих были свои независимые и активные организации, свобода деятельности и инициативы, они, конечно, установили бы с крестьянами непосредственные и плодотворные контакты по обмену продукцией и др³. Можно не сомневаться, что подобные контакты между свободными производителями и потребителями города и села в итоге на деле удачно разрешили бы главную проблему Социальной Революции — проблему отношений между двумя трудящимися классами, двумя основными составляющими национальной экономики.

Но дело в том, что рабочие и их организации не имели никакой свободы деятельности и инициативы. Крестьяне тем более. Все оказалось сконцентрировано в руках государства, правительства. Только оно могло действовать, предпринимать что-либо, решать проблемы.

Естественно, что в подобных условиях все зависело от его решений.

Крестьяне, которые, получив предложения рабочих, конечно, по своей инициативе, самым естественным путем просто предоставили бы все необходимое городу, не делали ничего, поскольку правительство — для этого-то оно и существовало! — не давало никаких указаний.

В соответствии со своей ролью правительство встает между двумя классами трудящихся и разделяет их. Следовательно, оно мешает им договариваться между собой, стремится выступать в роли посредника, арбитра.

А исходящие от правительства «распоряжения» не имеют ничего общего с непосредственными отношениями между трудящимися. По самой своей природе они могут быть лишь предписаниями, командами, приказами.

других странах и их отношение к событиям, если бы русская Революция пошла по пути, за который выступали анархисты? Кто знает, каковы бы тогда оказались последствия? В тот момент необходимо было публичное обсуждение двух концепций. Большевики же предпочли удушить своих соперников. Результаты этого мир испытывает на себе уже четверть века.

³ В Украине прямой продуктообмен между городскими рабочими и крестьянскими организациями налаживался на практике в короткий период между октябрём 1917 и германской оккупаци-

И Ленин вмешался. Естественно, будучи диктатором-марксистом, он ничего не понял в сложившейся ситуации. Безразличие крестьян он понимал не как неизбежный результат применения неверного принципа управления, а как проявление их «эгоизма», «мелкобуржуазного менталитета», «враждебности по отношению к городу» и т. д.

Действовал он сурово. Рядом декретов и указов он вынудил крестьян отдавать значительную часть урожая государству⁴. За ним стояла армия и полиция. Это был период реквизиций, натурального налога, «продразверстки», короче говоря, «военный коммунизм». Вооруженным насилием у крестьян изымали то, в чем нуждалось государство.

Крестьянам запретили продавать плоды их труда. На железных и проезжих дорогах вокруг городов расставили «заградительные отряды», чтобы воспрепятствовать торговле, которую объявили «спекуляцией»⁵. За нарушения этих мер тысячи крестьян и других «граждан» были арестованы, многие расстреляны. Излишне говорить, что попадались чаще всего бедолаги, везшие в город мешок муки с единственной целью выручить за него что-то необходимое в повседневной жизни, или крестьяне, хотевшие помочь своим голодным родственникам и друзьям. *Настоящие* спекулянты легко, за небольшую мзду преодолевали «заграждения». В очередной раз действительность взяла верх над государственнической «теорией».

Вскоре такая политика привела к серьезным волнениям. Крестьяне ответили на насилие ожесточенным сопротивлением. Они прятали зерно; сокращали посевные площади так, чтобы урожая хватало лишь на удовлетворение их собственных потребностей; забивали скот, саботировали работу; здесь и там выступали против обысков и реквизиций, все чаще убивали производивших их «комиссаров».

Над городами нависла угроза голода, и никакого улучшения не предвиделось. Рабочие, страдавшие от тяжких лишений, постепенно приходили к пониманию истинных причин краха политики большевиков и пытались возродить Революцию, среди них началось брожение. Часть армии была готова поддержать их массовое движение. (Так, в марте 1921 года произошло восстание в Кронштадте, о котором пойдет речь в третьей части нашей книги.) Ситуация становилась критической.

Понимая, что его государство, то есть совокупность сил поддержки и принуждения, недостаточно прочно, чтобы любой ценой навязать свою волю стране, Ленин отступил. Тотчас же после «победы» Троцкого над Кронштадтом он провозгласил свою знаменитую «новую экономическую политику» (нэп).

Нэп являет собой *третий период* эволюции сельскохозяйственной политики.

Он был «новым» лишь по отношению к беспощадной суровости и военным мерам, которым пришел на смену. Речь шла просто о некоторой передышке. Давление слегка ослабили, чтобы накормить и умиротворить население.

ей, — разумеется, встречая саботаж со стороны большевистской власти. См., например, воспоминания Н. Махно или А. Горелика.

⁴ Постановлениями от 9 и 13 мая 1918 Совнарком и ВЦИК ввели режим продовольственной диктатуры: все продовольственное дело, в т. ч. закупка хлеба по установленным государством ценам, передавалось в ведение Наркомата продовольствия. Для борьбы со «спекулянтами» и «укрывателями излишков хлебных запасов» наркомату предоставлялись чрезвычайные полномочия.

⁵ Декрет о борьбе со спекуляцией принят Совнаркомом 22 июля 1918 г.

«Новая политика» предоставила крестьянам некоторую свободу распоряжаться плодами своего труда, в частности, продавать излишки на рынке. Заградотряды были отменены. Мелкая торговля вздохнула свободнее. Личная собственность оказалась частично восстановлена в правах⁶.

Но по ряду причин нэп не стал выходом из положения. Это была неопределенная и расплывчатая полумера. Конечно, она слегка разогнала тучи. Но одновременно вызвала колебания, неустойчивость и дезорганизацию. Она быстро привела к замешательству и противоречиям, чреватых серьезными последствиями как для экономики, так и для жизни страны в целом.

С другой стороны, такая двусмысленная и нестабильная ситуация представляла собой явную опасность для правительства. Пойдя на уступки, оно тем самым выказало свою слабость, что возродило надежды в буржуазных кругах и придало новый импульс тем силам и элементам, чьи настроения и активность могли в ближайшем будущем угрожать режиму. Тем более что симпатии масс к большевизму после 1917 года сильно уменьшились, о чем было известно правительству. Особенное беспокойство вызывал у него рост буржуазных appetitов у части крестьянства.

Члены партии и привилегированные слои, уже возникшие в новом государстве и ставшие довольно влиятельными, испугались. В правительстве стали раздаваться голоса о необходимости покончить с нэпом и возвратиться к режиму сильного государства-хозяина.

Все эти причины поставили Сталина, сменившего умершего в 1924 году Ленина, перед выбором: либо расширить рамки нэпа, то есть, несмотря на оставшиеся в распоряжении партии «командные рычаги», открыть двери экономической и, возможно, политической реставрации частнокапиталистического режима; либо возвратиться ко всеобщему огосударствлению, тоталитарному режиму и возобновить наступление государства на крестьян.

Взвесив все, будучи уверен во всемогуществе государства, активной поддержке привилегированных слоев, а также значительной части армии, других сил принуждения и «своего аппарата», Сталин в итоге склонился ко второму решению. **Начиная с 1928 года он приступил к полному огосударствлению сельского хозяйства, названному «коллективизацией» и представляющему собой четвертый период эволюции сельского хозяйства в СССР⁷.**

Прибегая к вооруженному насилию, террору, который принял невиданные ранее формы и масштабы, государство начало отнимать у сельских собственников их земельные участки, даже небольшие. Земля перешла в его полное владение.

До этого в СССР существовали:

- 1) «Совхозы» — *государственные сельскохозяйственные предприятия;*
- 2) «Колхозы» — *коллективные крестьянские хозяйства, работавшие под руководством и контролем государства;*

⁶ 21 марта 1921 г. ВЦИК утвердил Постановление о замене продразверстки натуральным налогом, разрешавшем крестьянам оставлять у себя часть произведенной продукции. Через несколько дней декретом Совнаркома была разрешена свободная торговля сельскохозяйственными продуктами. С конца 1921 началась денационализация мелкой и даже некоторых предприятий средней промышленности.

⁷ Курс на ускоренную коллективизацию сельского хозяйства был принят на ноябрьском 1929 года пленуме ЦК ВКП(б).

3) Индивидуальные земледельцы, нечто вроде государственных арендаторов, вынужденные, как и колхозы, сдавать значительную часть своей продукции государству.

«Коллективизация» уничтожила эти различия. Отныне сельское хозяйство стало делом самого государства, реально владеющего землей.

Всех крестьян силой загоняли в «колхозы». Их земельные наделы и имущество конфисковывались. Подчеркнем, что речь шла не только о более или менее зажиточных крестьянах, но и о *миллионах бедных земледельцев*, которые едва добывали себе пропитание, не нанимали батраков и имели лишь самое необходимое для индивидуального труда.

С тех пор каждый крестьянин в СССР был накрепко привязан к «колхозу», как рабочий — к своему заводу. **Государство превратило его даже не в арендатора, а в крепостного и вынудило работать на нового господина. Как всякий хозяин, оно оставляет ему лишь самый необходимый прожиточный минимум (большая часть произведенного им поступает в распоряжение правительства)**⁸. И как всякий хозяин, распоряжается полученным по своему усмотрению, не спрашивая у крестьян. Конечно, в СССР нет капиталистов, которые бы обогащались за счет трудящихся, зато есть другие привилегированные слои.

Теоретически государство «покупает» у «колхозов» их продукцию. Таким образом оно вознаграждает труд крестьян. Но, являясь единственным собственником и покупателем, оно платит им жалкие гроши. Это всего лишь новая форма эксплуатации крестьянских масс капиталистическим государством⁹.

Чтобы понять это, достаточно отметить, что, по данным «советской» печати, в 1936 году государство получило *около 25 миллионов рублей чистой прибыли от продажи закупленной у «колхозов» продукции*. Еще один факт: в 1937 году «колхозникам» выплатили лишь половину реальной стоимости произведенных ими товаров. Остальное было удержано в качестве налогов, административных и прочих издержек.

Почти все сельское население в СССР сегодня находится *на положение крепостных*. Эта организация сельского хозяйства напоминает пресловутые аракчеевские «военные поселения» времен царя Александра I. Действительно, «советское» сельское хозяйство «механизировано», «бюрократизировано» и «военизировано».

⁸ Закрепощение колхозников обеспечивалось отсутствием у них паспортов. Распределение произведенной колхозами продукции в описываемое Волиным время иллюстрируется официальной статьей А. Ариной «Колхозы в 1938 году» (журнал «Социалистическое сельское хозяйство», 1939, № 12): государство забирало в той или иной форме (обязательные поставки, оплата услуг МТС и т. д.) 38,1 % зерна, в фуражный и семенной фонд поступало 32,2 % зерна, на распределение среди колхозников (включая административный аппарат) оставалось 27,7 %. В не-зерновых отраслях хозяйства картина складывалась еще более красочная: в виде обязательных поставок и натуральной оплаты МТС государство изымало в 1937–1938 гг. 54,7 % семян подсолнечника, 99,8 % сахарной свеклы, 95,1–98,5 % хлопка, 30 % мяса, 44 % молока. (Здесь и далее данные взяты из работы Т. Клиффа «Государственный капитализм в России», 1991.)

⁹ В 1935 году государственные закупочные цены на овес составляли 4–6 копеек за 1 кг, на рожь — 4,6–6,9 копеек за 1 кг; розничная цена государственной торговли на эту же продукцию составляла, соответственно, 55–100 копеек и 60–100 копеек за 1 кг. Розничная цена на муку превышала закупочную цену на пшеницу в 60–70 раз.

Для достижения своих целей Сталину пришлось прибегнуть к жестоким насильственным мерам в отношении крестьян. Во многих местах село отказывалось подчиниться добровольно, возмущалось. Сталин ожидал такого оборота событий и действовал без колебаний. За малейшее сопротивление миллионы крестьян арестовывались, высылались и расстреливались. Этим занимались «части особого назначения» — нечто вроде мобильной гвардии или жандармов. Во время их «экспедиций» многие непокорные и мятежные деревни были сожжены, уничтожены артиллерией и пулеметами.

Более того — во время этих событий во многих регионах разразился голод, унесший миллионы жертв¹⁰.

В конце концов «верх взял закон». В этом нет ничего удивительного. Нам известны и другие примеры, такие, как фашизм и гитлеризм, когда всемогущий авторитарный режим полностью подчиняет себе народные массы и навязывает им свою волю, несмотря на все препятствия и сопротивление, *поскольку полиция и армия ему повируются.*

Кто-то скажет, что большевики не могли иначе сохранить свой режим, спасти страну от перманентного голода и других бедствий, худших, чем средство их избежать, не могли иначе *«добиться прогресса в сельском хозяйстве», «обеспечить переход к социализму».*

Все верно, кроме конечных целей.

Да, государство, правительство не имеет других средств в своем распоряжении. Но это как раз неопровержимо доказывает ошибочность государственнической доктрины и безвыходность ситуации, к которой она привела. Ибо подобными методами социализм построить невозможно.

Эта система может «обеспечить» переход не «к социализму», а к *государственному капитализму*, еще более отвратительному, чем капитализм частный. Она не является «переходным» государством, как нам зачастую внушают: это просто другой способ господства и эксплуатации. Впереди у трудящихся — как и в прошлом, как и в настоящем — по-прежнему борьба с системами, основанными на господстве и эксплуатации.

Что касается «прогресса в сельском хозяйстве», мы убеждены, что подлинная прогрессивная коллективизация этой отрасли — как и всей экономики — будет осуществлена силами, не имеющими ничего общего с политической государственной диктатурой.

Мы говорили, что одно время аграрная проблема в СССР серьезно усложнилась. Крестьянские массы вели подспудную, но небезуспешную борьбу против государства-хозяина, саботировали работу «колхозов», и производительность сельского хозяйства начала катастрофически падать¹¹. Тогда, чтобы стимулировать «колхозников» к труду и примирить их с системой, им

¹⁰ Имеется в виду голод 1932–1933 гг. (искусственно организованный правительством СССР) в Украине, Северном Казахстане, на Нижней Волге и Кубани. Точные данные о количестве погибших от голода неизвестны, по оценкам историков, речь идет о 3–4 млн. умерших. Кроме того, около 2 млн. казахов откочевали за границу, в Китай.

¹¹ Первый пятилетний план предусматривал рост производительности сельского хозяйства за 1929–1933 гг. примерно в полтора раза. Реально объемы производства *сократились*, составив в 1933

разрешили, одновременно с работой в «колхозах», вести индивидуальное хозяйство, впрочем, в очень ограниченных масштабах: дозволялось иметь немного земли, скота, инвентаря. Колхозникам позволили поработать и на себя¹².

Неизбежный результат этой меры не замедлил себя проявить: борьба между крестьянами и государством завязалась вокруг «частного сектора» («вокруг коровы», как говорили в стране).

С тех пор крестьяне упорно стремятся расширить свою «собственность», свои права и возможность трудиться индивидуально в ущерб колхозам.

Государство, разумеется, противится этой тенденции. Но, с другой стороны, оно вынуждено по возможности оберегать «частный сектор», производительность в котором выше, чем в колхозах, что вносит значительный вклад в благосостояние государства.

В настоящее время эта борьба и колебания представляют собой сердцевину аграрной проблемы в СССР. Вполне возможно, страна находится накануне нового, пятого этапа развития своего сельского хозяйства.

Однако детали эти существенно не меняют общую картину, которую мы обрисовали.

менее 2/3 от уровня 1929 г. Конечно, такое падение производительности труда было вызвано не только сопротивлением крестьян, но также развалом и дезорганизацией в непривычных условиях колхозов, особенно в сфере животноводства.

¹² В 1932 году колхозам, колхозникам и остававшимся крестьянам-единоличникам было разрешено продавать «излишки» своей продукции на разрешенных государством колхозных рынках. Однако рост производительности труда в сельском хозяйстве достигался не только относительной либерализацией, но и одновременным увеличением эксплуатации крестьянства: так, если в 1932 на одного колхозника приходилось в среднем 257 трудодней, то в 1938 — уже 437.

Глава IV. Положение функционеров

Третий социальный слой, приобретший в СССР огромное значение, — слой бюрократов, *функционеров*.

Когда различные категории трудящихся были лишены, одновременно со свободой инициативы и деятельности, возможности непосредственных контактов между собой, работа государственной машины неизбежно стала обеспечиваться *посредниками*, зависящими от центрального руководства. Этих посредников называли функционерами, что наилучшим образом характеризует их роль — *обеспечить функционирование*.

В «либеральных» странах функционеры «обеспечивают функционирование» государства.

В странах, где государство *является всем*, они призваны обеспечить функционирование всего. Это означает, что им поручено организовывать, управлять, координировать, отслеживать, короче, двигать всю жизнь страны, в ее хозяйственном и других аспектах.

В такой огромной стране как СССР эта «чиновничья армия» государства-хозяина должна быть огромна. И действительно, численность касты функционеров доходит до нескольких миллионов человек. Согласно уже упоминавшемуся Е. Юрьевскому, их более *девяти миллионов*. Не следует забывать, что в СССР не существует ни муниципалитетов, ни других служб и организаций, независимых от государства, ни каких бы то ни было частных предприятий.

Само собой разумеется, что, за исключением мелких служащих, функционеры — самый привилегированный социальный слой. В этом отношении с ним могут сравниться лишь высшие командные кадры армии. Услуги, которые он оказывает хозяину (государству), неоценимы. Наряду с армией и полицией, также многочисленными и вышколенными, «советская» бюрократия является силой первостепенной важности. По сути, на ней держится все. Она не только служит государству, организует, управляет, контролирует его и пр., но, что еще важнее, *преданно и активно поддерживает режим*, от которого целиком и полностью зависит. Высшая бюрократия командует, диктует, приказывает, предписывает, наблюдает, карает, свирепствует от имени правительства, которое представляет; бюрократия средняя и мелкая также исполняет и командует, каждый функционер — хозяин в предписанных ему границах. Существует иерархия, нижестоящие несут ответственность перед вышестоящими. Самые высокопоставленные — перед функционером-вождем, великим, гениальным, непогрешимым Диктатором.

Функционеры — душа и тело правительства. И оно благодарно им за это: за исключением массы мелких служащих, чье положение сопоставимо с положением рабочих, «ответственные» функционеры в СССР являются объектом неустанной заботы. Всякому достойному функционеру гарантировано хорошее обеспечение и продвижение по службе. Покорный и прилежный функционер хорошо оплачивается,

живет в холе и неге, получает похвалы и награды. Самые усердные и преданные быстро продвигаются по службе и могут надеяться достичь командных постов в государстве.

Однако существует и обратная сторона медали. По сути своей, всякий функционер — инструмент и игрушка в руках своих начальников. Малейшая ошибка или небрежение могут дорого ему обойтись. Начальство, перед которым он несет ответственность, карает его по своему усмотрению, в административном порядке, безо всяких судебных процедур. Это может быть неожиданная отставка, арест, а иногда — смерть. Личные капризы и произвол начальников царят безоговорочно. Самое ужасное, что зачастую наказанный функционер служит лишь козлом отпущения, его «провинность» или неудача вызваны либо ошибочными распоряжениями начальства, либо общей ситуацией, либо политикой правительства. «Сталин всегда прав» (как Гитлер в Германии). Если происходит недоразумение, быстро находят виноватых. Также очень часто — что весьма свойственно нравам «советской» бюрократии — несчастный становится жертвой борьбы за существование; соперничество, зависть, интриги, все эти явления, неотделимые от оголтелого карьеризма, ежеминутно подстерегают функционера.

Зато правительство терпимо относится к некоторым злоупотреблениям в частной жизни высших функционеров, вплоть до разврата, считая, что им необходимо таким образом расслабляться. ГПУ закрывает на это глаза. Его руководство само не чуждо подобным развлечениям. Пресловутый Ягода был распутником и извращенцем. А в Москве до сих пор происходят оргии!

Сделать карьеру любой ценой, всеми средствами и при этом не попасться: вот одно из основных стремлений и стимулов в СССР.

Едва поднявшись над стопятидесятиmillionным «стадом» рабочих, крестьян и мелких служащих, любой начинающий функционер, способный слепо повинаться, угодничать и проталкиваться вперед, может «жить хорошо».

Именно надежда на это побуждает сегодня каждого молодого гражданина СССР учиться, получать образование. Как и «стахановец», он стремится и надеется «подняться над массой», прозябающей в нищете. Мечтает о начальственной должности, машине, кожанке, паре приличных ботинок, хорошем питании, наградах.

С другими на этом пути он не церемонится. Он прекрасно умеет пробиваться, клеветать. Интриговать, топтать, подавлять... И, разумеется, льстить, курить фимиам, заискивать и угодничать.

Чтобы понять все это, надо пристально следить за тем, что происходит в стране. Достаточно даже внимательно читать «советскую» прессу, если при этом неплохо знаешь российскую жизнь, умонастроения и нравы в целом. Хвалебные речи вождям, периодические распределения наград, заявления и выступления делегатов съездов, репортажи с мест и «истории из жизни», публикуемые газетами, — все это позволяет вдумчивому читателю понять ситуацию.

По данным Юрьевского, в СССР из приблизительно 10 миллионов функционеров 2 миллиона (20 %) являются привилегированными. Остальные влачат более менее жалкое существование, скрашенное надеждой «пробиться» и «сделать карьеру».

Проведем подсчет, хотя бы весьма приблизительный.

Из 18.000.000 рабочих привилегированных 1.500.000

Из 10.000.000 функционеров привилегированных 2.000.000

Из 142.000.000 крестьян зажиточных 4.000.000

Прочие привилегированные: члены партии (независимо от занимаемых должностей), специалисты, военные, полицейские и др. — 2.500.000

Всего из 170.000.000 привилегированных 10.000.000.

Эти десять миллионов представляют собой новый привилегированный класс в СССР и реальную опору режима.

Остальное население — 160 миллионов душ — лишь более менее темное, покорное, угнетенное и несчастное стадо.

Глава V. Политическая структура

Проанализировав роль функционеров, мы коснулись и *политической* структуры страны.

СССР управляют высшие государственные функционеры (как Францией, по известной формуле, управляют «префекты»), административные функции, по их указаниям, осуществляет бесчисленная армия подчиненных им чиновников.

Остается внести в эту констатацию некоторые необходимые уточнения.

Прежде всего, нужно различать два совершенно различных аспекта: один представляет собой *видимость*, показуху, декор — все, что осталось от славной Октябрьской революции, — а другой *действительность*.

На первый взгляд, СССР управляют *Советы*. («Советы повсюду!» — кричат французские коммунисты, совершенно не представляя, *что* эти «Советы» означают, не имея ни малейшего понятия об их подлинной истории и роли.)

Нет ничего ошибочнее! Славные люди за границей, которые еще искренне верят в этот миф, попросту обмануты.

Не вдаваясь в детали, отметим основные факты, уделяя особое внимание тому, что остается практически неизвестным.

Уже давно «Советы» не играют в СССР никакой значительной роли, ни политической, ни социальной. Их деятельность второстепенна и значит мало: это чисто административные и исполнительные органы, занимающиеся маловажными местными делами и подчиняющиеся «директивам» центральных властей — правительства и руководящих партийных структур. Советы не являются даже *тенью* власти.

За пределами России царит полное непонимание того, что они из себя представляют. Для многих зарубежных трудящихся в самом слове «Совет» есть что-то мистическое. Множество искренних, наивных людей — одним словом, простофиль — обманывается, принимая за чистую монету «социалистическую» и «революционную» показуху новых лжецов. В России насилем и другими мерами воздействия массы *принудили* приспособиться к этой лжи (как в гитлеровской Германии, муссолинистской Италии и т. п.). Но миллионы трудящихся других стран наивно позволяют обманывать себя, не замечая мошенничества, первыми жертвами которого они однажды станут сами.

Разъясним ситуацию с Советами.

Необходимо подчеркнуть два основных момента:

Первый. — «Советы» были созданы в России исключительно из-за отсутствия других рабочих организаций, когда возникла насущная необходимость в информационном, координационном органе совместных действий для нескольких заводов. (См. часть 2, главу 2 этой книги.) Не подлежит сомнению, что если бы в России в 1905 году существовали рабочие профсоюзы и классовое синдикалистское движение, не возникло

бы и мысли создать «Советы»; эти неопределенные и чисто представительные органы вообще бы не понадобились.

Второй. — По сути своей, «Совет» вообще не является органом классовой борьбы, революционного действия. Тем более не может он быть живой, действенной ячейкой социальной трансформации или нового, нарождающегося общественного устройства. По самой своей структуре это мягкий, пассивный институт, скорее, бюрократического или, в лучшем случае, административного характера. Совет может заниматься некоторыми местными делами, не более того. Он представляет собой нечто вроде *рабочего муниципалитета*. Но — и это важно — по своей структуре и особенно по своим притязаниям в определенных обстоятельствах он может стать инструментом в руках политической партии или правительства, как и произошло в России. Он является проявлением «политической болезни» и, следовательно, представляет определенную опасность для Революции.

По этим двум причинам вся знаменитая система «Советов», продукт особых условий, в которых находилось рабочее движение в России, *не представляет никакого интереса, не может принести никакой пользы трудящимся тех стран, где имеются профсоюзы, профсоюзное движение, профсоюзная борьба; где рабочие давно имеют свои боевые классовые организации, направленные на переустройство общества; где трудящиеся массы готовятся к последнему бою, и им не нужны никакие государства, политические партии и правительства.*

На первый взгляд — как мы говорили — Россией управляют Советы («свободные органы рабочего класса», согласно распространенному за границей мифу).

Теоретически, то есть согласно прежней «советской» конституции, верховная власть в СССР принадлежит Всероссийскому Съезду Советов, созываемому периодически и в принципе имеющему право назначать и отправлять в отставку правительство. Опять же, в принципе Советы представляют собой законодательную ветвь власти, а их Исполкомы — исполнительную.

На самом деле именно правительство — Совет Народных Комиссаров, непосредственный орган коммунистической партии, — располагает *всей полнотой власти* в стране, как исполнительной, так и законодательной.

Именно *правительство* — хозяин страны, а не Советы.

Именно *правительство* может, если захочет, уничтожить Съезд Советов, или любой отдельный Совет, или любого члена Совета в случае оппозиции и неподчинения. Именно правительство держит все «командные рычаги».

Более того. Подлинная власть в стране принадлежит даже не Совету Народных Комиссаров, который тоже *является всего лишь ширмой*, а Политбюро, в которое входят несколько партийных бонз, членов ЦК. Это еще не все. На самом деле именно грубый и хитрый лидер Политбюро, генеральный секретарь партии и ЦК, «великий» и «гениальный» Сталин (или тот, кто займет его место) является *реальным носителем верховной власти* — диктатором, «*Вождем*» (*дуче* или *фюрером*) страны. Этот человек с гораздо большим основанием, чем Людовик XIV, может заявить: «Государство (СССР) — это я!»

Сталина (или того, кто его сменит) поддерживает «ареопаг» (Политбюро), Совет Народных Комиссаров, партия, кандидаты в члены партии, привилегированные слои, бюрократия, «аппарат», армия и полиция. Ибо все они материально или морально

зависят от него и существуют лишь благодаря ему. Они слепо доверяются его силе и ловкости, чтобы сохранить режим, постоянно находящийся под угрозой, которая проявляется в глухом недовольстве и возмущении — пока бессильном — обманутых, угнетенных и эксплуатируемых широких народных масс.

Это он — «великий Вождь», — а затем Политбюро, ЦК партии и СНК навязывают свою волю Советам, *а не наоборот*.

Некоторые утверждают, что Сталин и перечисленные институты правят *волей народа*: ибо, говорят они, все члены правительства, руководящие органы и Советы избираются свободным и тайным голосованием.

Однако, даже не участвуя в нем, а лишь тщательно изучая его механизм, легко понять, что эти «свободные и тайные» выборы — сплошная комедия (как в той или иной степени повсюду в мире).

Если вначале выборы в Советы и т. д. были относительно свободными и в какой-то степени тайными¹ — широкие массы поддерживали Советы, власти нечего было опасаться с их стороны, а кроме того, сразу обмануть народ не представлялось возможным, — такая относительная свобода давно прекратила существование. Уже многие годы выборы не являются ни свободными, ни тайными *совершенно официально*, не в обиду будет сказано несведущим сторонникам такой системы в других странах, которые всегда отрицали сам этот факт. Действительно, общеизвестно, что так называемые «свобода» и «тайный характер» выборов были недавно «предоставлены» народу пресловутой сталинской «демократической Конституцией». Подлинная цель этого жеста заключалась в том, чтобы предотвратить растущее в СССР недовольство и, с другой стороны, запудрить мозги зарубежным трудящимся. Отныне Сталин и его правительство были уверены, что, несмотря на «свободу» и «тайну» голосования, останутся хозяевами положения. Государственный «аппарат» стал достаточно прочным — а народ достаточно покорным, — чтобы не опасаться голосующего стада, какие бы «вольности» ни были ему предоставлены. Этот расчет просматривается в самом тексте «Конституции».

Сегодня, несмотря на всю показуху, выборы инспирируются, то есть проводятся, организуются и находятся под пристальным наблюдением бесчисленных агентов всеильного правительства. Комитеты, «ячейки» и другие партийные органы на местах «подсказывают» избирателям, как голосовать, навязывают им своих кандидатов. Впрочем, избирательный список один, он представлен Коммунистической партией. Никакой состязательности не допускается. Кто осмелится выступить против этого списка и представить свой? И зачем избирателю возмущаться, раз это ничего не может изменить и только приведет упряма в тюрьму?

Голосование является «свободным» и «тайным» в том смысле, что никто не подглядывает, как избиратель водит пером. Но когда он делает это, у него нет выбора. Его действия «предопределены», то есть являются чисто автоматическими.

Таким образом, состав Советов и их подчинение правительству обеспечены заранее. А «бюллетень для голосования» представляет собой очередное надувательство.

¹ «Диктат», контроль, угрозы имели место с самого начала. С другой стороны, отметим, что наркомы, члены Политбюро и других высших органов власти никогда не избирались, а назначались ЦК партии по рекомендации «гениального Вождя» и одобрялись Съездом Советов, покорным инструментом Комитета.

Напомним читателю, что «Сталинская Конституция» — уже третья после Октябрьской революции. Первая, принятая V Съездом Советов в июле 1918 года, при Ленине, заложила основы большевистского государства. Вторая была утверждена в 1924 году, опять-таки при жизни Ленина. В ней содержались некоторые уточнения и изменения, упрочившие государственную власть и уничтожившие последние остатки независимости Советов, заводских комитетов и др. Наконец, третья была предложена Сталиным и принята в 1936 году. Она ничего не изменила в положении вещей. Несколько незначительный деталей; несколько неопределенных обещаний; несколько статей, где пережевывались «демократические» формулы, противоречащие остальному тексту и, наконец, замена ежегодных Всероссийских Съездов Советов перманентным Верховным Советом, обновляемым раз в четыре года. И все.

Теперь мне следовало бы перейти к анализу *культурного* уровня этого странного государства.

Но поскольку культура по сути своей не входит в государственную *структуру*, я рассмотрю ее ниже, в главе «Достижения».

Глава VI. Общая картина

Вот несколько завершающих мазков к картине, которую я обрисовал.

Большевицкая система подразумевает, что государство-хозяин является для каждого гражданина нравственным руководителем, судьей, распределяющим вознаграждения и наказания.

Государство обеспечивает гражданина работой; государство кормит его, платит ему; государство наблюдает за ним; государство использует его и манипулирует им по своему усмотрению; государство обучает и формирует его; государство судит его; государство вознаграждает или наказывает его; угнетатель, кормилец, защитник, наблюдатель, учитель, инструктор, судья, тюремщик, палач — все, абсолютно все в одном лице — в лице государства, которое с помощью своих функционеров стремится быть вездесущим, всезнающим, всемогущим. Горе тому, кто хочет ускользнуть от него!

Подчеркнем, что большевицкое государство (правительство) захватило не только все существующие материальные и моральные блага, но и — что, возможно, самое серьезное — стало обладателем истины во всех сферах: исторической, экономической, политической, социальной, научной, философской и др. Везде правительство большевиков считает себя непогрешимым и призванным вести за собой человечество. Только оно обладает истиной. Только оно знает, где и как руководить. Только оно способно успешно завершить Революцию. И тогда, следуя неизбежной логике, оно утверждает, что 175 миллионов граждан страны также должны считать себя единственными носителями истины — непогрешимыми, неуязвимыми, священными. В силу той же логики всякий человек или группа, осмеливающиеся даже не бороться против правительства, а лишь сомневаться в его непогрешимости, критиковать, порицать его за что-либо, рассматриваются как его враги, следовательно, как враги истины, Революции — как «контрреволюционеры»!

Речь идет о настоящей *монополии на мышление*. Всякое мнение, всякая мысль, отличные от государственных (или правительственных), расцениваются как ересь — опасная, недопустимая, преступная. Отсюда неизбежно следует наказание еретиков — тюрьма, ссылка, казнь.

Анархистам и синдикалистам, подвергшимся жестоким преследованиям *лишь за то, что посмели иметь независимое мнение о Революции*, об этом хорошо известно.

Как видит читатель, такая система — *система полного, абсолютного порабощения народа*, физического и морального рабства. Если угодно, это новая и ужасная *социальная Инквизиция*. Таково дело рук большевицкой партии.

Хотела ли она добиться подобного результата? Шла ли к нему сознательно?

Разумеется, нет. Несомненно, ее лучшие представители стремились к системе, которая позволила бы построить подлинный социализм и открыла бы путь к коммунизму. Они были убеждены, что методы, предложенные их великими идеологами,

неминуемо приведут к нему. С другой стороны, они верили, что все средства хороши и оправданны, лишь бы вели к цели.

Эти искренние люди ошибались. Они пошли по неверному пути.

Вот почему некоторые из них, поняв свою непоправимую ошибку и не питая напрасных надежд, покончили с собой.

Конформисты и карьеристы, естественно, приспособились.

Приведу здесь признание, которое сделал мне несколько лет назад во время напряженной и жаркой дискуссии один выдающийся и искренний большевик. «Конечно, — сказал он, — мы сбились с пути и пришли туда, куда не хотели и не думали прийти. Но мы попытаемся исправить наши ошибки, выйти из тупика, вернуться на правильный путь. И нам это удастся».

Можно быть абсолютно уверенным, что у них, напротив, ничего не выйдет. Ибо логическая сила вещей, человеческая психология, совокупность материальных фактов, определенная последовательность причин и следствий *в конечном итоге* сильнее воли нескольких человек, как бы мужественны и искренни они ни были.

Ах, если бы обманывались *миллионы свободных людей*, если бы речь шла о *мощных коллективах, действующих со всей открытостью и в полном взаимном согласии*, можно было бы общим усилием воли исправить ошибки. Но подобная задача непосильна для группы лиц, поднявшихся над поработанной и пассивной массой, перед лицом могущественной Власти.

Большевистская партия стремится построить социализм при помощи государства, правительства, политических, централизованных и авторитарных мер. В результате — чудовищный, убийственный государственный капитализм, основанный на гнусной, механистической эксплуатации слепых, несознательных масс.

Чем яснее становится, что руководители партии были искренними, энергичными, одаренными, что за ними шли широкие народные массы, тем более следует отсюда исторический вывод:

Всякая попытка совершить Революцию при помощи государства, правительства и политической деятельности — даже если попытка эта очень искренна, энергична, происходит в благоприятных обстоятельствах и при поддержке масс — неизбежно ведет к государственному капитализму, худшему варианту капитализма, который не имеет абсолютно ничего общего с путем человечества к социалистическому обществу.

Таков главный урок грандиозного и решающего большевистского эксперимента: урок, который блестяще подтвердил либертарный принцип и вскоре, в свете событий, станет понятен всем, кто терпит лишения, страдает, думает и борется.

Глава VII. «Достижения»

Несмотря на появление многочисленных трудов и исследований, содержащих обширную документацию и неопровержимые факты о так называемых советских «достижениях», немалое число людей упорно продолжает верить в этот миф. Ибо многим свойственно утверждать, что они все знают и понимают, не давая себе даже труда читать то, что издается.

Большое число наивных людей, всецело доверяющих утверждениям сторонников СССР, искренне считают, что замечательные «достижения» единственного в мире «социалистического государства» готовят почву для будущего подлинного и полного коммунизма.

Мы, знающие страну, внимательно следящие за тем, что в ней происходит, можем по достоинству оценить сегодняшние большевистские «завоевания» и «подвиги».

Их углубленный и детальный анализ не входит в наши задачи. Но все-таки необходимо кратко ответить на очень интересный и вполне естественный вопрос:

Приводит ли государственный капитализм, который, по признанию самих искренних коммунистов, установили в России большевики, к результатам, ценным хотя бы в чисто промышленном, сельскохозяйственной, культурном плане? Ведет ли он к прогрессу в этих областях? Удалось ли ему придать импульс стране, отсталой в промышленной, технической, политической, социальной областях? Сможет ли он в один прекрасный день, благодаря этому прогрессу, облегчить социальную трансформацию и переход к будущему социалистическому обществу? Можно ли рассматривать государственный капитализм как переход к социализму, как неизбежную и необходимую стадию для такой страны, какой была дореволюционная Россия?

Многие утверждают, что в сложившихся условиях большевики сделали максимум возможного. По причине зачаточного состояния промышленности, техники и просвещения масс, говорят они, единственно возможной целью в такой стране был приход к власти интеллектуальной элиты, которая вынудила бы народ навстречу упущенное, создала бы мощную промышленность, современные технологии, прогрессивное сельское хозяйство, развила бы невиданную просветительскую деятельность. Только такая задача была по силам. И страна нуждалась в ее решении. Большевики оказались единственными, кто понял это и решительно приступил к делу, не останавливаясь перед любыми средствами, преодолевая любые препятствия. И они были совершенно правы, безжалостно уничтожая все, что могло помешать им вести такую подготовительную работу. Ибо от этого зависело ближайшее будущее страны и социализма в целом.

Предшествующие главы, как мы надеемся, заставляют задуматься над обоснованностью этих рассуждений.

Дополним наш рассказ несколькими фактами, цифрами и необходимыми выводами.

Существует замечательное средство оценить *действительные* достижения большевистского государства и *реальное* положение в нем. Во всяком случае, при условии знания страны, ее истории, языка, нравов и особенно при умении читать советскую прессу. Жаль, что за пределами России, где такие условия отсутствуют, средство это малопригодно.

Оно заключается в том, чтобы регулярно отслеживать публикации в советских газетах, главным образом, в «Известиях» и «Правде».

Правительству большевиков известно, что, за редкими исключениями, газеты эти за рубежом не читают. Делая ставку, с одной стороны, на незнание того, что на самом деле происходит в СССР, а с другой, на результаты своей широкомасштабной и интенсивной *пропаганды*, правительство считает, что обезопасило себя от неблагоприятных разоблачений. Вынужденное признавать и объяснять собственному населению отдельные недостатки, оно может делать это, ничего не опасаясь. И терпит некоторые публикации в газетах, контролируя, разумеется, их цели и тщательно дозируя их.

Читая признание за признанием, внимательный читатель советской прессы неизбежно приходит к поучительным выводам.

Внимание исследователя должны привлекать главным образом следующие разделы:

1. Редакционные статьи;
2. Отчеты о Съездах (в частности, речи делегатов);
3. Репортажи и корреспонденции с мест;
4. Хроника.

Редакционные статьи. — Редакционные и другие основные статьи, фабрикуемые по одному шаблону, уже многие годы имеют одинаковую структуру.

Каждая статья начинается с гимна «достижениям»:

В такой-то области, заявляется в частности, мы сделали гигантский шаг вперед. Все идет как нельзя лучше. «Партия и правительство» (ритуальная формулировка, многократно повторяемая в каждой статье) приняли такое-то решение, такую-то меру, такой-то указ. И мы уверены (незаметный переход к будущему времени), что отныне то-то и то-то *будет* сделано; что очень скоро *произойдет* прогресс там-то и там-то; что незамедлительно *будет достигнуто* такой-то результат и т. д.

Эта часть занимает обычно две трети статьи.

Затем неизменно следуют «но», «однако», «тем не менее» или «все-таки»:

Но, продолжает статья, партия и правительство вынуждены констатировать, что, согласно последним отчетам, нынешние достижения еще далеки от необходимых результатов; что красивые обещания не выполнены; что в настоящее время сделано только то-то и то-то. Следуют цифры и данные, удивительно не соответствующие ожиданиям.

Чем больше вы читаете, тем больше замечаете, что в ожидании прекрасного *будущего* реальное *настоящее* плачевно: небрежность, упущения, серьезные ошибки, слабость, бессилие, беспорядок, неразбериха — вот что обыкновенно констатирует статья. И неизменно отчаянно призывает: «Вперед! Ускорим темп! Нужно взять себя в руки! Настало время увеличить производство! Меньше брака! Пусть ответствен-

ные лица наведут порядок! Партия и правительство свой долг выполнили. Рабочим предстоит выполнить свой».

Зачастую статьи заканчиваются угрозами в отношении этих несчастных «ответственных» и вообще тех, кто останется глух к призывам «партии и правительства».

Я останавливаюсь на этой особенности советской печати, потому что она крайне типична и проявляется день за днем уже два десятка лет. Это само по себе уже немало говорит о *действительных* «достижениях».

Отчеты съездов. — Отчеты съездов особенно поучительны, если не считать за труд внимательно читать *выступления делегатов*.

Разумеется, все делегаты принадлежат к привилегированной рабочей «аристократии». Их речи похожи как две капли воды.

Каждая речь начинается с безмерного прославления Сталина: великий, гениальный, любимый, глубокоуважаемый, сверхчеловек, величайший мудрец всех времен и народов. Затем каждый делегат утверждает, что в его районе — или отрасли — предпринимают невиданные усилия, чтобы осуществить предписания «партии и правительства», порадовать обожаемого «Вождя». После чего раздаются красивые обещания на будущее. Наконец, почти все делегаты услужливо перечисляют все, что «партия и правительство» уже сделали «для рабочих». В качестве примера делегат обычно приводит свой собственный случай. Эта часть речи, как правило, наиболее любопытна. Усердно трудясь и достигнув таких-то и таких-то результатов, говорит делегат, он смог заработать столько-то и столько-то, что позволило ему купить красивую мебель, патефон, пианино и т. д. И он надеется работать еще лучше, чтобы жить еще веселее. «Он был прав, наш великий Сталин, — восклицает делегат, — жизнь в СССР с каждым днем становится все лучше, все веселее!» Часто он заканчивает свою речь на наивной до смешного ноте: «Власти пообещали мне в награду за мои усилия то-то и то-то (например, хороший велосипед). Обещание пока не выполнено, но я терпеливо жду, потому что верю своему правительству...» (Продолжительные аплодисменты Съезда.)

Цель этих искусно инспирированных речей ясна. Рабочим говорят: «Трудитесь усердно, подчиняйтесь властям, почитайте своего «Вождя», и вы подниметесь над стадом, у вас будет обеспеченная буржуазная жизнь».

Эта пропаганда приносит свои специфические плоды. Желание «сделать карьеру» подстегивает энергию тысяч людей в СССР. Пример тех, кто «выдвинулся», удесятяряет ее. Это выгодно правящей касте. А «социализму»? Терпите, одураченные!

Что касается репортажей, корреспонденций с мест, хроники и пр., эти разделы при регулярном чтении позволяют нам составить хоть и приблизительное, но яркое представление о множестве повседневных фактов, этих «незначительных мелочей», из которых на самом деле состоит человеческая жизнь. Так складывается достаточно полное представление о положении населения и умонастроениях в «первой социалистической стране».

Разумеется, подобное исследование не может считаться завершенным без изучения статей в журналах, статистических данных и т. д.

Каковы же наши выводы о конкретных достижениях в СССР?

Прежде всего, существует род деятельности, в котором «советская» власть действительно побила все рекорды — *пропаганда*; точнее, ложь, обман и блеф.

Здесь большевики показали себя несравненными мастерами¹.

Располагая всеми средствами информации, рекламы и пр., они, с одной стороны, окружили страну настоящей защитной стеной, через которую пропускают исключительно то, что соответствует их замыслам; с другой стороны, они используют все средства для развития и поддержания удивительно мощной индустрии одурачивания, трюкачества, показухи и мистификации.

Их лживая всемирная пропаганда не знает себе равных по масштабам и интенсивности. На нее тратятся значительные средства. Пускать пыль в глаза — одна из основных задач государства большевиков. Газеты, журналы, брошюры, книги, фотография, кино, выставки, демонстрации, «свидетельства» и т. д. — используются все средства, одни обманчивее других.

Бесспорно, советское правительство прямо или опосредованно передает значительные средства за рубеж. Например, среди «друзей СССР» есть писатели, которые стали «друзьями» лишь потому, что это позволяет им издавать свои произведения в СССР и пользоваться другими преимуществами, которые дает такая «дружба».

Словесного надувательства недостаточно, правительство большевиков хорошо организовало пропаганду *делами*.

Никто не может приехать в СССР без специального разрешения, которое очень трудно получить — нужно, по крайней мере, предоставить определенные гарантии симпатии по отношению к режиму. Никто не может ни свободно передвигаться по стране, ни независимо изучать то, что его интересует. Зато правительство терпеливо и тщательно возводит пышные декорации. Оно нагородило целую кучу обещаний и демонстрирует ее обманутому миру при каждом удобном случае. Для этого служат «рабочие делегации», которые время от времени проводят по несколько недель в России, гнусно одураченные (если их члены искренни). То же самое относится к подавляющему большинству «туристов», которые проезжают по стране под бдительным взором филеров, не в состоянии понять, что на самом деле творится вокруг них.

Заводы, колхозы, школы, музеи, столовые, стадионы, места развлечений и отдыха и т. д. — все готовится заранее, в определенных местах и обставлено таким образом, что бедный путешественник «восхищен», не подозревая об обмане.

И даже когда он видит что-то действительно доброе и прекрасное, то даже не задумывается, что это касается лишь *10 миллионов привилегированных*, а не 160 миллионов эксплуатируемых «работяг».

Если буржуазия других стран прибегает к «промыванию мозгов», то большевизм использует такое «сверхпромывание», что до сих пор, несмотря на множество искренних свидетельств, миллионам трудящихся всех стран неизвестна правда об СССР.

Перейдем к другим достижениям.

Мы уже знаем, что большевистскому государству с удивительной быстротой удалось создать и взрастить *чудовищную бюрократию*, не знающую равных, которая сегодня образует привилегированную, «аристократическую» касту численностью примерно 2 миллиона человек.

¹ По сравнению с ними нацисты — всего лишь скромные ученики и подражатели.

С другой стороны, оно сумело разделить население «социалистического» государства на несколько категорий (по меньшей мере, на 20) наемных работников. В частнокапиталистических **странах никогда не было такого социального неравенства. Самые низшие категории получают от 100 до 150 рублей в месяц. Вышние — 3000 рублей и более**².

В СССР существует *государственная буржуазия*, которая живет на широкую ногу, владеет роскошными виллами, машинами, использует слуг и т. д.

Большевицкому государству удалось военизировать саму правящую партию, сформировав, в особенности из комсомольцев, «части особого назначения», нечто вроде жандармерии или мобильной гвардии. Это с их помощью правительство большевиков подавило революционное восстание в Кронштадте в 1921 году и, когда возникает необходимость, беспощадно топит в крови забастовки, манифестации и мятежи, которые время от времени происходят в стране и о которых большевицкая печать, естественно, не говорит ни слова.

Скованная, выхолощенная, бюрократизированная, обуржуазившаяся, ангажированная, извращенная и окаменевшая — русская Революция не в силах была *самостоятельно* охватить весь мир. В конечном итоге большевики это поняли. А еще они поняли, что рано или поздно, но практически неизбежно им придется защищать свою систему — не только от «внутреннего врага», но и от всего мира, — причем зачастую с помощью того же метода, который использовался внутри страны: *вооруженного насилия*.

С тех пор они неумоимо ковали необходимый для этого инструмент — *мощную современную армию*.

На оборону стала работать значительная часть добывающей и тяжелой промышленности. В итоге была создана регулярная армия, построенная по образцу всех армий мира — механически дисциплинированная, слепо преданная Власти, со своими чинами и регалиями, хорошо накормленная, одетая и снабженная оружием последних модификаций.

Эта армия стала значительной силой.

Большевизм смог наконец создать мощную полицию, не только криминальную, но и тайную, которая, быть может, является лучшей в мире, ибо ей по сей день удается держать в повиновении угнетенное, обманутое, эксплуатируемое, нищее население. В частности, он возвел *стукачество* в ранг гражданской добродетели. Каждый член коммунистической партии — то есть всякий лояльный гражданин — призван помогать ГПУ, сигнализировать о подозрительных явлениях, следить, доносить.

Наконец, Власти большевиков удалось превратить в *законченных рабов* 160 миллионов человек, чтобы в один прекрасный день привести их — не иначе как через рабство — к свободе, процветанию и *подлинному коммунизму*. А пока, со своей бюрократизированной администрацией, полностью огосударствленной экономикой, профессиональной армией и всесильной полицией, эта Власть создала *совершенное*

² Данные 1936–1938 гг.

В 1937 г. среднемесячная зарплата в промышленности составляла: 115 руб. для низших категорий рабочих (поденные рабочие), 200–300 руб. для квалифицированных рабочих, 1500 руб. для инженеров, 2000 тыс. руб. для директоров предприятий. Здесь не учитываются премии и т. п. выплаты, поступавшие прежде всего администрации.

бюрократическое, военное и полицейское государство — образец «тоталитарного режима»; ни с чем не сравнимый механизм господства и эксплуатации; настоящее капиталистическое государство.

Эти его «подвиги» и «достижения» бесспорны.

Что сказать о других?

Прежде всего следует отметить, что, по признаниям самих советских властей, признаниям *вынужденным, косвенным, но довольно ясным*, три основные задачи капиталистического государства:

Пресловутая «индустриализация» страны,

Знаменитые «пятилетние планы»,

Грандиозная «коллективизация сельского хозяйства» - потерпели полное фиаско.

Конечно, в страну импортировали большое количество разнообразных станков, аппаратов и машин; в отдельных больших городах возвели современные дома, а кое-где жилье для рабочих, впрочем, плохого качества; завершили, с помощью зарубежных инженеров и технических специалистов, несколько великих строек, таких, как плотину ДнепроГЭСа, доменные печи Магнитогорска, большие машиностроительные предприятия Свердловска, знаменитый Беломорско-Балтийский канал и др.; наконец, после прекращения в грозные годы, возобновили выработку руды, добычу нефти, регулярную работу заводов. Это сделал бы любой режим в любой стране под угрозой исчезновения. Для нас проблема стоит совершенно иначе.

Можно ли видеть во всем, что сделано большевистским государством, подлинные достижения, которые нас интересуют? Можно ли констатировать *действительный общий прогресс в стране*, который повел бы ее по пути *социального и культурного освобождения трудящихся масс*, по пути социализма, коммунизма? Создало ли правительство большевиков необходимые условия для подобного развития? Действительно ли оно осуществило попытку построения нового общественного устройства? Вот в чем вся проблема.

Индустриализация страны может быть продуктивной и прогрессивной, только если она соответствует общему и естественному развитию последней; она может быть общественно полезной, только если находится в гармонии с экономической жизнью в целом, следовательно, если ее результаты приносят пользу населению. В противном случае она приводит к строительству, возможно, впечатляющему, но *общественно бесполезному*.

Можно построить все, что угодно, если имеются определенные средства и, главное, рабочая сила, которой государство-хозяин управляет по собственному усмотрению и платит сколько хочет. Проблема, однако состоит не в том, чтобы продемонстрировать технические и другие достижения, а в том, чтобы поставить их на службу заданной цели.

Но форсированная индустриализация, навязанная совершенно не готовому к ней народу, не может выполнять эту основную роль. Индустриализировать сверху страну, трудящееся население которой является всего лишь угнетенным, инертным и несчастным стадом — все равно, что индустриализировать пустыню.

Чтобы действительно индустриализировать страну, необходимо наличие в ней двух основных элементов: либо энергичной, мощной и богатой *буржуазии*, либо

народа-хозяина своей судьбы, то есть свободного, сознательного в своих потребностях и действиях, стремящегося к прогрессу и решившегося самоорганизоваться ради его осуществления. В первом случае буржуазия должна располагать рынком, способным быстро усвоить плоды индустриализации. Во втором это усвоение и индустриализация обеспечиваются мощным порывом всего населения на пути к прогрессу.

Русская революция уничтожила буржуазию. Таким образом, первое условие отсутствовало. Оставалось второе. Необходимо было открыть путь *коллективному развитию* стосемидесятимиллионного народа, *спонтанно готовому* к осуществлению грандиозного социального эксперимента: строительству общественного устройства на абсолютно новых, некапиталистических и негосударственных основах. Нужно было просто помочь народу осуществить этот эксперимент. Поскольку в мире был достигнут огромный технический прогресс, поскольку имели место быстрая индустриализация и товарное изобилие, не существовало непреодолимых препятствий на пути огромных человеческих коллективов, охваченных небывалым порывом и поддержанных всеми зрелыми силами общества, к реализации своих стремлений. И кто знает, каким бы стал тогда наш мир?

Большевистская партия ничего этого не поняла. Захватив вакантный престол, она захотела подменить собой утратившую значение буржуазию и свободные народные массы. Она уничтожила два необходимых условия, чтобы заменить их третьим: *диктаторской Властью*, удушившей Революцию — мощный порыв миллионов людей к своей цели, Властью, перекрывшей все живые источники подлинного прогресса и преградившей путь подлинному развитию общества. Результат этой ошибки был предопределен: безжизненные, бездушные, разрушительные «механизмы».

Сегодня, основываясь на точных и неопровержимых фактах, мы знаем, что, за исключением оборонной промышленности, в подавляющем большинстве случаев большевистская «индустриализация» вылилась в разного рода бесплодные стройки — особенно это касается подлинного экономического, социального и культурного развития народа.

Мы знаем, что три четверти «грандиозных» строек остаются бесцельными, не работают или работают плохо.

Мы знаем, что тысячи станков, импортированных из-за границы, в большинстве своем быстро вышли из строя, брошены, забыты.

Мы знаем, что рабочие в СССР — которые представляют собой лишь забитое стадо рабов, трудящихся через силу на государство-хозяина, — не умеют ими пользоваться, и *народу* они ничего не дают. Только *военная промышленность* в определенной степени извлекает из них пользу.

Мы знаем, что народ — 160 миллионов человек из 170 — живет в ужасающей нищете и моральной забитости.

Так называемая «индустриализация» в СССР — не подвиг; она не является «достижением социалистического государства»; это *затея государства-хозяина*, вынужденного после краха «военного коммунизма» и нэпа разыграть свою последнюю карту. Его цель — успокоить своих подданных, а также наивных людей за границей в надежде «продержаться до лучших времен».

«Индустриализация» в СССР — *блеф* и ничего более.

«Пятилетние планы» — также блеф, вытекающий из предыдущего. Зная точные цифры и факты, мы утверждаем, что эти планы полностью провалились, что уже начинают понимать почти повсюду³.

О «коллективизации» мы уже говорили достаточно и не будем повторяться. Читателю известно, что она собой представляет на самом деле. Такая «коллективизация» не решает аграрный вопрос. Она далека от того, чтобы считаться социалистическим и даже социальным «достижением». Эта система бесполезного и абсолютно бесплодного насилия. Мы считаем, что подобным возвращением к средневековому крепостному праву, где государство является феодалом, крестьянина невозможно привлечь на сторону Социальной Революции.

Можно ли построить на этих основах не социализм, а хотя бы здоровую и прогрессивную экономику?

Рассмотрим некоторые факты и цифры.

Пятилетние планы. — В 1939 году в СССР были объявлены результаты *третьей пятилетки*.

В ходе двух первых советские газеты постоянно жаловались на значительное отставание в выполнении планов. Добыча руды и каменного угля, эксплуатация нефтяных скважин, металлургическая, текстильная промышленность, тяжелая индустрия в целом, прокладка железнодорожных путей и улучшение их качества — короче, все отрасли экономики сильно отставали от намеченных предписаний. Одна пятилетка сменялась другой, а отставание все нарастало.

Гениальный диктатор свирепствовал, карал, казнил.

И вот в серии статей, опубликованных в августе-ноябре 1939 г., «Известия» вынуждены косвенно признать провал третьей пятилетки. Газета констатирует, что выработка стали и чугуна в октябре 1939 г. оказалась ниже, чем в соответствующий период 1938 г., причем и тогда она не достигала плановых показателей; что снизилась производительность во всех отраслях металлургии; что многие доменные печи прекратили работу из-за нехватки угля и металла.

Ситуация становится до такой степени критической, что начиная с сентября советская печать *перестает публиковать ежемесячные отчеты*.

- По данным советской прессы, в ходе первых двух пятилеток локомотивные заводы выполнили лишь пятьдесят процентов плана.
- Загрузка вагонов увеличилась, но не достигла плановых показателей.
- Такие легендарные предприятия, как «Днепрострой» и Магнитогорск, работают плохо. Многие из них переживают периоды вынужденного бездействия.
- Грандиозные проекты электрификации осуществлены лишь в незначительной степени.

³ Практически каждая советская пятилетка оканчивалась выполнением (или даже перевыполнением) плановых заданий по производству «продукции группы А» (тяжелая промышленность), и катастрофическим невыполнением планов по «группе Б» (легкая и проч. Промышленность, ориентированная на удовлетворение потребностей населения).

- В мае 1939 г. народный комиссар Косыгин заявляет, что текстильные предприятия слабо обеспечены оборудованием и технически неспособны работать в необходимых масштабах. Кроме того, он жалуется на отсутствие связей между текстильной промышленностью и производителями сырья. «Положение с количеством и качеством льноволокна на сегодняшний день остается неудовлетворительным, — добавляет он. — Некоторое количество льна и конопли осталось необработанным и испорчено, испортилось или вовсе погибло... Из-за пониженного качества шерсти промышленность Наркомтекстиля ежегодно имеет потерь около 48 миллионов рублей... Недостаточно еще внимание советских и земельных органов на местах к заготовкам [шелковичных] коконов и сохранению их качества»⁴.

Можно привести множество точных фактов и цифр по всем отраслям, извлеченных из большевистской печати и неопровержимо доказывающих крах «пятилетних планов».

«Индустриализация». — Примеров плачевного состояния всех отраслей советской промышленности столько, что трудно даже выбрать наиболее характерные.

- По свидетельству «Известий» (несколько статей за январь 1940 г.), в угольной промышленности не умеют использовать новую технику. Это является одной из причин низкой производительности труда.
- 30 июля 1939 г. отмечался «День железнодорожного транспорта», что нашло отражение в советских газетах. Эти публикации исключительно показательны.
- В целом заводы поставляют рельсы в недостаточном количестве и плохого качества.

— В СССР их производят четыре больших завода. Некоторое время назад эти заводы перестали выпускать высококачественные рельсы. Таким образом, железнодорожники вынуждены довольствоваться продукцией второго и третьего сорта. Более того, 20 % ее не годны к употреблению.

— В июле 1939 г. в разгар ремонта железнодорожных путей Кузнецкий завод резко прекращает отгрузку рельс. Причина? Нехватка сверлильных станков.

- Не поступает вообще необходимых запчастей, в результате работа прекращается.
- Три больших завода, выпускающие запчасти для железных дорог, часто простаивают из-за нехватки стали, оборудования или по другим причинам. В числе прочего приводится пример, когда на одном заводе не хватило всего лишь около 3 тонн металла. Тем не менее выпуск продукции *был приостановлен* и железные дороги недополучили *миллион* новых запчастей.

⁴ «Известия», 30 мая 1939 г. Речь наркома текстильной промышленности СССР тов. Косыгина А. Н.

- Очень часто заводы выпускают одни детали и не производят другие, столь же необходимые. Например, произведенные рельсы валяются на земле и ржавеют из-за отсутствия костылей.

Власти могут свирепствовать сколько угодно. Правительство может давать сигналы SOS и искать «виновных», все это ни к чему не приводит, и официальные доклады вынуждены время от времени констатировать, что одной из причин имеющихся недостатков является «отсутствие всякой заинтересованности, увлечения работой у трудящихся масс». По признанию компетентных органов, безразличие рабочих граничит с саботажем.

Много говорится о «перегибах централизации», «бюрократизме», «всеобщей бесхозяйственности».

Но *словами* положения не исправить. Средств же для этого не имеется. Значит, виновата вся система.

- По данным советской печати, добыча руды и нефти в целом страдает от *неорганизованности*. Производительность в этих отраслях остается низкой, несмотря на использование техники (впрочем, зачастую в весьма плачевном состоянии) и все официальные меры. «Правда» в декабре 1939 г. констатирует, что производительность нефтяных скважин на Урале постоянно снижается.
- В то же время газеты жалуются на полную неразбериху в химической промышленности.
- Мы узнаем, что завод «Красный Пролетарий», который, согласно «Правде», находится в авангарде металлургической промышленности СССР, «из-за величайшего технического и административного беспорядка» производит лишь 40 % продукции от запланированного количества.

Подобные примеры можно приводить до бесконечности.

Положение во всех отраслях советской промышленности всегда было и по сей день остается плачевным. Индустриализация является сплошным мифом. Есть *техника*, но нет подлинной *индустриализации*.

Показательными фактами, приводимыми советской печатью, можно было бы заполнить целые тома.

Приведем некоторые из них, взятые наугад из российских газет:

- 8 августа «За социалистическое земледелие» констатирует, что повсюду урожай собирается с большим опозданием, часто несобранное погибает на полях. По данным сельскохозяйственного отдела ЦК партии, основная причина этого — *нехватка технических средств*, вызванная, в свою очередь, *небрежностью, дезорганизацией, бесхозяйственностью и всякого рода задержками*.

Так, например, необходимые запчасти для сельхозмашин поступают с опозданием или в недостаточном количестве.

- Строительство ремонтных мастерских повсюду задерживается. Например, строительное управление, призванное построить к определенной дате 300 мастерских, завершило строительство лишь... 14! Другое построило 8 из 353 обещанных и т. д. В Курской области завершено строительство только 3 мастерских из 91 запланированной.
- С другой стороны (опять-таки по данным газеты), возникают трудности и непосредственно при сборе урожая, так как этим летом (1939 г.) значительная часть пшеницы полегла из-за плохих погодных условий. Однако указаний о том, как приспособить комбайны к сбору полеглих зерновых, дано не было.
- Наконец, продолжает газета, в этом году значительно сократилось число квалифицированных сельскохозяйственных рабочих, поскольку во многих местах механикам и трактористам не заплатили еще за прошлый год. Причина? Эти рабочие получают зарплату после того, как колхозы осуществят всех свои платежи. Но кое-где последние еще ничего не выплатили.
- «Известия» и «За социалистическое земледелие» констатируют, что из-за всех этих «затруднений» в 1939 г. было убрано на 64 миллиона гектара зерновых меньше, чем в 1938-м.
- В ноябре 1939 г. советская печать жалуется на значительное отставание в сборе картофеля и других овощей. Причины? Нехватка людей, лошадей и солярки, а главное, бесхозяйственность колхозников.
- «Известия» от 4 ноября 1939 г. признают, что к 25 октября совхозы сдали только 67 % зерна от запланированного, колхозы — всего лишь 59 %; на тот же день колхозы сдали государству только 34 % картофеля и 63 % овощей.
- В июле 1939 г. Съезд животноводов, состоявшийся на Украине, констатирует: 1) многие колхозы не имеют вообще никакого скота (45 % в Киргизии, 62 % в Таджикистане, 17 % в Рязанской области, 11 % в Кировской области, 34 % на Украине и т. д.); 2) численность поголовья скота в некоторых колхозах крайне низка: так, на Украине в почти половине колхозов менее 10 коров («только чтобы немного пахло коровами», — пошутил докладчик); 3) что поголовье скота в СССР после коллективизации в целом значительно сократилось.

Самое любопытное, что, как и почти везде, не было сделано ни одного здорового, реального и эффективного предложения.

Стоит ли продолжать?

Эти явления, признания и жалобы не прекращаются уже двадцать лет. Их можно было бы перечислять до бесконечности.

В СССР им уделяют некоторое внимание. Люди в какой-то степени приравниваются к требованиям властей и... «выкручиваются как могут».

За рубежом вплоть до последнего времени об этом ничего не знали. Теперь правда постепенно становится известной. Чтобы составить полное представление о происходящем, следует обратиться к многочисленным трудам, посвященным этой проблеме и содержащим немало фактографии.

Мы же ограничились тем, что привели некоторые факты и цифры, позволяющие читателю полнее представить себе ситуацию для ответа на фундаментальные вопросы, которые нас интересуют. Главная тема нашей работы не позволяет нам надолго на этом задерживаться.

Однако нельзя не отметить один важный факт советской действительности.

Последние меры, принятые большевистским правительством для стимуляции деятельности колхозов, представляются весьма типичными.

Уже летом 1939 г. некоторые печатные органы, например, «Партийное строительство», № 10, констатировали, что основная беда советской системы — «слабая заинтересованность колхозников в качественной работе и достижении хороших урожаев». По сигналу сверху пресса принялась муссировать эту тему.

Некоторое время спустя, в январе 1940 г., «Известия» заявляют, что «партия и правительство» приняли решение стимулировать экономическую заинтересованность колхозников. С этой целью, говорилось в газете, отныне «Каждый колхозник должен быть уверен, что излишки собранного им урожая останутся в распоряжении колхоза и послужат улучшению работы хозяйства»⁵. *(То есть раньше этого не было.)* И добавлялось, что очень важно «развивать творческую инициативу колхозных масс».

Наконец, приказ ЦК партии и Совета Народных Комиссаров от 18 января 1940 г. предоставил колхозам некоторую экономическую независимость. Каждый колхоз получил право самостоятельно устанавливать план посевных (который, разумеется, в обязательном порядке «утверждается официальными властями»).

Само собой разумеется, этот своего рода колхозный нэп останется только на бумаге. Он представляет собой лишь маневр правительства, вызванный, главным образом, его неудачами в финской войне и практически не соответствующий сложившейся в стране ситуации. Впрочем, крестьянская масса прекрасно поняла суть этой очередной махинации: «реформа» была встречена полным безразличием.

Мы считаем, что этот эпизод ярко характеризует сущность большевистской «коллективизации».

Напомним, что в целом так называемая принудительная «коллективизация», предпринятая с целью полностью подчинить крестьян государству и представляющая собой новую форму крепостничества, трещит по всем швам. Она не привела к прогрессу. Ее крах очевиден. То, что мы видим, не оставляет в этом никаких сомнений.

Впрочем, даже советская печать вынуждена все больше говорить о серьезной борьбе между «частным» и «социалистическим» секторами в сельском хозяйстве СССР. Оно заброшено, почти открыто саботируется крестьянами при любой возможности и множеством различных способов. В итоге положение оценивается как «очень серьезное». Ряд очевидных уступок представляет собой попытки пробудить у колхозников заинтересованность в своем колхозе и преодолеть тенденции, противоречащие ей.

Нет ни малейшего сомнения, что попытки эти потерпят крах. Борьба крестьянина против крепостничества продолжится.

Оставим «материальную» — экономическую, промышленную, техническую — сферу. Перейдем к области, которую можно назвать «духовной».

Главным образом уточнения требуют следующие три пункта:

⁵ Отрывок приводится в обратном переводе с французского. — Прим. перев.

- 1) Проблема народного образования и просвещения;
- 2) Освобождение женщины;
- 3) Религиозная проблема.

К сожалению, я не смогу подробно остановиться на каждом из них. Подобная задача потребовала бы слишком много места и не является целью нашей работы. Ограничимся констатацией некоторых основных особенностей.

Образование и просвещение. — Многие годы несведущие и пристрастные люди утверждают, что большевики заставили совершенно непросвещенную, почти «дикую» страну сделать «гигантский шаг» по пути общей культуры, образования и просвещения.

Иностранные путешественники, посетившие тот или иной город, говорят нам о чудесах, которые «видели своими глазами».

Разве не приходилось мне слышать убежденное мнение, что до большевиков «почти не было школ для народа», и что сегодня «великолепные школы построены почти повсюду»? Разве не слышал я заявления, что «до Революции в стране было только два или три университета, а большевики создали их чуть ли не в каждом крупном городе»? Разве не говорят, что до прихода к власти большевиков почти весь русский народ не умел ни читать, ни писать, и что теперь неграмотность почти преодолена? Разве нельзя услышать — я привожу этот случай как пример невежества и глубоких заблуждений на счет России, — что царские законы запрещали рабочим и крестьянам доступ в средние и высшие учебные заведения?

Что касается путешественников, понятно, что они могли видеть в больших городах СССР несколько красивых современных школ, хорошо оборудованных и организованных: прежде всего потому, что подобные образцовые школы являются одной из принадлежностей всех больших городов мира (путешественник мог обнаружить их и в царской России); затем потому, что строительство таких школ является частью показательной программы правительства большевиков. Но ясно, что ситуация в нескольких крупных городах не имеет ничего общего с положением вещей *в стране*, особенно в такой огромной, как Россия. Путешественник, который хотел бы составить себе более менее правдивое представление, должен многое увидеть и следить день за днем, по меньшей мере, на протяжении нескольких недель, за развитием ситуации в глубинке: в маленьких городах, бесчисленных деревнях, колхозах, на заводах, удаленных от крупных центров, и т. д. Какому путешественнику пришла в голову подобная мысль, кто получил на это разрешение и возможность?

А что касается мифов, о которых я говорил выше, оценка им дана в других частях нашей работы.

Никто не будет утверждать, что народное образование и просвещение получили в дореволюционной России достаточное развитие. (Впрочем, в то время это можно было отнести ко всем странам. Различия — лишь в деталях и нюансах.) Никто не будет спорить, что в царской России было еще очень много людей, не умевших ни читать, ни писать, и что народное образование в ней сильно отставало по сравнению с некоторыми западными странами. Но между этим и заявлениями, которые я приводил выше, есть большая разница.

Установить правду несложно.

С одной стороны, сеть начальных, средних и высших школ в дореволюционной России, не будучи достаточной, являлась довольно впечатляющей. Хуже обстояло дело с преподаванием как таковым: его программы и методы оставляли желать лучшего. Естественно, правительство мало заботилось о подлинном образовании народа. А что касается земств и частных лиц, находившихся под наблюдением властей и вынужденных следовать официальным программам, ни те, ни другие не могли достичь значительных результатов, хотя отдельные успехи имели место.

С другой стороны, «огромный прогресс», осуществленный большевиками в сфере просвещения, на деле оказывается весьма посредственным.

Чтобы понять это, достаточно, опять же, внимательно следить за советской прессой.

И здесь многолетние жалобы и признания говорят сами за себя.

Остановимся на нескольких недавних публикациях.

Согласно общим заявлениям и официальным цифрам, масштабы образования в СССР более чем достаточны. Число учеников начальных и средних школ в 1935–36 гг. достигало впечатляющей цифры в 25 миллионов; число студентов вузов составляло 520.000. В 1936–37 гг. соответствующие показатели возросли до 28 миллионов и 560.000. Наконец, в 1939 г. («Правда» от 31 мая) — 29,7 миллиона и 600.000. Около миллиона учащихся получало техническое образование: промышленное, торговое, сельскохозяйственное и пр. В стране широко распространены курсы для взрослых. Жажда знаний очень велика.

Естественно, что правительство, рожденное Революцией и считающее себя народным, стремится удовлетворить стремление народа к получению хорошего образования. Совершенно нормально, что правительство это проводит радикальную реформу системы образования. Так поступило бы всякое послереволюционное правительство.

Чтобы со знанием дела оценить работу правительства большевиков, официальных количественных показателей недостаточно.

Подлинная проблема в том, каково *качество* этого нового образования.

Следует задать вопрос, удалось ли правительству сделать образование *хорошим, достойным, глубоким, основательным*.

Необходимо знать, способны ли просвещение и образование в СССР *сформировать* строителей новой жизни, борцов за дело социализма.

На этот вопрос сама советская печать уже многие годы отвечает отрицательно.

Но прежде всего констатируем, что образование в СССР доступно не всем. Действительно, высшее образование не всегда является бесплатным (см. сталинскую «Конституцию», ст. 125). Большинству студентов государство *выплачивает стипендии*. А остальные? Таким образом, многие молодые люди лишены возможности получить высшее образование, которое становится *привилегией, раздаваемой правительством по своему усмотрению*⁶.

И это не самый большой недостаток.

⁶ В период, когда писалась работа Волина (конец 1930-х гг.) огромное количество молодых людей было вынуждено бросать учебу по материальным причинам. Например, в технические училища в 1930–1938 гг. было принято 1062,0 тыс. человек, окончило обучение в них 362,7 тыс. человек (Культурное строительство в СССР. М. 1940. С. 111–112). Указом СНК СССР от 2.10.1940 была установлена **плата за обучение** в старших классах средней школы (150–200 рублей в год) и в вузах (300–500 рублей в год).

Многие годы колонки советских газет заполняют одни и те же утверждения и жалобы.

1) До сих пор не хватает *школьных учебников*. Этому препятствуют бюрократия, централизация, административная медлительность и т. п.

Председатель Комитета по делам высшей школы некий Кафтанов в своей речи («Правда» от 31 мая 1939 г.) был вынужден признать, что в вузах ощущается тотальная нехватка учебников. Небольшое количество в 1939 г. удалось наконец напечатать. Но значительная часть их представляет собой перепечатки учебников дореволюционных.

2) Из года в год то самое отмечается в отношении *школьных наглядных пособий*. Их нехватка или очень плохое качество серьезно затрудняют процесс обучения.

3) Количество *школьных помещений* совершенно недостаточно. Оно растет крайне медленно, значительно препятствуя развитию народного просвещения. Более того, имеющиеся здания находятся в очень плохом состоянии, а недавно построенные — непременно в спешке и небрежно — непригодны и быстро разрушаются.

Однако и это не самые большие недостатки.

Дело просвещения в СССР парализует гораздо более глубокое зло — *нехватка учителей и преподавателей*.

Начиная с 1935 года «Известия», «Правда» и другие советские газеты полны сетований по этому поводу.

Согласно им, подготовка преподавательских кадров совершенно не отвечает потребностям страны. Например, в 1937 г. было подготовлено только 50 % преподавателей от запланированного.

На местах не хватает сотен и тысяч учителей.

Это не все. Учителя не имеют достаточной подготовки. Так, две трети преподавателей средних школ не получили высшего образования. Точно так же две трети учителей начальных школ не имеют образования среднего.

Советская печать горько сетует на *крайнее невежество* учителей и приводит множество ошеломляющих примеров их непригодности и некомпетентности.

Короче — и *по правде* — говоря, состояние образования и просвещения в СССР плачевно.

За пределами больших городов и их искусственного благополучия не хватает ни учебников, ни наглядных пособий, ни школ, ни учителей. Школы расположены в непригодных помещениях, зачастую без отопления и соблюдения норм гигиены.

Народное образование в глубинке невероятно запущено. Там царит абсолютный хаос.

Не являются ли в таких условиях «90 % грамотного населения» очередным мифом?

Сама советская печать дает ответ на этот вопрос. Из года в год она констатирует отсутствие элементарных знаний и крайне низкий культурный уровень не только народных масс, но и учащейся молодежи, студентов, учителей и преподавателей.

Усилия правительства по исправлению такого положения вещей ни к чему не приводят. *Сама большевистская система* представляет собой непреодолимое препятствие на пути реального улучшения ситуации.

Препятствием является и *направленность* всей системы образования в СССР. Это скорее *пропаганда*, нежели образование. Учащимся вбивают в головы догмы большевизма и марксизма. *Не допускается никакая инициатива, никакой критический настрой, никакая свобода сомнений и исследований.*

Все образование проникнуто духом *схоластики* — мрачным, суровым, окаменевшим.

Полное отсутствие всякой свободы мнений, дискуссий и независимости поступков, то есть какого бы то ни было идейного обмена в стране, где допускается лишь одна марксистская догма, делает невозможным подлинное образование и просвещение народа.

Путешественники — наблюдатели исключительно поверхностные и зачастую наивные — восхищаются культурными и спортивными учреждениями, которые видели «своими глазами» во время кратких официальных визитов в Москву, Ленинград и два или три других города.

Но вот что мы читаем, например, в № 168 газеты «Труд» (июль 1939 г.).

Шахтеры Донбасса ставят перед властями следующий вопрос (редкое явление — документ опубликован):

Какая польза от вычетов из их зарплаты, направленных на содержание «Дворца культуры» в Горловке (промышленный поселок в Донецкой области)?

В текущем 1939 г., говорят шахтеры, на это было выделено несколько миллионов рублей. Один бюджет «Шахтерского клуба» составляет 1.173.000 рублей. Из указанной суммы более 700.000 выплачено кинематографической промышленности за прокат фильмов, на которые никто не ходит из-за их плохого качества. Еще 400.000 рублей уходят на оплату персонала. А шахтеры ничего не имеют с тех денег, которые вынуждены выплачивать.

«Дворец культуры», продолжают шахтеры, окружен садом, торжественно именуемым «парком». Из зарплаты шахтеров удерживается значительная сумма денег на уход за этим садом. На их средства построили огромные ворота и несколько бетонных будок. Но обнести «парк» стеной забыли. Так что сад стоит с помпезными воротами, но без ограды. Туда никто не ходит, потому что он пребывает в запустении. Однако в нем построили летний театр, эстраду, тир, даже душевые. Ничего из перечисленного не работает, а лишь демонстрирует шахтерам беззастенчивость, с которой ответственные руководители рабочих организаций распоряжаются деньгами рабочих. Внутри «парка» эти руководители устроили для себя небольшой садик — интимный уголок, названный «садом парткома шахты». А рабочим, оплачивающим и «Дворец», и «Клуб», и «Парк», и «Сад парткома», остаются пыльные улицы Горловки.

Чудом заявление шахтеров попало на страницы газеты. По ряду причин можно предположить, что власти не смогли им отказать в этой публикации, и наверху было решено удовлетворить их требование и применить санкции. Но можно быть уверенным, что тысячи подобных случаев остаются неизвестными публике.

Удушающий догматизм; отсутствие всякой независимой личной жизни, всякого свободного стремления, всякого душевного порыва, обширных и привлекательных

По официальным данным (Народное образование в РСФСР в 1943 г. М. 1944. с. 42), отсев учащихся средних школ за 1940–1943 гг. «в связи с установлением платного образования», составлял 20 % в год.

перспектив; царство казарменного духа, непробиваемого бюрократизма, пошлого раболепия и карьеризма; отчаянная монотонность мрачного и бесцветного существования, вплоть до мельчайших деталей определенного государственным предписанием — таковы основные черты сферы образования, просвещения и «культуры» в СССР.

Что же удивительного в том, что, согласно «Комсомольской правде» (см., например, номер за 20 октября 1936 г.), учащаяся молодежь охвачена глубоким разочарованием и «опасной» скукой? Сама атмосфера угнетает молодых.

Судя по некоторым признаниям, появившимся в советской печати, многие студенты посещают занятия вынужденно, без подлинного интереса.

Большое число студентов проводит ночи за игрой в карты.

В дневнике молодого студента были обнаружены следующие строчки:

«Мне скучно. Мне ужасно скучно. Ничего выдающегося и примечательного: ни в людях, ни в событиях. Что меня ждет? Хорошо, я закончу учебу. Хорошо, я стану инженером, может быть, прекрасным инженером. У меня будет две комнаты, глупая жена, умный ребенок и 500 рублей зарплаты. Два собрания в месяц и т. д. А потом?... И когда я спрашиваю себя, не жаль ли мне будет расставаться с такой жизнью, я отвечаю: нет, я расстанусь с ней без большого сожаления».

Освобождение женщины. — Поднято много шума вокруг «освобождения женщины большевиками». Подлинное равенство полов, отмена законного брака, свободный союз, свобода женщины распоряжаться своим телом и право на аборт — эти «достижения» правительства большевиков воспевались и прославлялись «прогрессивной» прессой всех стран, без малейшей попытки тщательного исследования проблемы на месте.

Все это также относится к области мифов.

Читатель знает, что идеи равенства и свободы полов, со всеми практическими последствиями, которые из них вытекают, выдвигались передовыми кругами в России очень давно — задолго до Революции. Любое рожденное Революцией правительство вынуждено было бы считаться с ними, узаконить такой порядок вещей. В этом завоевании нет ничего «большевистского». Заслуга большевиков занимает здесь весьма скромное место.

Бесспорно, что большевистское правительство захотело реализовать провозглашенные принципы. Но опять-таки основной вопрос в том, *удалось ли это ему*. И вновь мы могли бы заполнить целые страницы реальными фактами, показывающими, что и здесь оно потерпело позорный провал, и что сама система вынудила правительство повернуть назад, оставив лишь легенду и блеф.

Прежде всего, законный брак в СССР не отменен: он *упрощен* или, скорее, стал гражданским, в то время как до Революции венчание было обязательным. То же самое относится к разводу, который регламентируется рядом финансовых условий, принудительных мер и пр. (см., например, «Известия» от 28 июня 1936 г.).

При изучении регистрации браков обнаруживается значительный процент союзов между очень молодыми женщинами и пожилыми, но хорошо оплачиваемыми мужчинами. Это доказывает, что в СССР, как и повсюду — и, быть может, чаще, чем повсюду, — брак является «делкой», а не свободным союзом по любви, как большевики хотели бы заставить поверить. И это совершенно естественно для капиталистиче-

ской системы, которая сохранилась, приняв иную форму. Ее сущность и проявления остались прежними.

Потерпев неудачу в попытке построить «социалистическое государство» и построив государство капиталистическое (а иное *государство* и не возможно), большевики оказались вынуждены отступить назад в том, что касается отношений полов (семья, дети и т. д.).

Иного пути не было. Эту сферу невозможно изменить, *если только все общество кардинально не меняется*. Если общество не обновляется полностью, если оно только меняет форму, все нравы, в том числе отношения между полами, семья, дети, так же лишь изменяют *форму*: по сути они остаются такими же отсталыми, как и прежде.

Так и произошло в СССР.

Начиная с мая 1936 г. все «прекрасные идеи», все передовые принципы» были постепенно отброшены. Вышел ряд законов, регламентирующих брак, развод, ответственность супругов и т. д.

Это законодательство просто восстановило, хотя и в новых формах, институт «буржуазной семьи».

Женщине вновь запретили свободно распоряжаться своим телом. Право на аборт было сильно ограничено. Сегодня (см. закон мая 1936 г. и последующие указы) аборт допускается лишь в исключительных случаях, по показанию врача или в строго определенных ситуациях. Нелегальный аборт и даже *совет* сделать аборт достаточно сурово наказываются.

В СССР широко распространена проституция. Чтобы убедиться в этом и осознать падение «советских» нравов в целом, достаточно регулярно и внимательно читать ежедневную хронику, корреспонденции с мест и другие подобные разделы в советской печати.

Что касается «равенства полов», это принцип довольно давно был провозглашен российскими передовыми кругами, и большевики, разумеется, взяли его на вооружение. Но, так же как и другие прекрасные социальные и нравственные принципы, он был извращен, когда Революция отклонилась от своего пути. Конкретно, в СССР существует «равенство» в *труде*, но не в *зарплате*. Женщина работает столько же, сколько и мужчина, но получает меньше. Такое «равенство» позволяет государству эксплуатировать женщину еще сильнее, чем мужчину.

Религия. — На этой важной теме следует остановиться.

Утверждают, что большевизм победил религиозные предрассудки. Это ошибка, причиной которой является, опять-таки, незнание конкретных фактов.

Террористическими мерами большевикам удалось подавить *отправление религиозных культов*. Что же касается религиозных *чувств*, они вовсе не исчезли, своими методами и «подвигами» большевизм, вопреки пропаганде, у одних только усилил их, а у других просто трансформировал.

Добавим, что уже до Революции, особенно после 1905 года, религиозные чувства в народных массах пошли на спад, что серьезно беспокоило попов и царские власти. Большевизму же удалось оживить их в иных формах.

Религия будет уничтожена не террором, не пропагандой, а реальными успехами подлинной Социальной Революции. Антирелигиозные семена, упавшие в плодородную почву этих успехов, принесут прекрасный урожай.

Что ж, о социальных «достижениях» достаточно.

Часто мне приходится слышать, что большевистское правительство *сделало все, что могло* для выполнения той или иной задачи и что *не его вина*, если усилия его не увенчались полным успехом.

Именно: чем больше доброй воли будет выказывать правительство большевиков, тем яснее окажется, что подлинная Социальная Революция и подлинный социализм несовместим с правительственной и государственной системой.

«Коммунистическое правительство проявило всю свою добрую волю, чтобы добиться успеха», — говорят нам.

Не буду спорить. Но проблема не в этом. Речь идет не о том, чтобы выяснять, *хотело ли* большевистское правительство сделать что-нибудь или *нет*. Необходимо знать, *удалось ли это ему*. Вот в чем весь вопрос.

По мере того, как будет видно, что правительству, *несмотря на всю проявленную добрую волю, не удалось достичь поставленных целей*, станет ясно, что *иначе и быть не могло*.

«Правительство не могло сделать большего».

Но тогда почему оно не давало действовать другим? Если оно понимало, что бессильно, оно не имело никакого права препятствовать остальным. И кто знает, чего эти остальные могли бы добиться?

Почему же правительство потерпело неудачу?

«Ему помешала отсталость страны». «Отсталые массы не были готовы».

На это ничего нельзя сказать, потому что массам сознательно *не позволили* действовать. Разве удивительно, что человек не может идти после того, как ему связали ноги?

«Другие левые силы не захотели пойти вместе с большевиками». *Эти другие силы не захотели слепо подчиняться большевистским приказам и требованиям, которые считали губительными*. Тогда им заткнули рот и *не позволили* действовать.

Именно: капиталистическое окружение могло затруднить деятельность правительства и способствовать его перерождению. Но оно никогда не сумело бы приостановить или извратить свободную деятельность *миллионов людей*, готовых, как мы видели, в удивительном порыве совершить подлинную Революцию.

Говорить о «преданной Революции», как это делает Троцкий, нелепо не только в рамках всякой «марксистской» или «материалистической» концепции, но и с точки зрения здравого смысла.

Как такое «предательство» оказалось возможным после великой и полной победы Революции?

Вот в чем вопрос.

По здравом размышлении, после тщательного изучения положения вещей самый непосвященный человек поймет, что «предательство» это «не с луны свалилось»; оно явилось «материальным» и совершенно логическим последствием самого хода Революции.

Отрицательные результаты русской Революции были лишь *завершением вполне определенного процесса*. А сталинский режим — только неизбежный итог, к которому привели действия Ленина и самого Троцкого.

То, что Троцкий называет «предательством», на самом деле является фатальным результатом постепенного перерождения, вызванного ошибочной практикой.

Именно: правительственная и государственная практика ведет к «предательству», то есть к краху, который делает возможным «предательство». Другие *методы* привели бы к иным *результатам*.

В своей слепой пристрастности (или, скорее, из неосознанного лицемерия) Троцкий впадает в самую банальную путаницу, для него непростительную: *он путает причины и следствия*.

Грубо ошибаясь (или, вероятнее всего, делая вид, что ошибается, поскольку не имеет других возможностей обосновать свою позицию), он принимает следствие («предательство» Сталина) за причину. Ошибка — или, скорее, маневр, — позволяющая ему уйти от основной проблемы: *как сталинизм оказался возможен?*

«Сталин предал Революцию»... Это очень просто! Даже слишком просто для объяснения чего бы то ни было.

Объяснение, однако лежит на поверхности: «сталинизм» явился естественным следствием краха подлинной Революции, а не наоборот; а крах Революции стал закономерным итогом неверного пути, который избрали большевики.

Иными словами: *именно перерождение пошедшей по неверному пути Революции вызвало Сталина, а вовсе не Сталин переродил Революцию*.

Добавим, что, уже пораженный болезнью, революционный организм мог бы успешно сопротивляться ей при условии свободной деятельности масс; но большевики, руководимые Лениным и *самим Троцким*, лишили его всех средств защиты: болезнь неизбежно должна была охватить его целиком и погубить.

«Предательство» стало возможным, ибо трудящиеся массы не выступили ни против его подготовки, ни против его совершения. Не выступили потому, что, полностью порабощенные новыми хозяевами, быстро лишились как понимания подлинной Революции, так и всякого духа инициативы, свободной деятельности. Скованные, угнетенные, они понимали бесполезность — что я говорю? — невозможность сопротивления. Троцкий лично внес вклад в возрождение в массах духа слепого повиновения, мрачного безразличия по отношению ко всему, что происходит «наверху». Это «Вождам» удалось. Народ был побежден, и надолго. Отныне стало возможным любое «предательство».

После всего сказанного мы предлагаем читателю самому вынести суждение о «достижениях большевиков».

Глава VIII. Контрреволюция

Неспособность большевистского правительства к созиданию, экономический хаос, в который погрузилась страна, небывалый деспотизм и насилие, одним словом, поражение Революции и вызванное им трагическое положение вызвали сначала массовое недовольство, затем все более и более серьезные волнения и, наконец, мощное движение, направленное против невыносимого положения вещей, которое создала диктатура.

Как всегда в подобных случаях, эти движения начались на двух различных полюсах: со стороны Реакции, «правых», которые хотели отвоевать Власть и восстановить старый порядок, и со стороны Революции, «левых», которые надеялись выправить положение и возобновить революционную деятельность.

Не будем долго останавливаться на контрреволюционных движениях. С одной стороны, они более или менее известны, с другой, сами по себе представляют весьма второстепенный интерес — такого рода движения возникают во время практически всех великих революций.

Однако некоторые *аспекты* этих движений достаточно показательны для того, чтобы уделить им внимание.

Вначале (в 1917 и 1918 гг.) сопротивление Социальной Революции было очень ограниченным, скорее локальным и довольно слабым. Как и во всех революциях, некоторые реакционные элементы сразу же выступили против нового порядка, попытавшись удушить Революцию в зародыше. Поскольку подавляющее большинство рабочих, крестьян и армии поддерживало — активно или пассивно — нововведения, это сопротивление было быстро и легко подавлено.

Если бы после этого Революция показала себя плодотворной, сильной, созидательной, справедливой; если бы она смогла достойно разрешить свои огромные проблемы и открыть перед страной — и, быть может, перед остальным миром — новые горизонты, все бы, конечно, ограничилось несколькими отдельными стычками, и победе Революции ничто бы не угрожало. Последующий ход событий в России и мире мог бы принять иной оборот, чем тот, который мы наблюдаем уже двадцать лет.

Но, как известно читателю, пришедший к власти большевизм извратил, сковал и выхолостил Революцию. Сначала он сделал ее бессильной, бесплодной, бесцветной, неудачной, затем мрачной, отвратительно тиранической, бесполезно и бессмысленно жестокой.

В итоге большевизм вызывал разочарование, возмущение, отвращение у все более широких слоев населения. Мы видели, как он одолел рабочих, подавил свободы, уничтожил другие общественные течения. Его жестокий террор и насилие по отношению к крестьянам вынудили последних выступить против него.

Не будем забывать, что во всех революциях *большинство* населения — простые аполитичные «обыватели», «граждане», изо дня в день делающие свои дела, мелкая и часть средней буржуазии, значительное число рабочих и крестьян и т. д. — вначале соблюдали *нейтралитет*: приглядывались, колебались и пассивно ожидали *первых результатов*. Для Революции важно *как можно быстрее* «оправдать» себя перед этими элементами. Иначе все «безразличное» население отвернется от нее, проявит враждебность, начнет симпатизировать проискам контрреволюции, поддержит их и сделает гораздо более опасными.

В особенности такова ситуация *во время больших потрясений*, которые затрагивают интересы миллионов людей, глубоко трансформируют общественные отношения, происходят ценой великих страданий и обещают удовлетворить народные требования. *Это удовлетворение должно наступить быстро*. Во всяком случае, массам нужно на это *надеяться*. В противном случае Революция ослабевает, а контрреволюция обретает силу.

Добавим, что для нормального развития революции необходимо активное содействие нейтральных элементов, ибо они включают в себя большое число «специалистов» и профессионалов — квалифицированных рабочих, инженеров, интеллигенцию и т. д.

Все эти люди, которые не слишком враждебны к произошедшей Революции, обратятся к ней и с энтузиазмом ей помогут, *если ей удастся внушить им доверие, показать им свои возможности и перспективы, свои преимущества, силу, правоту, справедливость*.

В противном случае эти элементы станут открытыми врагами Революции, что нанесет ей весьма чувствительный удар.

Можно предположить, что широкие трудящиеся массы, действуя самостоятельно и свободно с помощью революционеров, *сумели бы* достичь убедительных результатов и, следовательно, успокоить и привлечь на свою сторону вышеназванные элементы.

Диктатура — бессильная, надменная, глупая, злобная и жестокая — не способна на это и отбрасывает их на другую сторону баррикады.

Большевизм не может «оправдать» ни себя, ни Революцию.

Как мы видели, единственная крупная проблема, которую ему удалось разрешить — с грехом пополам и под давлением армии, которая отказывалась сражаться, — была проблема войны. Этот успех — заключенный мир — на длительное время обеспечил ему доверие и симпатии широких народных масс. Но этим все и ограничилось. Затем он показал себя бессильным в экономической, социальной и прочих сферах. Бесплодность его правительственных, государственных методов стала ясна сразу же после победы.

Большевики и их сторонники любят ссылаться на «ужасные трудности», которые пришлось преодолеть большевистскому правительству после войны и Революции в такой стране, как Россия. Именно этими трудностями и пытаются оправдать действия большевиков.

Такие аргументы могут повлиять на *инострannую* публику, которая не знает фактов. Но те, кто *пережил* Революцию, рано или поздно поняли: 1) что причиной губительных действий большевиков были не столько трудности, с которыми пришлось сталкиваться, сколько *сам характер большевистской доктрины*; 2) что многие из

этих затруднений возникли как раз *потому, что правительство с самого начала стало душиТЬ свободную активность масс*; 3) что большевики не только не ослабили *действительные трудности*, но еще больше их усугубили; 4) что свободные массы легко бы их преодолели.

Основной трудностью было, конечно, снабжение продовольствием. Чтобы двигать Революцию вперед, следовало как можно быстрее перейти от дефицита и «товарной» (денежной) экономики к изобилию и экономике «распределительной», уничтожить деньги.

Но чем значительнее становились трудности, тем менее правительство оказывалось способным их разрешить; чем острее они были, тем более следовало дать волю свободной инициативе и активности народа. Но, как мы знаем, большевистское правительство завладело всем: идеями, инициативой, средствами. Оно стало абсолютным диктатором («пролетариата»), подчинило массы, удушило их порыв. И по мере того, как нарастали трудности, оно ограничивало активность «пролетариата».

Нет ничего удивительного в том, что, вопреки так называемой «индустриализации», пресловутым «пятилетним планам» и т. п., большевизм не смог покончить с трудностями и вскоре в своей безнадежной борьбе с требованиями жизни дошел до самого отвратительного насилия, которое только подчеркивало его реальное бессилие. Не принудительной, навязанной массе рабов индустриализацией можно достичь изобилия и построить новое общество.

Сами массы интуитивно чувствовали необходимость перехода к новым формам производства и трансформации отношений между производством и потреблением. Они все яснее осознавали возможность покончить с деньгами и перейти к системе прямого обмена между организациями производителей и потребителей. Не раз и во многих местах они даже были готовы реализовать это на практике. Весьма вероятно, что если бы они обладали свободой действий, им удалось бы постепенно прийти к подлинному решению экономической проблемы — создать распределительную экономику. Нужно было дать им возможность поиска и действия, направляя их и помогая как настоящие друзья.

Правительство не желало ничего слышать. Оно считало, что все сделает само, навязывая свою волю и свои методы. Поначалу интуитивно, а затем все более и более ясно массы начали осознавать неэффективность этих методов, бессилие правительства, опасность, которую несли стране диктатура и насилие.

Легко понять психологические последствия такого состояния дел.

С одной стороны, массы постепенно отворачивались от большевизма или же, охваченные разочарованием, даже выступали против него. Недовольство, мятежные настроения росли день ото дня.

Но с другой стороны, народ не знал, как выйти из тупика. Не предлагалось никакого стоящего решения, всякий свободный обмен идеями, дискуссии, пропаганда и независимая деятельность были запрещены. Ситуация казалась массам безвыходной: они не имели никаких возможностей действовать; их организации были огосударствлены и военизированы; малейшая оппозиция сурово каралась; оружие и другие материальные средства находились в руках властей и новых привилегированных сословий, которые готовы были защищать себя всеми способами.

В итоге массы, все более возмущенные, не видели никакой возможности реально что-либо изменить.

Бдительная контрреволюция не упустила случая использовать подобное положение вещей и умонастроения. Она спешно попыталась обернуть их в свою пользу. Так растущее народное недовольство послужило основой массовых контрреволюционных движений и три года поддерживало их.

На юге и востоке страны начались крупные военные кампании, затеянные привилегированными классами, поддержанные иностранной буржуазией и руководимые старорежимными генералами.

В новых условиях мощные выступления 1919–1921 гг. носили гораздо более серьезный характер, чем стихийное и довольно незначительное сопротивление 1917–1918 гг., такое, как мятеж генерала Каледина на юге, атамана Дутова на Урале и др.

Уже в 1918–1919 гг. тут и там происходили более серьезные, более масштабные восстания. Вспомним наступление генерала Юденича на Петроград (декабрь 1919 г.) и контрреволюционное движение на севере страны под эгидой «правительства Чайковского».

Хорошо организованные, вооруженные и экипированные силы Юденича находились на подступах к недавней столице. И на этот раз они были легко разбиты благодаря подъему, энтузиазму, а также превосходной организации рабочих масс Петрограда при поддержке отрядов кронштадтских матросов — внесли свой вклад и восстания в тылу врага. В обороне города участвовала молодая Красная Армия под командованием Троцкого.

Движению Чайковского удалось захватить Архангельскую губернию и часть Вологодской. Как и повсюду, разгромила его не Красная Армия. Ему положили конец стихийные выступления трудящихся масс по обе стороны фронта. Необходимо отметить, что движение Чайковского, поддержанное иностранной буржуазией, столкнулось и с сопротивлением западного рабочего класса. Стачки и манифестации против антироссийской интервенции — особенно в английских портах — обеспокоили буржуазию, которая не чувствовала себя в безопасности в своих странах, и заставили ее отступить.

Более значительным оказался мятеж адмирала Колчака, начавшийся на востоке страны летом 1918 г. В числе прочих его поддержали чехословацкие части, сформированные в России. Стоит ли говорить, что Красная Армия Троцкого не в силах была его подавить. И на этот раз ему положило конец ожесточенное сопротивление партизан — вооруженных рабочих и крестьян, — а также восстания в тылу. Красная Армия торжествовала... поставленная перед свершившимся фактом.

Отметим, что все эти контрреволюционные движения более менее активно поддерживались умеренными социалистами — меньшевиками и правыми эсерами.

В момент наступления белочехов (июнь-июль 1918 г.) большевики, стремясь избежать всяких осложнений и опасаясь возможного похищения, в ночь с 16 на 17 июля расстреляли бывшего царя Николая II и его семью, переправленных ранее в город Екатеринбург на Урале. Затем большевики эвакуировали город.

Обстоятельства этой казни представляются довольно загадочными, несмотря на подробное расследование, проведенное одним следователем по

приказу Колчака. В точности не известно даже, исходило ли распоряжение от центральной власти в Москве или от местного Совета. Сами же большевики хранят молчание¹.

Таким образом, в то время народные массы, еще не разоруженные большевиками и сохранившие веру в большевистскую Революцию, энергично сопротивлялись контрреволюционным движениям и довольно легко расправлялись с ними.

Положение полностью изменилось к концу 1919 года.

Массы, разочаровавшиеся в большевизме (и разоруженные «советским» правительством), перестали оказывать прежнее сопротивление контрреволюции. Кроме того, вожди белых движений научились прекрасно использовать настроения масс. В своих листовках и манифестах они заявляли, что борются исключительно против деспотизма большевиков. Они обещали народу «свободные Советы» и сохранение других принципов Революции, поруганных большевистским правительством. (Разумеется, после победы они не собирались выполнять свои обещания и надеялись подавить всякую оппозицию.)

Именно поэтому два крупнейших выступления белых на юге, под командованием Деникина и Врангеля, приняли такие масштабы, что поставили режим под непосредственную угрозу.

Первое движение, под военным командованием генерала Деникина (1919 г.), быстро охватило всю Украину и значительную часть Центральной России. Белая армия, сметая красные части, взяла Орел, город на пути к Москве. Большевистское правительство уже готовилось к бегству, когда к его великому удивлению противник неожиданно и спешно отступил. Угроза Москве миновала. Положение было спасено. Ниже читатель обнаружит подробный рассказ об этом историческом эпизоде. Однако отметим, что и на сей раз ни большевики, ни их армия не сыграли никакой роли в поражении Деникина.

Вторым крайне опасным для большевистской власти движением руководил генерал Врангель. Оно последовало за выступлением Деникина. Врангель, более хитрый, сумел извлечь некоторые уроки из неудач своего предшественника и завоевать более глубокие и прочные симпатии в массах. Поворот в общественном мнении зашел дальше. В последней части нашей книги читатель увидит, как была разгромлена эта вторая вооруженная контрреволюция. И здесь заслуга принадлежит не большевикам.

Все эти движения, а также другие, менее значительные, потерпели крах.

Деникинское полностью распалось. Подойдя, как мы видели, «к воротам Москвы», его армия быстро оставила завоеванные позиции и бежала обратно на юг. Там она была разгромлена. Отдельные остатки ее были постепенно ликвидированы перешедшими в наступление отрядами Красной Армии, а также партизанами.

По меньшей мере в течение суток охваченное паникой большевистское правительство не хотело верить в отступление деникинских войск, не понимало его причины. Только позднее оно получило объяснения. Осознав наконец очевидное, правительство вздохнуло с облегчением и направило красные части преследовать белых. Это был конец движения Деникина.

¹ Расстрел Николая Романова и его семьи был произведен по решению Екатеринбургского Совета, но с ведома и одобрения Совнаркома.

Выступление Врангеля поначалу тоже казалось успешным. Не угрожая Москве, оно, однако, беспокоило большевистское правительство больше, чем рейд Деникина. Потому что народ, испытывавший растущее отвращение к большевизму, казалось, не хотел оказывать серьезное сопротивление этому новому антибольшевистскому движению — он оставался безразличным.

С другой стороны, из-за почти всеобщего безразличия большевистское правительство не могло, как прежде, полностью рассчитывать на свою армию.

Однако, несмотря на первоначальные успехи, движение Врангеля было разгромлено, как и все остальные.

Что послужило причиной этого почти «чудесного» поворота событий, этого финального краха кампаний, начинавшихся так удачно?

Подлинные причины и точные обстоятельства контрреволюционных наступлений и отступлений, с одной стороны, мало известны, с другой, сознательно искажаются заинтересованными авторами.

Кратко основные причины разгрома белого движения были следующими:

Прежде всего, неумное, циничное и вызывающее поведение руководства, вождей и главарей движения. Сразу же после победы эти господа становились настоящими диктаторами завоеванных районов, ни в чем не уступая большевикам. Чаще всего проводя время в кутежах, не в силах нормально организовать жизнь, напыщенные, исполненные презрения к трудовому народу, они быстро показывали последнему, что их цель — восстановить старый порядок со всеми его «прелестями». Заманчивые обещания их манифестов, раздаваемых накануне наступления, быстро забывались. Этим господам не хватало терпения дожидаться хотя бы окончательной победы. Они сбрасывали маски до того, как оказывались в безопасности, с поспешностью, которая выдавала их истинные цели. А последние ничего хорошего народу не сулили. Повсюду немедленно начинался белый террор и дикие репрессии, доносы, аресты и массовые казни без суда и пощады.

Более того, вместе с белыми армиями возвращались прежние собственники, помещики и промышленники, бежавшие или изгнанные во время Революции и спешившие вновь завладеть своим «имуществом».

Самодержавный и феодальный режим возрождался во всем своем безобразии.

Подобное поведение быстро вызывало мощную ответную реакцию трудящихся масс. Возвращения царизма и помещиков они опасались гораздо сильнее, чем большевизма. При последнем они, несмотря ни на что, могли надеяться на улучшения, в конце концов, на «свободную и счастливую» жизнь. В то время как с возвращением царизма надеяться было уже не на что. Его незамедлительно следовало остановить. Крестьяне, которые в то время, по крайней мере, в принципе, могли пользоваться экспропрированными землями, особенно беспокоились при мысли о том, что придется возвращать эти земли прежним владельцам. (Такое умонастроение трудящиеся масс в значительной степени объясняет временную прочность большевистского режима: из двух зол массы выбирали то, которое казалось им меньшим.)

Таким образом, восстания против белых вспыхивали тотчас же после эфемерных побед последних. Едва осознав опасность, массы переходили к сопротивлению. И спешно созданные партизанские отряды, поддерживаемые как Красной Армией, так и трудовым народом, оправившимся от своих заблуждений, громили белых.

Например, наибольший вклад в разгром сил Деникина и Врангеля внесла украинская повстанческая рабочая и крестьянская армия, известная под названием «махновской», по имени ее командира, партизана-анархиста Нестора *Махно*.

Подробно об этой армии и движении, сражавшихся во имя свободы, против всех сил угнетения, красных и белых, мы расскажем ниже, когда будем рассматривать *другое* сопротивление большевизму — сопротивление *слева*.

Но раз уж мы заговорили о белой реакции, уточним сразу же, что именно народная армия Махно вынудила Деникина оставить Орел и спешно пуститься в бегство. Именно «махновские» отряды нанесли сокрушительное поражение арьергардам и отборным частям Деникина на Украине.

Что касается армии Врангеля, то, что первое серьезное поражение ей нанесла *армия Махно*, признали сами большевики, причем при довольно любопытных обстоятельствах.

Во время грозного наступления Врангеля я находился в большевистской тюрьме в Москве. Так же как и Деникин, Врангель бил Красную Армию и вынуждал ее спешно отступать на север. Махно, который в то время враждовал с большевиками, решил, ввиду серьезной угрозы, нависшей над Революцией, предложить им мир и помочь в борьбе с белыми. Находившиеся в затруднительном положении большевики согласились и заключили с Махно соглашение. Последний напал на врангелевскую армию и нанес ей поражение под Ореховым. Прежде чем начать преследование бегущего противника, Махно послал телеграмму московскому правительству, сообщив о победе и заявив, что не двинется ни на шаг, пока не выпустят на свободу его адъютанта Чубенко и меня. Все еще нуждаясь в Махно, большевики смирились и освободили меня. Тогда же они показали мне его телеграмму и признали высокие боевые заслуги его партизанской армии.

В заключение мне хотелось бы подчеркнуть лживость некоторых легенд, выдуманных и распространяемых большевиками и их друзьями.

Первая — об иностранной интервенции. Согласно ей, масштабы интервенции были весьма значительны. Этим, в частности, большевики объясняют силу и успехи некоторых белых движений.

Такое утверждение не соответствует действительности. Оно сильно преувеличено. На самом деле иностранная интервенция во время русской Революции никогда не была ни мощной, ни продолжительной. Она ограничивалась некоторой, довольно скромной помощью деньгами, провиантом и снаряжением. Позднее сами белые подтверждали это и горько жаловались. Что касается посланных в Россию войск, они были незначительны и не играли практически никакой роли.

Это легко понять. Прежде всего, у иностранной буржуазии было немало дел в своих странах во время и после войны. Кроме того, военачальники опасались «разложения» подчиненных им войск при контакте с революционным русским народом. **Этого контакта по возможности избегали. Не говоря уже об английских и французских частях, которые никогда не воевали против революционеров²,**

² Использование войск интервентов, направленных странами Антанты в Россию, в боях гражданской войны действительно было крайне незначительным. Единственное исключение — Чехословацкий корпус, но он не был прислан в Россию, а был сформирован на ее территории.

австро-германские оккупационные войска (после Брестского мира), довольно многочисленные и получавшие поддержку украинского правительства Скоропадского, быстро разложились и были изгнаны революционными силами.

В связи с этим позволю себе подчеркнуть, что последствия немецкой оккупации подтвердили позиции анархистов по отношению к Брестскому миру. Кто знает, какова была бы сегодня картина мира, если бы в то время большевистское правительство, вместо того, чтобы вести переговоры с немецкими империалистами, позволило бы их войскам войти в революционную Россию, и не были бы результаты оккупации такими же, как те, что позднее позволили уничтожить деникиных, врангелей, австро-германцев и tutti quanti!

Что ж! Всякое правительство — и всегда — для Революции означает: «политический» путь, застой, недоверие, реакция, опасность, несчастье.

Ленин, Троцкий и иже с ними никогда не были революционерами. Они были лишь решительными реформистами, которые, как настоящие реформисты и политики, неизменно прибегали к старым буржуазным методам в решении как внутренних, так и военных проблем. Они не верили ни в народные массы, ни в подлинную Революцию, даже не понимали ее. Доверив этим буржуазным государственным-реформистам судьбу Революции, революционные российские трудящиеся совершили фундаментальную и непоправимую ошибку. Это частично объясняет то, что происходит в России с октября 1917 г. до наших дней.

Вторая весьма распространенная легенда — о решающей роли Красной Армии. Большевистские «историки» утверждают, что именно она разбила контрреволюционные войска, подавила белых и одержала все победы.

Нет ничего более далекого от истины. Во время всех значительных кампаний белых Красная Армия терпела поражение и бежала. Белых разбил восставший вооруженный народ. Красная Армия неизменно приходила на готовое, чтобы помочь уже победившим партизанам добить бегущие белые отряды и возложить на себя победный лавровый венок.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Всеволод Волин
Неизвестная революция 1917-1921. Книга вторая
Большевизм и анархия

https://royallib.com/book/volin_vsevolod/neizvestnaya_revolyutsiya_1917_1921

ru.theanarchistlibrary.org